ОБЩАЯ СЕМАНТИКА
СЕМИНАР 1937

Лекции в Колледже Оливет

Альфред Коржибски

3-е Издание

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Альфред Коржибски написал Зрелость Человечности после своих опытов в Первой мировой войне. В то время он выдвинул довод, что «Первая мировая война ознаменовала… конец человеческого детства и начало человеческой зрелости». Однако, когда я смотрю на ситуацию, сложившуюся в начале двадцать первого века, мне такой довод кажется слишком оптимистичным. Албанцы, Хорваты и Сербы продолжают вести гражданскую войну на Балканах на почве народной принадлежности. На Ближнем Востоке процесс ‘мирного’ урегулирования между палестинцами и израильтянами, по-видимому, полностью остановился, и теперь на каждой стороне кто-то умирает каждую неделю. В Ираке населения курдов и шиитов подвергаются военным атакам, Садам Хуссейн предпринимает угрожающие шаги против Кувейта, Саудовской Аравии, а самолёты США продолжают патрулировать «бесполётную зону». В Африке боевики из южной части Судана сражаются с северными войсками правительства, а тем временем большую часть континента одолевают проблемы СПИДа и голода. В США за два года после массового убийства в школе Колумбайн в школах произошло больше сорока инцидентов со стрельбой. И т. д., и т. п. Мне кажется, что в лучшем случае мы достигли «юности человечности».

Воззрения Коржибски видятся востребованными как никогда. В свете этого Институт Общей Семантики представляет новое издание стенограммы семинара, который Коржибски провёл в Колледже Оливет в 1937 году. В этой презентации он даёт основные принципы своей системы и методы обучения, необходимые для её применения. Семинар послужит хорошей отправной точкой всем желающим применять общую семантику в повседневной жизни.

Мы внесли некоторые изменения в это издание; большинство из них потребовались для соответствия текущей политике узуса ИОС и для связности. Стиль Коржибски мы сохранили. Мы надеемся, вы найдёте презентацию полезной и увлекательной.

В подготовке данного издания помощь оказала Сюзан Презби Кодиш, которая занималась корректурой рукописи. Джеф Мордковиц, директор Института общей семантики, занимался редакторской поддержкой.

ГОМЕР ДЖ. МУР
МЭНШАК, ШТ. ТЕХАС
МАЙ 2001

ОТ РЕДАКТОРА

Сокращённые пометки с семинара Альфреда Коржибски в Колледже Оливет 1937, шт. Мичиган, перепечатали и раздавали в книжном магазине Колледжа.

Пометки стенографировал Кит Бол, студент на историческом факультете Колледжа. Коржибски просматривал рукопись, но не читал чистовик перед изданием. Экземпляры 1937 года назвали Общая семантика; под этим названием эти лекции значатся в ‘Библиографии Трудов Альфреда Коржибски’ в выпуске журнала General Semantics Bulletin № 3, 1950.

Готовить повторное издание семинара начал Гатри Дженсен; он приступил к редактуре, когда закончил работу над Избранными материалами из Науки и здравомыслия (1948). Когда Дженсен ушёл из Института, проект на время отложили.

Мы наконец представляем Семинар 1937 и надеемся, что все его прочитавшие возьмутся за изучение Науки и здравомыслия. Над своей разговорной презентацией, которую имели возможность испытать сотни студентов, Коржибски не работал так тщательно, как над своими письменными трудами, и мы не подвергали её никакой редактуре.

В подготовке издания 1964 года помощь оказывали Чили Миллер, набравшая рукопись, и Кен Мэнсуй, проводивший корректуру. Шарлот Ш. Рид, распорядитель литературного наследия Коржибски, и М. Кендиг, директор Института Общей Семантики, внесли свои вклады.

ЭДВАРД Л. ГЕЙТС
ЛАЙМ РОК, ШТ. КОННЕКТИКУТ
НОЯБРЬ 1964

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Моё знакомство с общей семантикой началось в 1930 году, когда Альфред Коржибски подал большую часть рукопись Науки и здравомыслия в издательский дом, с которым я тогда имел связи. Копированный на писчую бумагу экземпляр той не проверенной версии мне пришлось одолевать с трудом и нарастающим интересом. После обсуждения с коллегами мы решили, что нашей молодой фирме с ориентиром на литературу и искусство не хватало ни средств, ни технологий, чтобы осуществить такую публикацию. Это, однако, стало для меня началом длительных дружеских отношений с Альфредом Коржибски.

Когда в 1935 году я оказался в Колледже Оливет шт. Мичиган, а Коржибски находился в Чикаго, мне захотелось предложить ему посетить Оливет, что он впоследствии сделал несколько раз. Мы договорились, чтобы он дал две вводные лекции; на них пришли почти все студенты из сообщества. Их реакции варьировались от злости до смятения и энтузиазма, но равнодушия не проявил никто.

Это послужило своего рода ферментом для заведения, и когда два года спустя Коржибски приехал провести расширенный семинар на четырнадцать сессий, явка — полностью добровольная — оказалась на удивление многочисленной. Впоследствии руководство Института организовало серию лекций, которые договорились стенографировать. Те, кто посещал последние семинары, узнают базовый ход подачи. Коржибски постоянно старался улучшить и обогатить презентацию, чтобы повысить её эффективность и адаптировать её к конкретной группе присутствующих, но основной метод и содержимое осталось в этой стенограмме.

Меня удивляет, что даже в печатной форме сохранился ритм и дух подачи Коржибски. Знавшие его люди по этому тексту смогут легко представить его жесты и выражения лица. Однако помимо ностальгических воспоминаний, я считаю важным, что эти лекции снова стали доступны, потому что в них читатель найдёт множество базовых составляющих для развития навыков общей семантики.

ДЖОСЕФ БРУЭР
PAUL KLAPPER LIBRARY, QUEENS COLLEGE
ФЛАШИНГ, ШТ. НЬЮ-ЙОРК, ОКТЯБРЬ 1963

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.....ii
ОТ РЕДАКТОРА.....iii
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.....iv
ВСТУПЛЕНИЕ (1937).....vi
ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ.....2
ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ.....7
ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ.....13
ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЁРТАЯ.....19
ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ.....27
ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ.....32
ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ.....37
ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ.....42
ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ.....48
ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ.....53
ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ.....58
ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ.....63
ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ.....70
ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.....76
ДОПОЛНЕНИЕ.....84

ВСТУПЛЕНИЕ (1937)

Книга Наука и здравомыслие: введение в не-аристотелевы системы и общую семантику вышла в свет осенью 1933 года, чтобы познакомить общественность с общей семантикой (общей теорией значений). С тех пор сотрудники применяют экстенсионализацию в лечении ‘умственно’ больных как в больницах, так и в частной психиатрической практике; в исправительных заведениях; в образовании как ‘ненормальных’, так и ‘нормальных’ людей в некоторых школах, колледжах и университетах; и в личной адаптации жизней индивидуумов. Общую семантику также применяют специалисты в разных отраслях науки, чтобы пересмотреть прежние формулировки и разрешить трудности. О некоторых опытных результатах в различных научных работах и в переписке с автором сообщили перед Первым американским съездом по общей семантике, прошедшем 1 и 2 марта 1935 года в Вашингтонском педагогическом училище, в городе Элленсбург, шт. Вашингтон. Результаты, по-видимому, широко согласуются; ‘экстенсионализация’ работает на практике. Среди этих результатов стоит упомянуть следующие: (1) после нескольких месяцев обучения, некоторые ‘умственно’ больные пациенты восстановились, и на сегодняшний день не испытали рецидивов; (2) учащиеся с неудовлетворительной успеваемостью вышли на ‘средний’ уровень успеваемости; (3) некоторые из самых слабо успевающих учащихся стали самыми успевающими; (4) учащиеся смогли преодолеть свои ограничения и не-способности, лучше приспособились к жизни, и им стало проще справляться с учёбой; (5) практически в 99 процентах случаев у серьёзно настроенных учащихся последовали какие-либо полезные результаты в адаптации; (6) некоторые психиатры сообщили, что семантические методы позволили им сократить сроки психотерапии и проводить групповое лечение; (7) автор проверил эти общие автоматические результаты на своих семинарах.

В заключении я могу сказать, что европейская раса [см. сноску на странице 3] оказалась в безвыходной ситуации; действительные условия жизни формируются экстенсиональной наукой, но наши внутренние ориентирования и структуры языка остаются интенсиональными. В связи с этим следует ожидаемый рост дезадаптации, что мы и наблюдаем. Будущие проблемы видятся ясными с точки зрения прогнозируемости; либо мы вернёмся к примитивным состояниям, откажемся от экстенсиональной науки и, возможно, выживем, либо преобразуем наши ориентиры так, чтобы они согласовывались с действительностью наших жизней — иными словами, экстенсионализуем их. Этот выбор придётся сделать в общих рамках культуры; следует прекратить вычитывать в европейском человеке примитивные животные реакции и выяснить с помощью экстенсионального научного анализа стандарты оценки адекватные его уровню и функционированию его нервной системы. Общая семантика стала попыткой это сделать, и пока что результаты указывают на её оправданность.

Отрывок из доклада Альфреда Коржибски «Невро-семантические и невро-лингвистические механизмы экстенсионализации, общая семантика как естественная наука», представленного для аудитории психологов из Американской ассоциации содействия развитию науки, в городе Сэйнт Луис, в декабре 1935 года. Перепечатка из American Journal of Psychiatry, выпуск 93, № 1, Июль 1936.

ОБЩАЯ СЕМАНТИКА СЕМИНАР 1937

Лекции в Колледже Оливет

Альфред Коржибски

3-е Издание

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Прежде всего потеряйте весь страх. Думаю, вы помните надпись в Божественной комедии Данте: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Над дверьми в аудитории для занятий по общей семантике [ОС] стоит написать: «Преисполнись надеждой, всяк сюда входящий».

Для начала нам стоит познакомиться. Избавьтесь от напряжений, связанных с этими семинарами. Нам всем стоит чувствовать себя как дома и относится друг к другу по-дружески. Если вы что-то не понимаете, скажите мне, и я повторю столько раз, сколько потребуется. Не смотрите на мои с вами отношения как на отношения преподавателя со студентами. Смотрите на себя, как на людей: $Смита_1$, $Смита_2$, $Смита_3$ и т. д. — и на меня тоже, скажем, как на $Смита_n$. Здесь люди говорят с людьми. Расслабьтесь и ничего себе не накручивайте.

Я скажу много о математике и психиатрии — двух предметах, которые, как вы знаете, особо не пользуются популярностью. Я собираюсь говорить о математике, потому что она представляет собой простейший язык. Я задам вам простые вопросы, и хочу, чтобы вы на них ответили. Если вы что-то не понимаете, говорите; нам следует работать сообща. Если я говорю недостаточно громко, говорите. Если вы хотите, чтобы я что-то повторил, говорите. Придирок и пустых замечаний я не потерплю, просто потому что придирчивые критики обычно выдают уровень своей разумности блёсткой болтовнёй. Дешёвая блёскость не есть рабочий разум. Однако я хочу сотрудничать со своими студентами, и дать вам понять, что я говорю. Ваш ректор Бруэр это назвал очень простой, но не лёгкой задачей.

Иногда я испытываю стыд за тему своих лекций из-за её чрезвычайной простоты. Каким-то образом приходится прилагать значительные усилия, чтобы усвоить что-то такое до идиотизма простое. Я хочу развеять ваши представления об ОС как о чём-то крайне сложном. Вы часто говорите: «Это выше моего понимания». Ничего не идёт выше нашего понимания, но иногда подача может оказаться настолько неудовлетворительной, что из-за неё простые вещи кажутся сложными. Это касается занятий в школах, колледжах и университетах. Конечно, преподавателям следует знать что-то об искусстве подачи. Я помню одну девушку из школы, где я проводил лекции по экстенсионализации, которая очень не любила математику. Её учитель приходил ко мне на семинар; та девушка удивилась, когда я сказал ей, что её учителю не хватало ясности. Некоторое время спустя она утратила неприязнь к математике. Для толковой подачи требуются толковые преподаватели. Вам, в этом колледже, повезло, потому что здесь работают отличные преподаватели и очень дальновидный ректор.

В чём заключается ценность образования? К чему вся эта работа? Подготовка к карьере? Вы бы предпочли несчастного ребёнка с профессией и зарплатой или счастливого без профессии? Цель образования состоит в том, чтобы подготовить учащегося к жизни, и в позднем образовании мы этим не занимаемся. В нём мы готовим промышленные автоматы, а не людей. Жизнь представляет собой что-то большее, чем просто профессию. В этом конкретном колледже вам повезло; вас готовят к жизни. В попытках сделать из вас простых техников образование приводит к неудаче. Подготовка к жизни стоит высшей целью образования, потому что ‘профессия’ составляет лишь часть жизни.

Мы проводим всевозможные образовательные эксперименты. Большинство из них видятся довольно глупыми; но что же происходит? Вы знаете? Вы постареете и умрёте раньше, чем они выяснят, что их эксперименты оказались не научно современными. Разве нам не следует искать фундамент образования научными средствами? Почему мы этого не делаем? Потому что большинство деятелей

образования плохо разбираются в математике и точных науках. В ОС мы ко-ординируем[1] науку и образование, жизнь и здравомыслие.

Я много расскажу о математике и психиатрии, потому что в нашем человеческом ориентировании мы занимаемся дисциплинами самими по себе, а наши методологические открытия не влияют на наши общие ориентирования.

Что бы вы сделали, обнаружив полость у себя в зубе? Вы бы обратились к стоматологу, так? А что бы вы сделали, обнаружив полость в своей адаптации? Не следовало ли бы в таком случае обратиться к 'умственному' специалисту? Да. Если у вас возникли проблемы в адаптации, разве вы не обращаетесь к специалисту? Вы не считаете свой мозг и его продукт — иными словами, своё ориентирование — важнее цвета вашей мочи? Стоит ли заботиться о собственных мозгах? Я могу определённо порекомендовать представителям молодого поколения при возникновении проблем с адаптацией обращаться к специалисту по психиатрии. Это не значит, что вы сошли с ума. Видите ли, мы живём в другом множестве семантических сред. Мусульмане провозглашали безумных блаженными; христиане объявляли их одержимыми дьяволом. Однако на отличия безумия от здравомыслия стоит смотреть в рамках степеней. Мы видим такие механизмы как в больницах для безумных, так и в этой аудитории. Нас интересует, как мы можем с ними разобраться.

Говоря о психиатрии, я не хочу, чтобы вы подумали, что я подразумеваю что-либо об этой аудитории, кроме того, что такие механизмы работают подобным образом и там и тут, и что проблемы адаптации к жизни и вся проблема психотерапии сводятся к осознанности механизмов. Прежде мы не осознавали механизмы, но, когда подходили к их осознанию, большинство проблем оказывалось решённым. Поэтому вся задача состоит в том, чтобы выявить и осознать механизмы — осознать, что в нас происходит. Я постараюсь подать объяснения так, чтобы каждый из вас выяснил, где кроется проблема. Все мы испытываем какие-то проблемы, и хотим их решить. Вы все их испытывали и испытаете больше.

Вы прошли обучение алгебре. По-старому мы смотрели на неё как на «науку ради науки». Сегодня нам стоит стать умнее. Наука существует только для решения человеческих задач. Представьте, что вы прочли книгу об алгебре. Вам всем приходилось так обращаться с книгой, независимо от того, сколько вы из неё извлекли. Можете ли вы решить задачу просто чтением книги? Нет. Что вам придётся сделать, чтобы решить задачу алгеброй? Вам придётся освоить технику алгебры. Прочтение книги вам не поможет. Алгебра существует только чтобы решать задачи.

ОС представляет собой своего рода алгебру; она существует и ценность её заключается в том, чтобы помогать решению жизненных задач. Однако, нам требуется техника. Вам потребуется усвоить технику прежде, чем вы сможете применять её для решения задач. Я вижу свою цель в том, чтобы помочь вам решить ваши задачи. Люди часто спрашивают меня: «У меня возникла такая-то проблема. Как вы её решите?» Я не решаю ваши проблемы, а даю вам метод решения ваших проблем. Я не могу знать о ваших личных проблемах и обо всём, что им сопутствует, так? Могу ли я дать вам рабочие личные мнения? Запомните, что на личные мнения полагаться не стоит. Никто не имеет права на своё личное мнение. Вам придётся дополнить свои личные мнения мнениями европейской расы,[2] которые мы называем наукой. Ведь наука представляет собой ничто иное, как расовые

1. {«ко-ординация»; в оригинале — co-ordination. Применяются, особенно в англоязычной печати начала и середины XX века, варианты как с дефисом, так и без. В данном переводе, в определённых контекстах употребляется с дефисом, чтобы указать и подчеркнуть понятие порядка в оригинальном термине: co- — приставка, придающая значение совместно, взаимно,; order — сущ. порядок, гл. упорядочивать,.}

2. Коржибски упоминал «европейскую расу» {в оригинале "the white race" — «белая раса»} в период 1915–1940. В 2002 это может прозвучать странно. Некоторые люди истолковали его комментарии о «европейской расе» как признаки расовых предрассудков. Коржибски прояснил свои 'расовые предрассудки' в книге Наука и здравомыслие (страница {оригинала} 404), где он написал: «Практически все зловредные, необоснованные и ненаучные обобщения, которые сделали европейскую расу самой животной, эгоистичной, жестокой, лицемерной и не-здравомыслящей расой на земле, сформировались из-за биологических, [аристотелевых], искажённых измышлений и [семантических реакций], произошедших от ложной аналогии». На странице {оригинала} 406 он объяснил: «[Я говорю о] европейской расе [потому что] не знаю достаточно о структурах языков других рас и их [семантических реакциях], чтобы говорить о них».

мнения. Придерживайтесь расовых мнений, потому что они имеют наибольший авторитет и служат нам лучше всего на данную дату. Личные мнения несут опасность, но, если они стоят на науке, они обретают некоторую степень прогнозируемости.

Я обращаю особое внимание на математический метод и на психиатрию, потому что в наших общих ориентированиях именно ими мы пренебрегаем больше всего. Мы занимаемся ими ради них самих же, но мудрость, которую извлекаем из математики и психиатрии никогда не применяли к жизни. В ОС и в человеческих науках нам не следует пренебрегать научной методологией. Человеческую оценку в своих худших проявлениях мы называем 'безумием'. Человеческие оценки в их лучших проявлениях реализуются в математике и математических науках. В ОС мы учитываем математические методы и психиатрические методы, и применяем их к общему ориентированию — что прежде мы не делали. Личные мнения, ваши или мои, не имеют ценности. В своих лекциях мне придётся вас предупреждать о необоснованности сказанного словами «я высказываю своё личное мнение». Если личные мнения стоят на расовых мнениях (науке), которые не составляют ничего кроме мнений, то мы знаем, что располагаем лучшим на 1937 год, и можем от чего-то оттолкнуться. Теперь, перейдём к основам того, что мы называем ОС.

О чём мы здесь говорим? Термин семантика звучит знакомо; он пришёл к нам из греческого языка в значении «значимость», «значение», «ценность».[3] Им пользовались много лет назад, но старая семантика на настоящий момент умерла. Я называю новую дисциплину общая семантика, чтобы указать на отличия от старого употребления. Наука ОС представляет собой науку значений — оценки; общую науку значений и оценки. Я хочу, чтобы вы осознали и оценили это самостоятельно, потому что я не могу сделать это за вас. В ОС мы имеем дело со значениями и оценкой, которые представляют великие проблемы.

Вам следует осознать, что когда вам что-то нравится или не нравится, когда вы что-то любите или не любите и т. д., что вы внутренне делаете? Оцениваете! Это становится нашей важнейшей проблемой, и в ОС «оценка», «оценивание», «значения» становятся научными терминами. Я продолжу говорить на всех семинарах о важности термина оценка; под ним скрывается бесчисленное множество проблем. Вы сами обнаружите, что каждая психо-логическая реакция сводится к вопросу оценки. Этим вечером мы лишь знакомимся; я пока не начал научную подачу. Когда мы имеем дело с общей теорией оценки, мы одновременно работаем над каждой психологической и даже органической реакцией в вас. Когда вы говорите, что любите или ненавидите кого-то, вы оцениваете? Да. Когда вы говорите что-то о своих ощущениях или ориентированиях, разве вы не имеете дело с глубочайшими оценками? В общей теории оценки, которая включает все ваши личные, общественные и прочие ориентирования, мы не можем пренебрегать наукой и математикой как фундаментальными составляющими науки оценки. В ОС мы обращаемся с оценкой общим образом, а математика придаёт теории оценки узкий смысл.

На моих семинарах разницы между преподавателями и студентами почти не существует. ОС появилась так недавно, что, если бы какой-нибудь Эйнштейн пришёл к нам на семинар, курс лекций не пришлось бы менять. Под оценкой я имею в виду ваши ощущения. Оценка в ОС становится научным термином. Это я объясню позднее. Если вы станете думать обо всём, что с вами происходит в рамках оценки, вместо «любви», «ненависти» и т. д., и исследуете факторы оценки, вы сможете выработать общее понимание того, что в вас происходит.

Имеется ещё одна связь с наукой и особенно математикой и математической физикой — прогнозируемость в математических науках. Мы прогнозировали звёзды и т. д., что нам позволила делать математическая прогнозируемость. Нередко мы можем посмотреть на какой-то участок и не обнаружить спрогнозированной звезды,

---

3. {value — «ценность» в широком употреблении; «значение» в контексте математики; подразумеваются значения, которые не существуют сами по себе, а кем-то присваиваются,. Английское слово "evaluation" — «оценка» образовывается от слова "value". Согласно Роберту П. Пула: «Он [Коржибски] употреблял слово "value" как в этическом, так и в математическом смысле. Насколько я его понял, (наиболее часто) он употреблял этот термин в обоих смыслах». — Rober P. Pula, A General Semantics Glossary, Part XII}

но потом соорудить телескоп получше и найти то, что прогнозировали — прогнозировали математикой. Это мы можем считать одним из чудес математики. Прогнозируемость. Представьте себе жизнь, которую мы могли бы прогнозировать. Приложили бы мы усилия, если бы спрогнозировали несчастливую жизнь? Мне даже не придётся идти дальше с объяснениями. Если бы мы могли спрогнозировать какой-нибудь несчастливый конец, мы бы это сделали? Осознайте важность прогнозирования. Не кажется ли вам, что прогнозируемость составляет основу человеческого счастья? В ОС мы исследуем принципы и факторы прогнозируемости. На данный момент максимальная прогнозируемость не существует в математических науках и т. д. Однако, к счастью, применяя их принципы, мы можем применять прогнозируемость к жизни. Применяя их, мы поступаем мудро на поверхности, но в глубине мы применяем только факторы прогнозируемости, и наши ориентирования становятся прогнозируемыми, а наша адаптация улучшается. Вопрос прогнозируемости становится вопросом метода. Если мы можем найти этот метод и разобраться, как применять его к жизни, мы выявляем факторы прогнозируемости в той форме, в которой они применяются к жизни. Если бы мы могли спрогнозировать с какой-либо достоверностью, что с нами случится, если мы поступим так-то и так-то, мы бы это сделали или не сделали. Эту прогнозируемость мы можем применять даже к войнам: к участию Англии и Америки в мировой войне и к решению Германии начать войну.

Если бы мы располагали прогнозируемостью, разве мир угодил бы в ситуацию, в которой прибывает сейчас? Вопрос метода видится, скорее, общим, нежели техническим. Каждый из вас получил достаточно математики, чтобы узнать о её технической стороне, но никто из нас не получил достаточно, чтобы узнать о методах. Согласно ОС — теории значений и общей теории оценки — все наши психологические реакции происходят в связи с проблемами оценки. Если мы разберёмся с факторами оценки, мы разберёмся с собой и со своими товарищами. Далее по семинару вы увидите, как это работает. Я подчеркну, что ОС мы задействуем строго эмпирически; мы работаем экспериментально. Она работает согласно прогнозам.

Мы можем применять ОС в психиатрии. И, возвращаясь к психиатрии, не забывайте, что мы испытываем неоправданные предрассудки в отношении психиатрии, потому что каждый из нас обладает механизмами схожими с механизмами ‘умственно’ больных; отличаются они лишь по степени. Я подчёркиваю эмпирический характер ОС и не подразумеваю в этом отношении какой-либо спекуляции или игры слов. Мы имеем дело с нервной системой, которой на настоящий момент пользуемся себе во вред; мы готовим себя к ‘безумию’. Только когда мы усвоим эти факторы, мы сможем разобраться. В образовании и в так называемой науке удастся найти элементы, ведущие прямо к ‘безумию’.

Мы обучаем наших детей приходить к ‘безумию’. Я покажу вам, как эти факторы работают даже сейчас в математике и физике. Мы говорим о решении человеческих проблем, и я хочу передать методы решения здравомыслия. Мы пытаемся решить проблемы в социологии, экономике, политике и т. д. — самые сложные проблемы из существующих; тем не менее, знаете ли вы, что великую дисциплину математику сегодня разбили на два лагеря, представители которых называют друг друга ‘безумными’. Они согласились не соглашаться; такая вот ‘красота’ получается даже в математике. Что мы можем сказать о человеческих делах, когда у нас творится такой бардак даже в математике, у основы наук? В ОС мы не пытаемся прийти к какому-то мировому законодательству, а проясняем языковые проблемы и смотрим, что происходит с любой проблемой; очень часто прояснение языка приводит не-существованию проблемы.

Вы знаете, от чего случилась американская депрессия? Скандальное дело. После войны в Вашингтоне О. К. состоялась конференция для банкиров, промышленников, рабочих и учёных. Они разбирали задачу, как приспособить будущие американские дела к нынешним послевоенным проблемам. Они все хорошо говорили по-английски, но совсем не могли друг друга понять, будто одни говорили на китайском, а другие на японском. Представитель рабочих устал от всего этого ‘бардака’ и задал следующий вопрос: «Всегда ли да означает да, или иногда оно означает

нет?» Это повергло участников в панику, и они решили отложить конференцию; однако несколько профессоров вернулись на встречу через сколько-то часов и объявили, что «да» всегда означает «да», а «нет» всегда означает «нет». Конференция не удалась из-за значения «да» и «нет», и из-за них же её не удалось продолжить. Позднее вы увидите, что иногда «да» может означать «да», или оно может означать «нет» в зависимости от вопроса. Из этой словесной путаницы и выросла американская депрессия.

Вы найдёте множество подобных проблем, словесных проблем, от которых зависят судьбы людей и народов. Вопрос прояснения этих проблем представляется одним из самых важных вопросов сегодня, потому что мы обнаружим, что великое множество проблем представляют собой не проблемы, а словесные беспорядки. Наведите словесный порядок, и станет ясно, что ‘проблема’ не существовала. Я не решаю проблемы, а навожу словесный порядок за счёт исследования структуры языка.

Вы начинаете понимать, как словесные недопонимания в попытках понимания приводят к беспорядку из вопросов. Лига Наций выглядит посмешищем. Почему? Потому что в их действиях фигурируют словесные оценки и языковые затруднения, в которых отсутствует прогнозируемость. Вы понимаете личную значимость прогнозируемости — значимость и ценность в вашей личной жизни? Оказалось бы для вас ценным умение прогнозировать? Стоит ли искать факторы прогнозируемости? Именно этим мы займёмся — рассмотрением факторов прогнозируемости. Я хочу подчеркнуть один бесконечно важный момент. То, что я вам скажу может показаться драматичным и трагичным. Вы можете спросить у своих преподавателей о правомерности сказанного мной. Весь секрет наук и их эффективной прогнозируемости заключается в специальной терминологии. Избавьтесь от терминологии в любой науке, и вы избавитесь от науки. То, что я имею в виду и то, что вам сейчас говорю, может показаться неожиданным и новым. В Оксфордском словаре вы найдёте хорошие английские слова, которые играют в жизни роль научной терминологии, но этими терминами не пользуются, и мы не знаем, зачем нам стоит ими пользоваться.

Могу ли я посоветовать своим студентам остерегаться нуля в знаменателе вашего математического решения? Если вы его там нашли, вы ошиблись с ответом. Случайным образом, возможно, ответ может оказаться правильным, но полагаться на случайность не стоит. Поэтому своим студентам я даю советы по типу нуля в знаменателе, и им стоит следовать, иначе вы потерпите неудачу. Когда я называю термин научным термином ОС, применяйте его. Термин сделает работу за вас, как это происходит в математике. Об этом я говорил как о неожиданном, и хочу это очень чётко подчеркнуть. Когда я называю термин научным, применяйте его. Старайтесь применять их все. Рассмотрите результаты, а если вы не получаете результатов, вините меня — после того как попробовали, а не до. Оценкой мы охватываем все ваши психо-логические реакции; мы пользуемся этим термином как научным термином. Далее вам станет это понятнее. Обратите внимание, сколько оценки вы можете найти в каждом термине, которым пользуетесь. Вы обнаружите, что ваши ощущения не представляют собой ничего, кроме оценки. Применяйте термин оценка ко всему, когда можете. Этим научным термином следует пользоваться постоянно, и если вы станете это делать, вы увидите результаты. Запомните, что, когда я подчёркиваю термин как научный термин ОС, вам следует его применять. Вы увидите, что такие термины работают автоматически — неожиданно; таким же образом они работают в науке.

Продолжим. Вам следует переводить термины повседневного пользования в научные термины. «Любовь» или «злость» и т. д. представляют собой оценки. Всё это работает как инструменты, так же как научные термины работают в математике. Когда вы спрашиваете кого-то, как он себя чувствует, вы спрашиваете, как этот человек что-то оценивает. Если вы целенаправленно пользуетесь термином, часто оказывается, что вы имеете дело с органической оценкой: с улыбкой, потребностью в пище и т. д. Терминами следует пользоваться целенаправленно; то, каким образом вы сможете перевести применение чего-либо в оценку, следует выяснить. Голод мы бы посчитали органической оценкой, но в своей работе я не интересуюсь органической оценкой так, как интересуюсь психо-логической оценкой

на физико-математических основаниях, которые, в свою очередь, основываются на оценке.

Когда мы имеем проверенный термин, мы целенаправленно применяем его в науке. Старые термины не работают, потому что они не дают никакой механизм. За счёт оценки становится возможной научная оценка. В силу того, что в науке мы продвигаемся за счёт ограничений, — как вы сами увидите — от широких обобщений мы уходим тоже за счёт ограничений. То, нравится вам человек или не нравится, сводится к вопросу о том, как вы оцениваете этого человека. Я советую вам приложить усилия в работе над переводом привычных терминов на родном языке в человеческую оценку. В ОС мы применяем определённую формулу, и то, что я говорю служит общим ответом на ваши вопросы. Формула следующая: когда у вас возникает вопрос, который вы хотите задать другому человеку или самим себе, всегда следует ответ: «Я не знаю. Давайте посмотрим». Иными словами, мы исследуем факты; мы смотрим, что и как, что к чему применяется, и получаем свои ответы. Мы поступаем научно. Давайте я расскажу вам о некоторых фактах, которые мы упускаем. Вы предполагаете, что могли бы жить без питьевой воды? Вы бы не смогли жить без воды. Не служит ли в таком случае она частью вашей среды, подобно тому, как ей служит воздух? Теперь я задам вам вопрос, которым обычно пренебрегают. Могли бы мы с вами жить и оставаться людьми без языковой и семантической среды? Нет? Именно.

Не следует ли нам рассматривать языковую среду как настолько же жизненно важную составляющую как вода и воздух? Существует среда полная значений, показателей и ценностей. Окружает ли вас среда значений? Можете ли вы её избежать? Теперь вы понимаете, что здравомыслие представляет собой проблему оценки, и что безумие происходит от ошибочной оценки? Каждого из вас окружает среда значений и оценок. Всё это представляет собой языковую и семантическую среду, и в среде оценки мы нуждаемся не меньше, чем в воздухе или воде. Этим до данного момента пренебрегали.

Я советую вам прочесть книгу {Алекси} Каррела Man The Unknown {Непознанный Человек, L'Homme, cet inconnu}. Я считаю эту книгу эпохальной. Он полноправно высказывает суждения о медицине и её устаревших стандартах шестнадцатого века. То, что мы называем медициной, без психиатрии представляет собой сильно переоценённую ветеринарию. Они пренебрегли языковой и семантической средой. Работа, которую проделал Уильям. Бёрридж {William Burridge} над коллоидными формулировками, заставила пересмотреть всю медицинскую теорию. Его книги издаются через Oxford Press; вам всем следует их прочесть. Вы можете поинтересоваться, стоит ли доверять моему мнению о работе Бёрриджа. Вы можете спросить, и подумать, что такой новой работе не следует придавать столько значимости, а я сказал, что его работа заставила поставить под сомнение все медицинские теории. Вы также можете спросить, не тороплюсь ли я с этим мнением. Я могу дать положительный ответ. Личная теория Бёрриджа появилась совсем недавно; личная коллоидная теория Бёрриджа не имеет существенной важности, и может оказаться ошибочной просто в силу того, что просуществовала пока не долго; её следует проверять, прежде чем утверждать что-то о её верности. Однако конструктивную революцию удалось произвести, потому что он учёл два фактора: физиологический и коллоидный. Он работал с двумя механизмами там, где прежде работали только с одним. Важность мы видим в учёте этих двух факторов. Прежние выявленные факты остаются, но интерпретации придётся пересмотреть.

Например, гравитация как объяснение падения представляет собой глупый ответ на глупый вопрос. Мы пользуемся гравитацией как оправданием; она ничего не объясняет. Однако, когда Эйнештейн обращается с ней как с теорией пространства-времени, факт остаётся, но интерпретации меняются. Внеся эти изменения, мы подбираемся ближе к механизмам. Мы пока что их не разобрали, но имеем о них интуитивное представление. Мы приближаемся к фактам и механизмам. Эффекты не изменились; изменились интерпретации. Я считаю это важным.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Когда Эйнштейн начал свой цикл лекций в Берлине, на первую лекцию к нему в аудиторию пришло двести человек. На вторую лекцию пришло десять человек, а на третью пять, которым удалось поспеть за его объяснениями. Я думал о том, не придёт ли из ста человек, пришедших в первый раз, десять этим вечером. Однако я вижу, что группа стала больше в сравнении с предыдущим разом.

Давайте я резюмирую то, что мы прошли. Во вступительной лекции я объяснил жизненную необходимость в пересмотре наших ориентирований с помощью языковых средств и т. д. Нам потребовалось обрисовать что и как, и почему мы анализируем всё это вместе. Мы всё-таки проводим здесь своё время, так что стоит знать цель, стоящую перед нами. Что ж, в первой лекции я объяснил вам, что жизнь требует новых ориентирований; новых ориентирований, которые текущее образование нам не даёт. Иными словами, нам следует внедрить новые факторы в образование, чтобы предупредить и умерить неудачи современной жизни. Я также постарался передать голые факты, воздействующие на нашу современную жизнь. На всех нас сказалось появление автомобиля, самолёта и радио. Ваша жизнь подвергается их воздействию? Как насчёт проблем вооружения, коммуникации? Как насчёт проблемы сброса на вас бомб? Вы пока не знаете всего ‘веселья’, но знаю я. Нам, вероятно, вскоре предстоит увидеть больше подобного. Повлияет ли это на вашу жизнь? Да. Нам следует к этому готовиться. В эти приготовления придётся вложиться.

Я подчеркнул, что, когда бы мы ни говорили об электричестве, например, о магнитоэлектрической машине в автомобиле, о самолёте или радио, старые геометрии и механики не работают. Иными словами, действительные условия, в которых мы живём, стоят на не-эвклидовых и не-ньютоновых принципах. Мы не можем оснастить автомобиль магнитоэлектрической машиной эвклидовыми или ньютоновыми методами. У нас не получится. Здесь присутствуют математики и физики; спросите у них о корректности моих высказываний. Нам следует смотреть на действительные условия, при которых мы живём, не как на эвклидовы и ньютоновы, а как на стоящие на не-эвклидовых и не-ньютоновых дисциплинах.

Вы видите разницу? Положения Эвклида и Ньютона держатся относительно этого дома или моста и т. д., но лишь до тех пор, пока в нашей картине не появляется электричество. При определённых принятых условиях Эвклид и Ньютон могут всё также приносить нам пользу, но не при общих условиях. Это я хочу донести как основную мысль. Ориентируясь по Аристотелю, сегодня мы можем созвать ужин, но не можем надеяться на хоть какое-то здравомыслие, если пользуемся только аристотелевыми методами. По Аристотелю мы можем сориентироваться за обеденным столом, но не сориентируемся в своей жизни, которая, к сожалению, не есть обеденный стол. В жизни приходится не только накрывать на стол, но также иметь дело с проблемами посложнее. В первой лекции я постарался передать необходимость — не предпочтение, не прихоть, а необходимость — пересмотра человеческого ориентирования как такового. Я проговорил два часа с целью передать трудности и необходимости пересмотра. Сегодня мы начинаем сам курс.

Прежде чем начать, мне следует вас предупредить, что иногда я испытываю стыд за свои лекции. Да, стыд. Всё, что я даю, представляется до идиотизма простым, но, как отметил ректор Бруэр, не таким лёгким. Простым, но не лёгким. Я предупреждаю вас, что, если вы хотите получить пользу, к этому следует отнестись очень серьёзно. Я хочу, чтобы вы добились результатов и извлекли из этого пользу. Зная о трудностях на собственном опыте, я пойду очень медленно. Я очень многое повторю, чтобы поспособствовать обучению; ОС, как эмпирическая естественная наука, работает по применению. Я пользуюсь «мировым законодательством» в качестве второго ‘ругательства’. Я не скажу первое на людях; только в личном общении, но не на публике. Каждый дурак «знает всё о мире», но в науке мы знаем о мире очень мало.

Я скажу вам прямо, если вы найдёте ‘мировое законодательство’ в моей работе, можете вообще не принимать его всерьёз. Никакого законодательства вы там не найдёте. Я говорю о фактах, фактах, фактах и только о фактах. Вы всегда можете проверить эти факты. В этом и заключается смысл. Когда мы согласовываем факты, их следует придерживаться. В математической физике, когда мы обнаруживаем что-то, например, ошибку в формуле или ранее упущенный фактор в уравнении, мы проводим пересмотр и корректировки, за счёт чего избавляемся от ошибки насовсем. Так мы реализуем математическую науку. В жизни мы так не поступаем. Сегодня мы живём, испытывая великие трудности, и вскоре мы обнаружим вредоносные факторы в человеческом ориентировании; мы согласимся, потому что не согласиться не можем; однако в жизни мы не применяем то, чему учимся. И здесь мы терпим неудачу. Поэтому здесь я подам не только теорию и опишу старые и новые факты, но также попытаюсь натаскать вас на применение того, чему вы научились.

Как вы помните, на первой лекции я подчёркивал прогнозируемость. Вы об этом размышляли самостоятельно? Что прогнозируемость значит в жизни? Что прогнозируемость делает для нас? Я вижу в этом ключевую проблему; считаем ли мы прогнозируемость важной в жизни или нет. Если бы вы могли спрогнозировать, что поступок или решение сделает вас несчастными, стали бы вы это прогнозировать? Если бы мы могли спрогнозировать какие-нибудь научные проблемы образования, стоит ли нам продолжать заниматься тем, чем мы занимаемся в образовании, или нам следует пересмотреть свои методы? Насколько важной прогнозируемость представляется в таком контексте?

Мы можем говорить о частной жизни. Что мы можем сказать о народной и международной жизни? Что мы можем сказать о том, что Англия и Америка не могут спрогнозировать, что их небрежность помогает Гитлеру, мировому вооружению и очередной мировой войне? Если бы они могли прогнозировать, вели бы они себя так небрежно? Я хочу убедить вас в крайней важности прогнозируемости. Я хочу, чтобы работники образования поняли, что, если мы располагаем прогнозируемостью любого показателя, — ведь прогнозируемость может оказаться в том числе обманом — она могла бы помочь нам направить наших учеников к лучшей адаптации. Если мы это получим, вы считаете это важным?

В прогнозируемости мы видим настоящую проблему. Понимаем мы это или нет, представляет уже другую проблему. Стоит ли нам стремиться к этой прогнозируемости? На текущий момент математика, физика и математическая физика дают нам наибольшую прогнозируемость. Изучая математическую физику и её методы, мы найдём факторы прогнозируемости, и именно это нас интересует. Теперь, приступим к поиску факторов прогнозируемости.

ТЕРРИТОРИЯ: С.-Ф. Ч. Н.-Й.

КАРТА: Ч. С.-Ф. Н.-Й.

Нас интересует прогнозируемость. Если мы сравним действительную территорию, скажем, Сан-Франциско, Чикаго и Нью-Йорк, с картой, которая лишь представляет эту территорию, и расположим на ней Сан-Франциско между Чикаго и Нью-Йорком, кто захочет положиться на такую карту с городами в несоответствующем порядке? Какую прогнозируемость даёт нам такая карта? Никакой. Проблема заключается в том, хотим ли мы прогнозирующую карту или принимаем не-прогнозирующую. Скоро мы свяжем эти проблемы с повседневной жизнью.

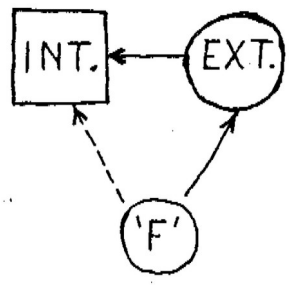
Что мы могли бы сказать о такой карте? Мы могли бы сказать, что нам вздумается, но, скорее всего, мы бы назвали карту «плохой». Сочли бы мы это оправданным? Да. Мы могли бы назвать карту «неправильной». Сочли бы мы это оправданным? Могли бы мы назвать карту «ложной»? И т. д. Теперь мы переходим к делу. Следуют ли какие-либо важные последствия из такого высказывания? Мы пользуемся терминами морали: «плохой», «неправильный», «ложный» и т. д., и ничего важного не следует. Извлекаем ли мы уроки из таких высказываний? Нет. В том и дело.

Я советую вам уделять внимание проблемам языка. Одни термины не влекут за собой важных последствий, а другие влекут. Подобным образом это происходит в математической физике; некоторая терминология работает, а некоторое словоблудие нет. Так дела обстоят по факту. Не пытайтесь понять слишком много в самом начале, иначе вы запутаетесь. Примите это пока как данное без полного понимания того, к чему мы идём. В математических науках, лучших из тех, что мы имеем, терминология работает. В жизни какая-то терминология работает, а какая-то нет. Это видится неожиданным.

Я рекомендую вам делать чёткие пометки. В начале всё представляется простым, но вы увидите позднее, что по мере накопления материала без пометок вы запутаетесь. Человек не может пройти этот курс, ничего не помечая. Когда вы слушаете, что я говорю, всё кажется простым, но стоит попытаться это применить, как всё становится очень сложным. Для применения требуется ориентироваться по-новому, а эту задачу не удастся выполнить легко.

Мы поговорили о карте и территории. Мы употребили слова «плохой», «неправильный» и «ложный», и т. д., в связи с той картой, на которой Чикаго располагается на одной стороне, а Сан-Франциско посередине. Вы знаете, что с такой картой мы бы не смогли прогнозировать результаты и т. д. нашего путешествия. Я говорил вам, что старыми словесными оценками такой карты не получится работать. Нам требуется применять выражения о ко-ординации той карты с той территорией, и мы видим, что старое словоблудие не сработало. Теперь, мы увидим (и сейчас я говорю что-то новое), что можем найти в оксфордском нормативном словаре английского языка нормативные термины, которые играют роль научной терминологии, которая работает как физико-математическая терминология. Мы выясняем, что, если избавляемся от терминологии науки, то избавляемся и от науки. И тем не менее, мы находим в жизни слова, которые играют роль научной терминологии. Это представляется неожиданным. Так просто случилось; такие термины существуют, но мы их никогда не применяем. Мы ими располагаем, но не пользуемся. Одно из основных отличий между ОС и старой системой состоит в том, что мы вводим эти новые термины и применяем их. Позднее вы поймёте, почему я придаю им такую важность – они работают тем же образом, каким работают научные термины в науке. И сбежать от этого никуда не получится. Применяйте эти термины, и вы увидите результаты. Ничего, кроме применения, результатов не даст.

Вы помните, что в прошлый раз я подчёркивал термин оценка? Я рекомендовал вам применять термин оценка там, где можете. Далее вы поймёте, почему я придаю этому такую важность. Один этот термин выполняет желаемую функцию, обостряет ваш разум, сообразительность и способности; именно, просто применение термина оценка работает таким образом. Если другой человек вас не понимает, пускай делает, что делает, но применяйте этот термин для себя, после чего вы можете перевести свои результаты на его язык. Пользуйтесь термином оценка, чтобы получить результаты, и переводите его, если понадобится, потом. Пользуйтесь этими терминами для себя, и затем, как вы их переведёте для других людей, не-играет роли. Новое ориентирование вырабатывается по мере применения этих терминов.



Если вы пользуетесь терминами для себя, вы всегда можете перевести терминологию позднее для кого-то другого; и вы производите впечатление ‘гения’, когда делаете это, потому что в вашем анализе появляется что-то новое. Если вы возьмёте любое множество ‘фактов’ (‘F’), и проанализируете их старым интенсиональным (INT) способом, вы получите какой-то результат, но если вы проанализируете их новым способом, который я называю экстенсионализацией (EXT), вы получите какие-то новые результаты, и всегда сможете перевести их в старый способ. Вы получите новые результаты, и произведёте впечатление очень разумного и одарённого человека. Почему? Потому что вы проводите этот новый экстенсиональный анализ для себя. У вас

пока не получится уследить за этим и полностью понять; вы поймёте позднее. Я не просто читаю вам лекцию об этом новом методе, я вас ему обучаю.

Запомните, что я уже подаю материал экстенсионально и уже демонстрирую то, что придёт теоретически. Если вы последуете новому методу, то получите наилучший из возможных на данную дату анализ жизненных ситуаций, и даже сможете проводить научные исследования. Мы работаем, чтобы достичь именно этой цели. Вы, возможно, осознаёте ситуацию в связи с территорией-картой; с неправильной картой; с тем, что мы хотим, чтобы карта согласовывалась с территорией. С картой в таком виде можем ли мы получить максимальную вероятность прогнозируемости? Эти слова звучат похоже, но не следует их путать; они отличаются. Главную проблему мы видим в максимальной вероятности прогнозируемости.

Я уже объяснил, что, пользуясь терминами хороший, плохой и т. д., мы не можем ими работать. Когда мы называем карту «хорошей», «плохой», «неправильной» и т. д., и считаем это оправданным, ведут ли нас эти слова куда-нибудь, дают ли они нам важные результаты? Нет. Здесь я снова обращаю внимание на научные термины. Когда я говорю «научные термины», помните, что я имею в виду термины, которыми вам следует самостоятельно пользоваться постоянно. О новых научных терминах никогда не стоит забывать; в науке мы о них не забываем.

Чтобы извлекать максимальную пользу с помощью карты, мы хотим, чтобы она согласовывалась по структуре с территорией. Я полагаю, слова «схожесть структуры» передают вам что-то в обыкновенном смысле. Схожесть структуры следует рассматривать как самый важный аспект математической физики и математики, несмотря на то что вы понимаете это в обыкновенном смысле. Схожесть физических и символических отношений. Согласуется ли наша карта по структуре с территорией? Представляется ли возможной прогнозируемость на такой карте? Я не перегружаю вас научными аспектами этой сложной проблемы, но ожидаю, что в обыкновенном смысле мои слова о схожести карты по структуре с территорией что-то вам передадут. Запомните этот важный момент.

Как нам определить схожесть структуры? Я говорю с вами только в рамках здравого смысла. Её следует определять в рамках порядка, в смысле промежуточности {betweenness — нахождения между, со-бытия, посредничества}. Вы понимаете термин промежуточность? Если нет, обратитесь к Оксфордскому словарю.

На своих семинарах я всегда общаюсь с аудиторией серьёзно, но не стоит стесняться, если вам хочется смеяться. Далее мы узнаем ещё кое что: что множество человеческих проблем представляют собой искусственные словесные пузыри; они лопаются, когда их протыкают, и после этого не остаётся ничего иного, кроме как смеяться. К концу семинара мы найдём много причин для смеха, потому что девять десятых наших проблем представляют собой словесные пузыри.

Мы определяем термин схожесть структуры в рамках порядка, а порядок в рамках промежуточности. Термину порядок мы придаём фундаментальную важность, потому что математическую физику удаётся представить в рамках много-мерного порядка. Вам пока не понадобится понимать термин «много-мерный». Я просто сказал, что сказал, чтобы вы пока приняли, что математическую физику получается представить в рамках много-мерного порядка. Иными словами, если мы применяем термин порядок к человеческим делам, мы располагаем общим термином, которым можем выстроить мост между человеческими делами и точными науками.

Недавно профессор Курт Левин применил экстенсиональные математические топологические методы к ‘психологии’ с очень далеко идущими результатами. Это служит свидетельством тому, что математические методы — строго математические — удаётся применять к ‘психологии’. Вам стоит прочесть его книгу Принципы Топологической Психологии {Principles of Topological Psychology} (McGraw-Hill, N. Y.). Топология представляет собой наиболее обобщённую ‘науку о пространстве’; не о ‘пространстве’ в ограниченном смысле, как вы его знаете, а о ‘пространстве’ в общем смысле. Мне бы хотелось немного расширить ваше воображение; это не повредит. Попробуйте ответить на такой вопрос: как вы

видите своё «пространство жизни»? Вашей жизни? Включает ли «пространство» чьей-либо из вас жизни ваш профессорский состав и ваших коллег? Входят ли они в «пространство вашей жизни», в среду вашей жизни? Вы видите, как всё расширяется? Разве вода, которую вы пьёте, не влияет на ваш организм, или, например, железо в воде? Входит ли это в ваше «пространство жизни». Входят ли здешние работники в ваше «пространство жизни»? В продолжительность вашей жизни? Вы видите, до какой степени мы расширяем понятие «пространства», рассматривая его как среду со всеми доступными факторами?

Здесь начинает фигурировать топология. Топологию основывают на отношении включения части в целое. Вы видите, как каждый из нас, и как каждая вещь, о которой мы беспокоимся, включает включение части в целое. Каждая ваша часть, например, ваша частная жизнь, вы становитесь частью сообщества и страны, и в каждом случае подвергаетесь воздействию условий, вне жизни в колледже. Иными словами, ваша частная жизнь составляет часть целого, часть целого целого. Строго математические основания топологии представляют аналогичные проблемы, а топологическая ‘психология’, которую вы получаете, становится очень общей, потому что математические методы применяются очень общим образом. Мы можем применять этот метод к жизни любого из нас, несмотря на его обобщённость. Таким образом ‘психологию’ удаётся основывать на математических уравнениях. К сожалению, очень мало психиатров знают что-то о математике, и очень мало математиков знают что-то о ‘психологии’.

Газетам это бы тоже пригодилось. Их следует социализовать. Им стоит заинтересоваться социальными ориентированиями, а не просто новостями. Им стоит стать фактором образования. [Эдвард] Скрипс, основатель компании Scripps-Howard Newspapers, толковый человек, основал организацию Science Service именно с этой целью. Однако за всю свою работу он не смог понять роль денег в жизни. Он умер с вопросом «что есть деньги?» Деньги представляют собой только символ, обозначающий человеческое соглашение. Могу ли я съесть деньги, если вы не хотите их принимать? Что я могу с ними сделать, если вы отказываетесь их принимать? Они представляют собой не более, чем символ.

Возвращаясь к ситуации с картой территории. Мы согласились, что максимальная вероятность прогнозируемости карты обусловливается схожестью структуры между картой и территорией с точки зрения порядка? Мы это уяснили? Мы расширили проблему до такой степени, что посредством много-мерного порядка мы получаем математическую физику. Иными словами, внедрив математический термин порядок в обыкновенные человеческие дела, мы связываем математические науки с человеческими делами. Мы пока не осуществили ничего грандиозного, но можем пользоваться этим термином широко и можем продвигаться дальше. Теперь это становится лишь вопросом размерности. Вам не требуется полностью это понимать, потому что нам не придётся идти с этим дальше. Это во-первых. Во-вторых, термин порядок обладает связью с упорядочиванием реакции — это вы поймёте позднее; в этом заключается суть ОС — термином порядок мы физически стимулируем человеческую кору головного мозга. Этот момент я считаю одним из важнейших в ОС. Я много чего расскажу о нём позднее. Мы этого не ожидали; это просто произошло. И это работает. Это означает, что мы получаем физические средства для стимуляции нашей коры посредством упорядочивания реакций. Вы поймёте это лучше со временем.

Вы видите связи? Вы согласитесь, что всё, что мы пока сделали кажется до идиотизма простым? Вас не смущает, что мы начинаем обсуждать подобные темы только в двадцатом веке? Вы видите простоту всего этого? Печально. Я не пытаюсь кого-то оскорбить. Схожесть структуры не составляет труда понять, но никто не обращал на неё внимания до ОС. Для максимальной вероятности максимальной прогнозируемости нам требуется карта схожая по структуре с территорией.

Теперь посмотрим, что ещё мы можем сказать на эту тему. Наблюдение ведёт нас к трём простым, но далеко идущим положениям. Мы можем согласиться об этих

положениях или не согласиться, потому что больше мы ни о чём поспорить не можем.

ПОЛОЖЕНИЯ:
1. Карта не есть территория
2. Карта охватывает не всю территорию
3. Карта носит само-рефлексивный характер

1. Карта не есть территория. Кто-нибудь в этой группе хочет на это возразить? Кто не соглашается? Вы все соглашаетесь? Вы все принимаете то, что карта не есть территория? Вы чувствуете в этом убеждённость? Нам потребуется остаток семинаров, чтобы показать то, что я сейчас скажу. Я сделаю высказывание, которое не могу подкрепить на данную дату. В каждой сфере: личной, человеческой, народной и т. д., включая ‘безумие’, в прежних ориентированиях фигурирует есть ‘тождества’. Уйдёт много часов, чтобы вы смогли для себя прояснить и запомнить, что мы как группа категорически отрицаем это есть тождества: Карта не есть территория. Если мы можем показать, что старое основывается на ‘есть’ тождества, мы увидим, как с этим старым обстоят дела.

2. Карта не охватывает всю территорию. Вы когда-нибудь видели карту, которая охватывала бы «территорию полностью»? Нет. Поэтому мы формулируем второе положение о том, что карта охватывает не ‘всю’ территорию. Большинство старых ориентирований основываются на ‘всём’ {применимо к чему-либо}, что мы категорически отрицаем. Мы отрицаем ‘всеобъемлемость’ как группа. За счёт того, что мы отрицаем неограниченное ‘всё’, мы начинаем подходить к корню трудности. Предположим, я как ректор колледжа делаю высказывания для группы на ‘все грядущие времена’. Получается, я говорю как догматик. Я делаю высказывания, возможно, верные на сегодня, но не на все грядущие времена. Если мы ограничиваем высказывание датой, можем ли мы позволить себе абсолютизм? Видите, что происходит, когда мы сравниваем старые и новые оценки? Так мы сформулировали второе положение.

3. Карта носит само-рефлексивный характер. Представьте, что я составил бы на этом столе ‘идеальную’ карту Колледжа Оливет. Поместил бы я на карту лектора? Поместил бы я на карту эту аудиторию? Это мы называем само-рефлексивностью. Когда вы составляете карту карты, вы имеете дело с само-рефлексивностью карты. Мы можем делать это до бесконечности без ограничений. Об этой характеристике знали какое-то время и связывали её с картами; её обнаружил профессор Ройс из Гарварда; о ней вскоре забыли и по-прежнему ей пренебрегают.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что эти три положения оказались первыми написанными из тех, которыми мы сопоставляем старое с новым; они служат основаниями ОС. Первое положение: «карта не есть территория», тогда как старое положение основывали на ‘есть’ тождества, что мы полностью отрицаем. Второе положение: «карта не охватывает всю территорию», тогда как старое положение основывали на ‘всём’, что мы полностью отрицаем. Вопросом же о само рефлексивности всецело пренебрегали. У корня всякой трудности вы обнаружите старые положения, которые мы отрицаем. Мы делаем это как группа. Первыми двумя положениями мы вносим полное отрицание, а третьим положением обращаем внимание на то, чем полностью пренебрегали. Больше того, само-рефлексивность нарушала и по-прежнему нарушает основы математики.

Я говорил о взаимоотношении карты-территории. Мы применяем это ко всякой форме представления, включая язык; именно здесь появляются важные проблемы. Я начал с карт, но в этих вопросах мы имеем дело с чем-то более глубоким. Вы видите мою трость? Вы формируете представление о ней с помощью своего мозга? Вы можете одолжить мне свой мозг? Что тогда представляет собой ваше представление трости, карту или саму трость? Только карту. Образ или представление трости не есть трость. Далее мы это усложним, поэтому когда мы говорим об этих трёх положениях, старайтесь применять их к своим ориентированиям в жизни. Слово не есть факт, ситуация или что-либо ещё. Словом мы не охватываем все характеристики объекта или ситуации. Я хочу, чтобы вы переварили и впитали эти три положения, потому что на них мы основываем ОС.

Очевидной также представляется само-рефлексивность языка в том смысле, что языком мы можем говорить о языке, и всякие трудности возникают, если мы не знаем о само-рефлексивности и не осознаём её. Языком мы можем говорить о языке, но если мы этого не знаем, нас ожидают трудности. Этот факт вызвал трудности в основах математики, которые даже сегодня по-прежнему не решили. Эти трудности происходят от само-рефлексивности языка.

Мне приходится говорить о разговорах в сопоставлении с издаванием звуков. Я называю некоторые разговоры, как их называл Стэнли Хол, «мастурбацией слюнных желёз». Мы много занимаемся этой мастурбацией – бессмысленными вербализациями. Я надеюсь, вы осознаёте важность этого. Если я спрошу вас на родном языке: «Пам-пам есть ля-ля?», я задам вам вопрос? Нет. Я просто издам звуки; я ничего не скажу и ни о чём не спрошу, несмотря на то, что я мог бы это написать и поставить в конце знак вопроса. Знак вопроса сделал бы из этого вопрос? Вы понимаете, что у корней большинства наших ‘философий’ лежит огромная куча звуков? Я закончу на том, что подчеркну важность распознавания отличий между словами, которыми мы что-то обозначаем и звуками, которыми не обозначаем ничего.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Возьмём расхожий невротический механизм, больной механизм, который в результате войны теперь воздействует на весь мир; а именно, трудности в артикуляции. Он представляет серьёзные трудности, и своим студентам я советую вычищать свой язык, вычищать его как физический симптом. Учитесь произносить свои слова чётко. Это работает как физический симптом. Старый мир болеет, и с прояснением артикуляции вы увидите, что с вашим мозгом начнёт что-то происходить. Первое происходит вместе со вторым.

Как всегда, я начинаю свой семинар с того, что мы уже сделали. Мы сравнили территории с каратами. Мы придаём важность этому сравнению, потому что наши представления и словесные проблемы представляют собой лишь карты, которые не есть территория или ‘факты’. Сейчас это, вероятно, кажется тривиальным. Далее вы увидите степень не-тривиальности этого. Взять действительный стол, можем ли мы его произнести? Нет. В этой старой истории вы говорите о столе; есть ли это стол? Нет. Со столом всё представляется довольно простым. А как обстоят дела с вашей жизнью, с тем, что вы любите, ненавидите и т. д. — со всеми вашими ощущениями? Вы понимаете, что отождествляете их с своими словесными проблемами, и что ваши словесные формы на самом деле не есть это? Ущипните себя за палец. Это вы чувствуете напрямую? Вы понимаете, что действительное ощущение не есть словесная форма? Оно происходит на не-произносимом уровне. Вам придётся ущипнуть себя за палец, чтобы убедиться, что это не есть то же самое, что вы говорите об этом. Здесь мы применяем первое положение — «не есть».

Одна из главных проблем, с которыми мы работаем в ОС заключается в различении или не-отождествлении слова с уровнями объекта. Нам прежде всего следует начинать с различения между тем, что мы напрямую ощущаем и тем, что говорим, потому что, то, что мы ощущаем не есть то, что мы говорим. Проблема возникает, именно когда мы отождествляем словесное с ощущаемым. Мы смешиваем или отождествляем во внутренней оценке эти два совершенно разных предмета. Нам следует с этим бороться.

Мы сравнили территорию с картой и заключили, что для максимальной прогнозируемости, для максимальной вероятности прогнозируемости, нам требуется такая форма представления, которая сходится по структуре с точки зрения порядка. Мне следует предупредить вас, что в научном методе, который даёт нам максимум прогнозируемости, мы следуем и полагаемся на эту схожесть структуры между теорией и фактами. Давайте не прятаться за словами, а смотреть на факты. То, что мы называем ‘научной теорией’ представляет язык особой структуры, основанный на терминологии. Иными словами, в терминологии имеют место структурные предположения; они лежат в ней подоплёками. Иными же словами, то, что мы называем теорией на деле не представляет собой ничего кроме языка особой структуры.

Лишь несколькими структурными терминами мы внедряем язык особой структуры. К этому сводится ‘теория’. Это удаётся сделать несколькими терминами. Поэтому давайте не прятаться за словесными стенами, такими как ‘теория’. Всякую теорию основывают на терминологии, а под терминологией подразумевают особые структурные предположения, которые иногда оказываются истинными, а иногда ложными. Нам не стоит говорить об одной только ‘теории’. В каждой теории применяется язык особой структуры. Я дам вам пример попонятнее. Если мы попробуем поговорить с человеком с улицы о пространстве-времени Эйнштейна, какое замечание мы от него услышим? «Вы хотели сказать ‘пространство’ и ‘время’». Таким переводом он исключает всю работу Эйнштейна. Мы ставим дефис, чтобы обозначить неделимость; если мы скажем «пространство и время», то сломаем теорию Эйнштейна. Почему? Потому что она вся обладает иной структурой. Во втором случае мы применяем язык иной структуры. В первом случае мы

применяем язык четырёх-мерной структуры, а во втором структуры три плюс один. Вы можете допустить, что когда складываете три и один, и получаете четыре, вы делаете шаг дальше? Если вы располагаете тремя плюс один измерениями, и доводите дело до конца, скажем, получаете четыре измерения, делаете вы шаг вперёд или нет? Вам это кажется сложным? Вы наблюдаете за шагами в цивилизации, в культурном развитии, когда три плюс один равняется четыре. Сразу примите это просто. Не испытывайте трудностей с размерностью. Не приписывайте ей ничего таинственного.

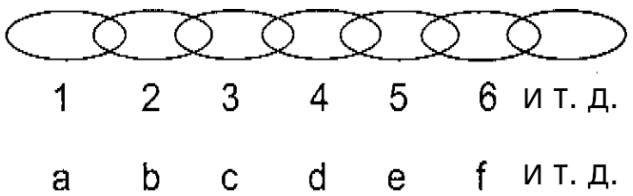
Под размерностью мы предполагаем ряд факторов; столько факторов, сколько нам понадобиться знать, прежде чем мы что-то узнаем. Движение предполагает четыре измерения. Иными словами, ‘пространство’ и ‘время’ состоят в неразрывной связи. Взгляните на дым от моей сигареты. Вы видите, что происходит. Сколько факторов нам придётся узнать, чтобы уследить за всем, что происходит в этом дыме? Просто представьте, потому что ничего лучше у нас сделать не получится. По меньшей мере, четыре? Нет, даже миллионом факторов мы его не охватим. Я пытаюсь передать вам вопрос о размерности. О скольких факторах вам требуется знать, чтобы охватить это облако дыма? Иными словами, это облако дыма происходит в миллионе измерений. Можем ли мы разделить ‘пространство’ и ‘время’? Нет. Старыми словесными способами мы могли отделить ‘пространство’ от ‘времени’, но новыми мы это не делаем, потому что придерживаемся реальности.

Возвращаясь к нашему обсуждению, мы говорили о трёх базовых положениях. (1) Карта не есть территория; (2) Карта охватывает не всю территорию; (3) Карта носит само-рефлексивный характер. На прошлом семинаре мы показали, что всё сказанное о карте-территории мы можем применять к словам и фактам. Для максимальной вероятности прогнозируемости нам требуется схожесть структуры между языком и фактами. Исследуйте и выясните, согласуется наш язык по структуре с фактами, или нет. Если бы наш язык сходился по структуре, как это происходит в математической физике, получили бы мы максимальную прогнозируемость? Да. Если не сходится, мы получаем максимальную прогнозируемость? Нет.

Не кажется ли вам это важной проблемой, подлежащей исследованию? Исследуйте факты, чтобы выявить схожесть структуры, которая существует или не существует. Нам стоит придавать важность тому, сходится язык по структуре или нет.

Мы знаем факты как их знаем. Нас интересует вопрос, согласуется ли наш привычный язык по структуре с фактами, или нет. В этом заключается проблема факта. Можем мы это выяснить догадками? Нет, нам придётся это выяснять рассмотрением фактов. Что происходит, когда наш язык не согласуется по структуре с фактами? Получаем ли мы прогнозируемость? Вы видите, какую цену мы платим? А что случится, если мы приведём структуру языка в бóльшую согласованность со структурой фактов? Появится ли прогнозируемость? Я хочу, чтобы вы осознали ключевую роль исследования этой проблемы. Эта проблема ведёт к значительным изменениям.

Давайте я приведу пример, от чего зависит вся наука и вся европейская цивилизация. Представьте себе цепь из звеньев, которая структурно представляет собой ряóвую структуру; в данном случае мы пользуемся языком ряóвой структуры: a, b, c, d, e, f и т. д.; 1, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д. Мы видим ряóвость в физической структуре и пользуемся ряóвым языком. Нас интересует, сходятся они по структуре, или нет. Ряóвая структура и ряóвый язык — да они сходятся.



А теперь я покажу вам чудеса науки и цивилизации, основанные на схожести структуры и прогнозируемости. Мы не знаем факты, но в жизни мы их преследуем. Мы преследуем их и преследуем прогнозируемость. Теперь взгляните на чудо, которое мы можем сотворить прогнозируемостью. Я не ожидаю, что узнаю факты и воспользуюсь лишь

словесными догадками, но обратите внимание, что происходит. Я прогнозирую, что два идёт между одним и тремя. Вы согласитесь с этой словесной прогнозируемостью? Давайте проверим, что мы по факту находим: физическое звено цепи 2 располагается между 1 и 3. Если мы применяем язык схожей структуры, мы можем прогнозировать физические факты. Это даёт научный метод и его крепкий фундамент. Вы осознаёте значение {и ценность} этого для психиатрии и здравомыслия? Давайте я выделю этот важный момент. Если бы мы имели некоторую прогнозируемость во всём, с ней мы бы смогли проверять ожидания, что избавило бы нас от шоков и, следовательно, она составляет факторы здравомыслия.

Вы знаете, что происходило на войне? Солдаты, которые ожидали ужасы, получили их, но не испытывали нервных срывов, а солдаты, которые не ожидали ужасов, ломались довольно часто. Прогнозируемость! Иными словами, ожидания. Если вы ожидаете ужасов и получаете их, они не ранят вас нервно; если же вы их не ожидаете, они могут ранить вас нервно. Ранит вас шок. Примите эти факты как факты.

Я говорю, основываясь на бесчисленных данных. Прогнозируемостью научный метод несёт нам великую пользу. Мы устраняем шоки тем, что ожидаем их — прогнозируемость. Я хочу, чтобы вы поняли, как всё взаимосвязывается со всем остальным. Прогнозируемость научного метода, основанная на схожести структуры между представлением и фактами, здравомыслие и адаптация к фактам, дезадаптация, проистекающая от шоков; я хочу, чтобы вы поняли, как они взаимозависимо происходят.

Теперь нам следует исследовать факты. Мы исследуем, согласуется ли структура нашего языка со структурой известных фактов. В этом исследовании мы как можем придерживаемся здравого смысла. Это станет шоком, и я попрошу вас прочувствовать этот шок. Собственно, вам по началу захочется это сделать, но не удастся, если как следует не постараетесь. Теперь выясним, сходится ли наш язык по структуре с фактами или нет. Это важное исследование поможет нам внести прогнозируемость в нашу жизнь. Если он сходится по структуре, максимальная прогнозируемость становится возможной. Здесь я познакомлю вас с чем-то новым. Конкретно, с эмпирическим исследованием фактов нового типа, языковых и семантических — фактов, которые мы таковыми называем так же, например, как называем фактом эту коробку. Но здесь мы идём по новой линии изыскания; мы смотрим на языковые и семантические факты. В фактах вы не найдёте ничего сложного; новизна состоит в том, что мы никогда не думали о том, чтобы исследовать согласованность структуры языка с фактами.

Можем ли мы разделить ‘материю’, ‘пространство’ и ‘время’ вот здесь? (Показывает карандаш.) В больницах для ‘умственно’ больных и на кафедрах ‘философии’ люди пытаются это сделать. Попытайтесь представить, что смогли бы разделить ‘материю’, ‘пространство’ и ‘время’. Если бы вы могли изъять материю из этой трости, осталась бы трость? Если убрать ‘пространство’ (обратите внимание, ‘пространство’ в кавычках), от трости останется математическая точка. Если убрать ‘время’, останется вспышка, но не трость. Это относится к вам и ко всему остальному, что вы знаете. В том, как это существует как это, вы существуете как вы, дом как дом, пища как пища и т. д., происходят неделимые ‘материя’, ‘пространство’ и ‘время’, которыми мы пользуемся лишь в качестве языковых категорий, тогда как в природе они не поддаются разделению. Вы понимаете факты природы, как я их объяснил? В этом заключается структура и факты природы — в том, что ‘материю’, ‘пространство’ и ‘время’ разделить не удастся.

Теперь, что насчёт словесных и языковых вопросов? Можете ли вы словесно разделить ‘материю’, ‘пространство’ и ‘время’? Да, можете. Нас интересует вопрос о том, сходится ли язык, которым мы можем разделять то, что физически разделять не можем, по структуре с фактами? Очевидно, не сходится. Если мы пользуемся языком не схожим по структуре с фактами, то не можем ожидать максимальной прогнозируемости, и поэтому нам стоит изменить структуру языка. Карта, на которой Сан-Франциско располагается между Чикаго и Нью-Йорком

поведёт нас по ложным путям, в том числе к опасности, поэтому такой картой нам пользоваться не следует. Это же касается языка старой структуры — им стоит прекратить пользоваться. Другого способа решить эту проблему я не вижу. Эта проблема стоит остро. Если сказать кому-нибудь бросить такой язык, последует вопрос о предложении повеситься. Нам это делать не придётся, потому что как только мы осознаём наличие какой-либо проблемы, мы её всегда решаем. Запомните это. Поэтому вместо того чтобы вешаться, мы для начала вспомним Эйнштейна, который внедрил не-элементалистический язык пространства-времени, где ‘пространство’ и ‘время’ существуют неразделённо, а так называемая ‘материя’ приобретает форму искривления пространства-времени.

Я полагаю, что большинство из вас выберут какую-нибудь профессиональную карьеру, поэтому хочу познакомить вас с некоторыми ключевыми терминами. Во-первых факты природы происходят не-элементалистически. Иными словами, факторы наших так называемых элементов не получится отделить. Именно это мы имеем в виду, называя их не-элементалистическими; мы имеем в виду, что они остаются не разделёнными — не-элементалистическими. В наших прежних языках мы применяем формы представления, которыми допускаем элементализм. Я советую вам уделять особое внимание элементализму и не-элементализму. Если мы проведём элементалистический анализ, мы получим неудовлетворительные результаты, потому что ‘факты’ остаются не-элементалистическими. У вас не получится подогнать под них язык. Вы видите, насколько остро стоит эта проблема? Мы установили, что такой язык не согласуется по структуре с фактами, по наблюдению которых мы заключаем, что ‘пространство’ и ‘время’ не удастся разделить.

Теперь давайте рассмотрим пример поближе к нам. Можете ли вы разделить действительный ‘тело-разум’? Если вас разделить, то вы станете трупом, а не живым существом. Можете ли вы разделить живое существо? Если вы считаете, что можете, то вы, вероятно, страдаете от шизофрении. На деле разделить тело-разум не получится. Можете ли вы на деле разделить ‘эмоции’ и ‘интеллект’? Вспомните, что вы вешаетесь, если признаёте, что не можете их разделить, однако, момент спустя в жизненной ситуации вы их разделите, потому что привыкли к элементалистическому языку и ориентированию. В жизни вы признаете что угодно, но не примените. В ОС, если мы что-то признаём, мы этого придерживаемся. Мы не можем разделить ‘тело-разум’ на деле; мы не можем разделить ‘интеллект’ и ‘эмоции’, но мы разделяем их словесно.

Такой язык не сходится по структуре с фактами. Что же нам делать? Прекратить! Вопрос о том, стоит нам в придачу повеситься или нет, остаётся открытым. «Прекратить» звучит легко и просто, когда мы это говорим; просто прекрати, и что? Вот это что мы считаем важной проблемой. Прекратить не составит труда, но потом что? Потрудиться всё-таки придётся. Ответом становится ОС. В ней мы не разделяем словесно то, что не можем разделить на деле. Мы пользуемся термином «семантическая реакция» вместо ‘мысль’ или ‘эмоция’. Мы испытываем семантические реакции, которые обладают целостной, не-элементалистической формой, как пространство-время; при них ‘эмоции’ и ‘интеллект’ не отделяются друг от друга. Мы осуществляем оценку, граничащую с математической физикой, где имеют место ‘эмоции’ и ‘разум’. Когда вы оцениваете, вы отвечаете не-элементалистически, и термин ‘оценка’ мы применяем не-элементалистически, потому что подразумеваем под ним ‘эмоции’ и ‘интеллект’. Когда вы оцениваете, можете ли вы применить этот термин к своим ‘ощущениям’? Да. Давайте взглянем на прежний язык эмоций. Можем ли подразумевать под ним некую оценку? Термины «эмоция» и «интеллект» мы применяем элементалистически, поэтому они не подходят для коммуникации; ими следует пользоваться в предупредительных кавычках. Вы чётко видите, что прежние ориентирования и язык, в рамках которых мы словесно разделяем то, что не можем разделить на деле, не согласуются по структуре с фактами? Иными словами, они ведут нас не туда, понимаете? Из-за этого мы становимся всё более дезадаптированными; мы блуждаем, полагаясь на карту, не схожую по структуре с фактами. Я хочу, чтобы вы это уяснили, особенно учитывая, что вас интересует наука.

Всё, что мы знаем, придётся пересмотреть. Одно только применение элементалистических терминов при не-элементалистичности фактов представляет серьёзную опасность. Рассмотрите собственную жизнь в подробностях. Каждый, сидящий здесь на стуле, слушающий лекции, может описать себя, настолько подробно, насколько пожелает. Вы когда-нибудь сможете охватить ‘все’ подробности вашей наследственности, вашей протоплазмы, опытов детства и так далее? Сможете ли вы составить описание себя, которое охватывает ‘все’ факты о вас? Вы видите, что жизнь происходит не-элементалистически, а языком мы пользуемся элементалистически. Можете ли вы описать себя ‘всеми’ характеристиками? Это сделать не получится. Иными словами, вам следует знать о важности наших положений.

Вы знаете, как легко и быстро вы строите своё убеждение в том, что это ‘есть’ это. Вы, однако, не знаете, что вам придётся учесть при этом ‘все’ характеристики. Вы считаете, что человек справится с этим? Нет! Вы, тем не менее, ведёте себя так, будто учли ‘все’ характеристики. Вы не видите в этом опасности? Рассмотрите с точки зрения личной жизни вопрос о том, можете ли вы с вашими человеческими возможностями учесть ‘все’ характеристики, ‘все’ факторы, которые сделали вас тем, чем вы стали. Иными словами, чтобы ориентироваться более здраво, нам следует осознавать «не всё»? Ориентируясь по-старому, мы ведём старые, несчастливые жизни. Можете ли вы судить здраво? Если вы поддерживаете старые ориентирования ‘всеобъемлемости’, которой человеку достичь не удастся, можете ли вы ориентироваться адекватно? Иными словами, нам придётся обучиться новой дисциплине, новому порядку; научиться принимать решения в гипотетическом смысле, как мы делаем, применяя научный метод. Мы берём статистическую информацию и приходим к гипотетическим суждениям. Нам следует знать, что они представляют собой гипотетические суждения.

Я задам этой аудитории простой вопрос без какого-либо подвоха. Ответу на него следует придать важность. Исключая то, что вам приходится сидеть на жёстких стульях, вы чувствуете себя здесь удобно? Устраивают ли вас более или менее обстоятельства этим вечером? Теперь я подчеркну фундаментальный вопрос, которым вы все пренебрегаете. Предполагая, что все вы чувствуете себя здесь хорошо, понимаете ли вы трагичность того, что вся ваша так называемая ‘удовлетворённость’ основывается на слепой вере или неосознанных предположениях? Представьте себе слепую веру архитектора здания в то, что пол не просядет. Представьте слепую веру административного сотрудника школы. Вы видите здесь слепую веру? В научном методе мы называем это предположениями. Вы когда-нибудь задумывались о том, в какой мере вы полагаетесь на слепую веру? Вся ваша жизнь стоит на слепой вере. Запомните, что это служит фактором так называемого человеческого знания. Всё это, конкретно, необходимые предположения, составляют основу знания. То, что я здесь называю слепой верой, мы называем предположением. Только в геометрии старыми методами мы начинаем основательно иметь дело с исследованием предположения. Очень мало математиков знают, что базовые постулаты (предположения) мы основываем на слепой вере. Давайте называть вещи своими именами, а именно постулатами, что звучит вежливее слова «предположения», которое звучит вежливее выражения «слепая вера».

Сегодня мы провели исследование постулатов; я продолжу употреблять слова «постулат», «предположение» и «слепая вера» взаимозаменяемо. Очень мало математиков знают, что простым исследованием постулатов дело не обойдётся. Раньше, давно, считалось, что исследований и подтверждений постулатов хватало. Оказалось, что их не хватало. Приходится дорабатывать теоремы, выведенные из постулатов так, чтобы они подтверждали постулаты. Иными словами, теорию следует разрабатывать в полной мере, исходя из постулатов до теории, а затем теорию следует проверять, чтобы подтверждать постулаты. Запомните три положения. Никогда их не забывайте. Они служат ключом ко всей проблеме.

Этими положениями мы отходим от старого ориентирования, которое не подходит нам в 1937 году, потому что не согласуется по структуре с фактами жизни. Вы

понимаете разницу между элементалистическим и не-элементалистическим ориентированиями? Если понимаете, то я пойду дальше.

Вернёмся, как обычно, к нашим положениям; ‘не всё’, иными словами, то, что я сказал о структуре языка по-прежнему представляет собой ‘не всё’. Мы проведём ещё одно исследование, которое выступает ключевой проблемой во всём этом вопросе. Я сделаю что-то очень серьёзное, но вы, если хотите, можете смеяться; я это смехотворным не считаю. Я нахожусь в мире Оливет; ничего здесь не знаю. Я вижу перед собой какие-то пузыри протоплазмы. Я начинаю исследовать одного товарища, другого, третьего, и что же я выясняю? Это дойдёт не сразу. Вы знаете, что я выясняю? Вы это тоже выясните. В том товарище я выясняю абсолютного индивидуума в мире. Другого, ‘тождественного’ {‘идентичного’} ему, не существует. Это касается всех остальных и всего, что вы знаете; буквально всего, что вы знаете. Здесь на столе лежит коробок спичек. Сможем ли мы найти в нём две ‘тождественные’ друг другу спички? Так мы находим оставленный без внимания, но фундаментальный закон природы; конкретно, закон не-тождества. Никогда этого не забывайте. Он содержится во втором положении — не охватывает всё. Так мы полностью отрицаем тождество. Тождество, которое мы определяем как абсолютную одинаковость во всех характеристиках, не существует. Мы открыли базовый закон природы этого мира — закон не-тождества. Вы осознаёте, что этот закон природы не-тождества работает универсально? Он происходит по факту; мы наблюдаем его эмпирически.

В четырёх измерениях какая-либо частица в какой-либо отличный момент не может оказаться тождественной самой себе. Один математик меня спрашивал о тождественности какого-либо объекта самому себе, и я ему сказал, что если он считает это истинным, то плохо знает современную математику и физику. Я знал, что он их преподавал, и спросил его, не слышал ли он о математической физике. Он ответил: «Конечно. Её я тоже преподаю». Я ему сказал, что отрицаю, что какой-либо электронный процесс когда-либо может оказаться ‘тождественным’ самому себе. Вы ‘тождественны’ сами себе от одной секунды к другой? Вы можете заключить из того, что знаете, что вы не ‘тождественны’ самому себе от момента к моменту. Вы осознаёте стыд и огорчение в связи с тем, что нам требуется провести такой анализ в двадцатом веке, потому что это кажется нам таким простым и странным? Вы осознаёте, что это следует сделать основой образования? И тем не менее в системе образования, за исключением нескольких частично перспективных школ, мы не обращаем внимания на эту проблему как на проблему образования. Такого ответа обычно хватает для доказательства ориентирований по ‘тождеству’, но мы подойдём ближе к нашему положению. Под положением о не-тождественности мы подразумеваем не-тождественность во ‘всех’ характеристиках. Тождество определяют как абсолютную одинаковость во всех характеристиках. Вы можете сходиться в том, что имеете нос, рот, какие-то зубы и так далее, но вы не тождественны другому человеку, потому что ‘не все’ ваши характеристики ‘тождественны’ другим. Если вы обнаружили лишь одну схожую характеристику, можете ли вы заключить ‘тождество’? Когда мы подходим к пределу классификации в научном методе, характеристики одной молекулы отличаются от общих характеристик групп молекул и атомов. Применяя общий научный метод, мы принимаем это как факт.

Так дела обстоят и с нами. Отдельно рассматриваемая ‘психология’ каждого из нас отличается, когда мы смотрим на себя в группе. ‘Психология’ толпы или ‘психология’ группы отличается от индивидуальной ‘психологии’. Это мы подразумеваем под не-элементилистическими ориентированиями, не-отделением от среды, от группы, от среды, жертвами которой мы все становимся; не-отделение от семантической среды, от которой нам не удастся сбежать; мы рождаемся в какую-то систему оценки. Можете ли вы отделиться от этой системы? Иными словами, следует учитывать не-элементалистический характер семантической или языковой среды. Вы видите, что в связи с этим мы оказываемся в ситуации, где некоторые из самых важных факторов нашей жизни остаются без внимания? Зачем мы занимаемся анализом воды? Почему мы уделяем внимание ‘водной среде’ и ‘воздушной среде’, но полностью пренебрегаем языковой и семантической средой?

В ОС мы исследуем факторы, которыми до этого пренебрегали. Я всегда придерживаюсь некой физико-математической и психиатрической позиции в отношении наших проблем, потому что мы так долго ими пренебрегали. Мы пренебрегали ими в нашем человеческом ориентировании.

Принимая во внимание эти важные факторы, далее я объясню их полнее, и вы увидите ужасающие последствия этого пренебрежения. Я лишь приведу краткий пример, забегая вперёд. Вы понимаете слово «инцест»? Половой акт между членами семьи. Что ж, рассмотрите семантическую среду; лучшего примера я привести не могу. В европейской цивилизации по статистике мы не выживаем с инцестом; не имеет значения, почему. Где бы мы ни практиковали инцест, даже не физический, а, скажем, символический инцест, мы с ним не выживаем. Он всегда приводит к проституции, преступности или ‘умственным’ заболеваниям. В Египте времён фараонов инцест среди людей считался правилом и не вредил. Совсем не вредил. Почему? Семантическая среда. Они руководствовались теорией о том, что инцест не наносил вреда. Иными словами, оценка, семантическая среда; то, что брат женился на сестре и т. д. не имело значения. То, что не приносило вред в их обществе, в их семантической среде, препятствует выживанию в нашей. Я озвучиваю факты. Вы начинаете видеть, что означает семантическая среда? Оценочная среда. Вам становится яснее, что физические факты часто не имеют значения в сравнении семантическими фактами?

Наше общество по статистике, в трущобах или нет, никогда не переживёт инцест. Если он имеет место, мы получаем проституцию, преступность или ‘безумие’. Физически, факты сохраняются; физически, вы, я и остальные мало чем отличаемся от египтян. В их среде инцест работал как оценочное правило и не причинял вреда. Мы же с ним не выживаем. Какие, вы думаете, здесь действуют факторы, физические или семантические? Над этим вопросом я бы хотел, чтобы вы задумались. Я хотел вам показать, что физические факты часто значат меньше, чем семантические факторы оценки. В одном обществе тот же семантический фактор сыграет одну роль, в другом обществе другую. Примитивный человек может заболеть чем-то простым, но если он пойдёт лечиться в европейскую больницу, то умрёт; если же он пойдёт к примитивному знахарю, то ‘исцелится’. Проблемы оценки часто оказываются важнее проблем физических факторов. Я говорю о физических фактах, которые остаются почти без изменений в сравнении с семантическими факторами. Новизна, шок; оценка приводит ко множеству смертей в войне. Вы это ясно понимаете? Некоторые из вас, возможно, уже испытали то, что называют ‘проблемами в сексуальной жизни’ или ‘затруднениями с сексом’.

Вы пока не знаете о степени трагичности того факта, что ваши ‘затруднения’ и ‘проблемы в сексуальной жизни’ не возникают в какой-то связи с вашими половыми органами. Часто они вообще к ним никакого отношения не имеют. Всё это вы делаете головой. Разберитесь с этим бардаком, и ваши другие затруднения разберутся сами собой. То, что мы сегодня называем ‘половыми железами’, почти не касается ‘половых органов’. В этом мире живёт не так много людей с физическими недостатками такого рода, но много с семантическими недостатками. Вы начинаете видеть, как семантические проблемы играют значительную роль в жизни? Чётко и просто, проблемы оценки. Приведите в порядок ваши оценки, и остальное тоже упорядочится. Я стараюсь донести, что следует придавать семантической среде важность, потому что ни от какой семантической среды у нас сбежать не получится. Мне удалось убедить вас в том, что семантическая среда играет не менее важную роль, чем ваша физическая среда? Мы не можем выжить с инцестом, тогда как египтяне выживали. Физические факты практически не поменялись; затруднения возникли в семантической среде, и решать нам приходится проблемы оценки. Теперь вы понимаете, что проблемы оценки, — я называю их семантическими факторами — которую осуществляете вы своими мозгами, играют важную роль, и что ими до сих пор полностью пренебрегали? У вас появились вопросы? Это касается каждой области человеческой деятельности. Можете ли вы представить, что освободились от семантической среды и при этом вам удалось остаться человеком? … Давайте, прервёмся здесь. Спокойной ночи.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЁРТАЯ

Как обычно, я начну с краткого резюме того, что мы узнали. Сегодняшняя лекция, несмотря на её простоту, может оказаться особенно трудной, и я постараюсь говорить медленно, чтобы вы поняли, что я говорю. Нам обычно с трудом приходится впитывать то, к чему мы приходим, отойдя от старого. Вы помните, что, когда Эйнштейн начал свою работу, бытовало мнение, что во всём мире его понимали лишь двенадцать человек. В этом мнении мы ошибались тогда и ошибаемся сейчас. Нам просто понадобилось новое поколение, чтобы впитать Эйнштейна. Сегодня каждый молодой студент университета, изучающий физику, ориентируется по Эйнштейну. Вы тоже начнёте ориентироваться по Эйнштейну раньше, чем мы закончим эти семинары. На то чтобы студенты начали ориентироваться по Эйнштейну, ушло поколение.

Меня радует, что я вижу здесь мало людей постарше, потому что они часто оказываются безнадёжными. Далее вы увидите, почему. Эта проблема сводится к коллоидам, к химии, мы не можем её избежать — человек не может оставаться молодым. По этой причине наука продвигается медленно. Нами правит старое поколение, и надеяться на то, что старое поколение поймёт новое, не приходится. Тем, что я сегодня объясню, мы не только строим основу для ОС, но и сильно отходим от старого, которому даже вы, молодые люди, успешно научились. Вы, молодые люди, научились старому, и вам придётся отойти от него категорически. В математике и физике, при обнаружении ошибки в старом, мы откладываем старое в сторону, отходим от него. Этим мы занимаемся, применяя научный метод. Отходить от старого придётся с большим трудом, потому что вам его навязали в яслях, чем в значительной мере обрекли вас жить и стабильно ориентироваться по-старому. Вы все живёте, стабильно ориентируясь по-старому.

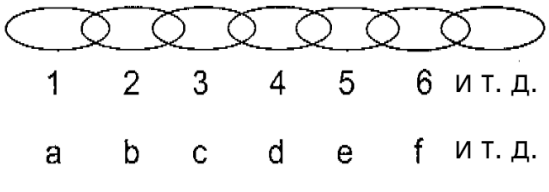
Сегодня я приведу вам пример, который продемонстрирует ошибочность старого. Если мы хоть как-то придерживаемся научного метода, — что нам следует делать — нам не остаётся ничего иного, кроме как отложить старое, которого, как вы сами увидите, не хватает. Оцените старое, создайте что-то новое, а затем примите и применяйте новое. Именно это нам следует сделать. Одними только разговорами о новом мы не обойдёмся. Нам следует выявить и указать на ошибки в старом, пересмотреть их, и потом за счёт пересмотра, создать что-то новое, что лучше сочетается с фактами жизни, какими мы их знаем сегодня, а не какими знали их вчера. Создав что-то новое, его следует внедрять и применять. Применение оказывается самым трудным. Я делаю это вступление, чтобы привлечь ваше внимание к тому, что сказанное мной кажется до идиотизма простым, но при этом невероятно сложным. Нам бы понадобилось шесть месяцев ежедневных непрерывных лекций, чтобы я смог показать вам в полной мере применение новых ориентирований.

Мы занимаемся анализом фактов, что бы мы ни называли словом факты. Проанализировав факты, мы формулируем из них принципы, которые хотим чтобы стали здравым смыслом. Я хочу, чтобы вы с этим согласились. Я хочу вашего согласия, чтобы вы ‘повесились’, если согласитесь со всем, что я здесь говорю. Почему вы не следуете этому? В научном методе мы этому следуем, но в жизни нет. Мы ведём разговоры, но ничего не применяем. Я повторю то, что мы до сих пор охватили.

Мы охватили территорию-карту. Карта, на которой города располагаются в неправильном порядке, не подходит для путешествия, потому что не даёт нам прогнозируемости, и тем самым вредит нам. Мы проанализировали разные типы языков, и что бы мы могли сказать о такой карте? Мы назвали её «плохой», «неправильной» и «как-то ещё». Я вам сказал, что язык не сработает, и вы с этим согласились. Это привело нас к чему-то. Моральные термины не дают нам никаких последствий. Последствия следуют, когда мы пользуемся языком новой структуры. Из языка «хорошо», «плохо» и т. д. не последовало ничего. Однако мы

установили новый язык, научную терминологию, в которой, как мы сказали, для максимальной пользы, требуется, чтобы карта сходилась по структуре с территорией. Мы также определили схожесть структуры с точки зрения порядка. Конкретно, для схожести структуры, требуется упорядочивать карту согласно территории. Мы можем далее расширить схожесть структуры до много-мерного порядка, который охватывает всю математическую физику. Иными словами, мы можем работать термином ‘порядок’ во многих измерениях и связывать с его помощью человеческие дела с математической физикой и наукой. В этом заключается потенциал общего термина, которым удаётся связать научный метод и жизнь. Мы знаем, что можем это сделать, и для этого принимаем во внимание, что схожесть структуры обязательно требуется для прогнозируемости, а прогнозируемость служит фактором нашего счастья. После этого семинара обдумайте это самостоятельно. Представьте себе, как бы прогнозируемость, если бы вы могли её получить, повлияла на вашу жизнь.

Вы наверняка слышали о великой трагедии мировой войны [1914–1918]. Вы знаете что-то о Гитлере и безумном вооружении, за которое вы заплатите. Всё это сводится к вопросу прогнозируемости. Если бы кайзер знал, что Англия и Америка вступят в мировую войну, то войны бы не случилось. Если бы в Лиге Наций, при искренней поддержке Англии и США, согласились о ненадобности Гитлера, его бы и не появилось. Никто не хочет совершать самоубийство. Это сводится к вопросу прогнозируемости. Почему же мы живём в мире, где существует Гитлер и осуществляется вооружение? Потому что в Англии и в Америке словесно не сказали: «Прекратите это». Это сводится к вопросу прогнозируемости. Мы можем прогнозировать, что при определённых условиях, если происходит ‘то и то’, то произойдёт ‘то и то’, но нам следует придерживаться ясности в нашей способности формулировать и чётко выражать своими мозгами то, что чётко подали языком. Тогда вещи бы происходили, или не происходили. Я подвожу к очень важному моменту касаемо прогнозируемости. Если мы придерживаемся чёткости как мозгами, так и языком, и знаем, к чему идём, всё становится проще. Вы понимаете?



Я прошу вас исследовать вопрос влияния прогнозируемости на вашу повседневную личную, народную и международную жизнь. Поразмыслите над этим. Чем тщательнее вы исследуете эти проблемы, тем дальше продвинетесь. Мы обнаружили, что схожесть структуры карты-территории составляет базовую проблему прогнозируемости. Прогнозируемость составляет неотъемлемую часть основы. Она зависит от схожести структуры между карто-языком и факто-территорией. Я уже показывал вам это, но повторю: вся сила науки и цивилизации стоит на прогнозируемости и схожести структуры. Например, возьмём физическую цепь, сделанную из звеньев, которую мы рассматриваем как ряд́овую структуру. Мы пользуемся ряд́овым языком, как 1, 2, 3, 4 и 5. Как цепь, так и язык мы рассматриваем как ряд́овые и видим в них схожесть структуры. В таком случае мы можем ожидать прогнозируемости. Давайте я попробую. Не глядя на факты, я прогнозирую, что третье звено находится между вторым и четвёртым. Я спрогнозировал факты, и эти факты произошли. Это выглядит просто, но этот принцип ведёт далеко. Вся цивилизация и вся наука зависит от этого принципа. Даже здравомыслие стоит на этом принципе. Почему? Потому что огромное количество ‘умственных’ заболеваний происходит из-за шоков и страха от неопределённости и не-прогнозируемости. От значительной части ‘умственных’ дезадаптаций удалось бы избавиться, если бы мы могли спрогнозировать, что ‘что-то’ произойдёт, и это ‘что-то’ произошло бы. Благодаря прогнозируемости мы больше не испытываем шок. Представьте, что мы спрогнозировали, что этот пол провалится, и он проваливается вместе с нами. Мы, возможно, свернули бы себе шеи, но не стали бы невротиками, потому что ожидали этого. Мы видели множество показательных примеров на войне. Если вы не ожидаете ужасов, вы сломаетесь, когда они произойдут. Некоторые солдаты, получившие ранения, не сломались, потому что вовсю занимались своими ранами.

Мы констатировали три положения, следующие из анализа этой ситуации, которыми отрицаем старые положения; их, кстати, никогда не объясняли должным образом, несмотря на то что мы жили по ним тысячи лет. Здесь мы констатировали новые:

1) Карта не есть территория,

2) Карта охватывает не все характеристики территории; не всё, и

3) Карта носит само-рефлексивный характер.

Я хочу, чтобы вы тщательно прочувствовали само-рефлексивность. Мы начинаем с карты. Идеальная карта, например, Оливет включала бы это здание. Она бы также включала меня, составляющего карту. Это означает, что идеальная карта со ‘всеми’ характеристиками — которые на деле не может включать ни одна карта — привела бы к карте карты карты, без конца. Это мы называем само-рефлексивностью. Потребуется много усилий, чтобы осознать трагедию этой рефлексивности. Прежде мы совсем не уделяли ей внимания.

Всё, что я сказал, касается языка; именно поэтому я пользуюсь картой в качестве примера. ‘Слово’ не есть ‘факт’, но мы ведём себя так, будто дела обстоят наоборот. Слово не охватывает все характеристики факта или ситуации. Вы видите, что мы применяем это к языку. И, наконец, само-рефлексивность — источник постоянных затруднений и отождествлений, потому что на языке мы можем говорить о языке. Далее вы увидите великую важность этого факта в применении к жизни.

Я приведу историю о цирюльнике. В небольшом городе жил всего один цирюльник, и он брил только тех, кто не брился сам. Следует вопрос: «Брился ли цирюльник сам»? Вы понимаете, что, когда бы мы ни говорили о само-рефлексивной проблеме, мы имеем дело с проблемой цирюльника? Что бы вы ни ответили, вы ошибётесь. Скажете вы «да» или «нет», вы ошибётесь. Так происходит с само-рефлексивными проблемами; так называемый человеческий разум прекращает работать. Вас не получится назвать разумным, когда вы ошибаетесь во всём, что бы ни сказали. Куда девается ваш разум, когда вы касаетесь проблемы ошибочности всего вами сказанного? Вы угождаете в неприятную ситуацию. Нам следует знать о само-рефлексивных проблемах заранее, но даже при этом они остаются источниками самых серьёзных опасностей в наших жизнях. Эти опасности сломали основания математики. Позднее вы научитесь улаживать само-рефлексивность автоматически с помощью очень простых техник; вы также сможете избежать практически любой трудности, возникшей от само-рефлексивности, применяя очень простые приёмы.

Нас интересует вопрос о том, сходится наш язык по структуре с этим миром и нами самими, или нет. Запомните, что, задавая этот вопрос, мы предлагаем не играть в догадки, а исследовать факты. Мы исследуем факты и язык. Стоит, отметить, что многие люди говорили об этом, но никто, до появления ОС, не провёл тщательного исследования по данной теме. Тем временем жизнь продолжается, наука развивается, но их никто не ко-ординирует. Исследуйте. Помните, что вы не можете разделить ‘материю’, ‘пространство’ и ‘время’. По физическому факту вы не сможете это сделать, но сможете словесно. Отсюда следует, что они не согласуются по структуре. Нам стоит прекратить говорить? Нет, вспомним Эйнштейна и произведём язык пространства-времени — язык не-элементалистической структуры. Факты происходят не-элементалистически, но в языке мы предполагаем элементализм. Иными словами, существующий язык не сходится по структуре с фактами, и мы не можем сделать с этим ничего, кроме как пересмотреть язык структурно и установить его на не-элементалистическую основу. Так мы добьёмся согласованности структуры, и тем самым прогнозируемости. Мне следует это подчеркнуть. Мне следует также подчеркнуть самый важный момент, что великие достижения науки произошли благодаря терминологии науки. Никогда об этом не забывайте. Избавьтесь от терминологии и вы избавитесь от наук. В нормативном оксфордском словаре вы найдёте хорошие английские слова, которыми никогда не пользуетесь, но они играют роль научной терминологии. Когда я с вами разговариваю, я не употребляю никаких диковинных слов, а пользуюсь нормативным английским языком. Некоторыми словами, однако, я

не воспользуюсь, потому что мне пришлось бы ‘повеситься’, если бы я ими воспользовался. Вы, тем не менее, употребляете определённо вредные термины.

Я советую вам как научно-ориентированным людям, когда вы работаете над проблемой, прежде всего, проверьте свой язык на элементализм. Вы работаете с не-элементалистическими фактами. Если вы обнаружите, что пользуетесь элементалистическим языком, избавьтесь от него и подберите не-элементалистические термины. Применяя не-элементалистический язык, вы получите другие результаты. Например, такие термины как «мышление» и «ощущение», «эмоции» и «разум» и т. д. мы применяем элементалистически. Попробуйте поговорить о чём-то или сделать что-то, что вы охватываете термином «эмоция» или «разум». Мы подразумеваем под ними отделённые сущности, тогда как по факту мы не можем разделить живые действительности. По фактам вы не сможете отделить ‘эмоцию’ от ‘разума’. Зачем же тогда играть в догадки элементалистическим языком? Возьмите термин семантическая реакция, который включает реакцию оценки, применимую и к вашим ‘эмоциям’, и к так называемому ‘разуму’. Мы пользуемся термином «семантическая реакция» не-элементалистически. Вы поняли, что вместо «эмоции» и «разума», нам следует применять «семантическую реакцию», под которой мы подразумеваем оценку и применяем к первому и второму одновременно. Это мы имеем в виду, когда называем термин не-элементалистическим. Я, однако, пока не коснулся худшего.

Здесь я введу два новых термина, с которыми вам следует хорошо познакомиться. Я не предлагаю что-то особенно новое; эти термины знал Аристотель 2300 лет назад, но их никто никогда не применял к жизни. Первый термин — интенсия; он пишется с буквой „s“ {intension}, а не с „t“ {intention — англ. намерение}, иначе значение полностью меняется. Этот научный термин, известный Аристотелю, означает определение по аристотелевым свойствам; аристотелево определение по свойствам. Например, Платон — возможно, кто-то другой — определил «человека» как беспёрое двуногое. То, как мы определяем «человека», значения не имеет; мы вполне можем определить его как беспёрое двуногое. Вас, сидящих в этой аудитории, мы считаем так называемыми людьми. Никто из вас не носит перьев, и никто не ходит на трёх ногах, так что мы можем уместно применить это определение ко всему классу. Давайте пойдём с этим дальше. Мы согласились, что это словесное определение удастся применить ко всем; давайте посмотрим, получится ли у нас им кого-нибудь охватить. Каждый человек передо мной характеризуется чем-то отличным. В определении мы об этом не говорим; мы говорим только о беспёрых двуногих. Этим определением мы не охватываем никого. Как вы ориентируетесь, если полагаетесь на определение? В этом заключается опасность ориентирования по интенсии, по вербальным определениям, основанным на ‘свойствах’. Представьте меня неприятным человеком со скверным характером. Мы это не упоминаем, определяя меня беспёрым двуногим. Кто-то из вас может вступить в брак по определению, а потом удивиться последствиям из-за того, что вы вступили в брак с определением, а жить придётся с живым человеком. Вы видите, как это происходит в повседневной жизни. Вам следует осознать, что мы живём и ориентируемся по-старому, полагаемся на слова и определения, которыми не можем охватить все характеристики. Это мы называем интенсиональным ориентированием. Теперь рассмотрим экстенсиональное ориентирование и экстенсиональные определения.

Экстенсиональное определение представляет собой нечто большее, чем просто определение; ориентируясь экстенсионально, мы ориентируемся исключительно математически и семантически. Мы можем обращаться с предметом, пользуясь определением по интенсии или математически и семантически — по экстенсии. Мы пользуемся этими научными терминами в их данном виде. По-старому мы делали всё интенсионально, по-новому — экстенсионально, чем полностью уходим от старого. Скоро вы увидите последствия такого применения. Если вы попросите меня определить «человека» по экстенсии, я дам определение с точки зрения «класса индивидуумов, включающего Смита$_1$, Смита$_2$, Смита$_3$ и т. д.». Я показываю индивидуумов, присваиваю им ярлыки, даю им собственные имена, но в принципе, я показываю индивидуумов. За счёт этого мы далеко отходим от старого. Мы говорим

здесь не о выдумках, а культурной необходимости. Этим методом мы ориентируемся на ‘реальность’. Предположим, я попытаюсь поговорить о вас как о классе. Каждый из вас отличается от каждого следующего; вы это знаете. Независимо от того, что я скажу о каждом, или даже напишу целую энциклопедию о классе, мне никогда не удастся охватить даже одного из вас. Я не могу полагаться на словесное определение. Однако, когда я имею с вами дело как со Смитом$_1$, Смитом$_2$, Смитом$_3$ и т. д., как с классом, группой, когда я говорю об индивидуумах, я избегаю опасности. Это сильно меняет ситуацию.

Математика стоит на экстенсиональном фундаменте. Математик имеет дело только со своими ‘индивидуальными’ числами. Никакого математика никогда не интересовала проблема определения числа. Мы можем говорить об этом как о проблеме основы математики, но это относится к другой теме. Математик не беспокоится об определении чисел. Его интересует поведение его индивидуумов, поэтому, когда он складывает один и один, он получает два. Три минус два равняется один. Здесь имеет место поведение индивидуумов. Они изучают поведение своих индивидуумов. Поэтому с помощью математики мы работаем экстенсионально. Математические единицы позволяют делать идеальные обобщения по интенсии и определению, но такое происходит только в математике, и больше нигде. Рассмотрите высказывание о том, что одно яблоко плюс одно яблоко равняется двум яблокам. Не обманывайтесь простотой того, о чём я говорю. Я говорю о проблемах основ математики, которым стоит придавать важность. Когда вы говорите, одно яблоко плюс одно яблоко равняется двум яблокам, вы делаете не математическое высказывание, а физическое; но, когда вы говорите один плюс один равняется двум, вы высказываетесь математически. Математика представляет только словесные паттерны, показывая вместе с этим методы анализа. Мы выстраиваем их, записываем, а потом кто-то может ими воспользоваться.

Книгу Principles of Topological Psychology {Принципы топологической психология} автор написал, опираясь на математику, о том, как часть входит в целое. Раньше её считали абстрактной дисциплиной. Никто не верил, что её удастся где-то применить, но сегодня мы применяем её в ‘психологии’ и вскоре сможем применить к социологии, экономике, политике, правительству и т. д. В этой дисциплине мы строго придерживаемся математики. Чем больше вы увидите из того, что удалось сделать, тем шире станут ваши взгляды. Математика в Топологической психологии применяется ко всем человеческим проблемам, включая ‘психологические’. Мы пользуемся экстенсиональным методом. В некоторых местах книга практически полностью повторяет мои семинары, хотя автор, вероятно, никогда о них не слышал. Мы применяем один метод.

Теперь я приведу рабочий пример. Вы определяете «человека» по интенсии, по каким-либо его свойствам. Вам следует осознать, что этим определением вы не охватываете никого, тогда как определением человека по экстенсии, как класса, который составляют Смит$_1$, Смит$_2$, Смит$_3$ и т. д., вы охватываете индивидуумов. Не упустите также часть Смит; она тоже играет важную роль. В семнадцатом веке, чтобы математика развивалась нам требовалось бесконечное число символов. Чтобы их получить, математики придумали уловку: X_1, X_2, X_3 и т. д., и так получили неопределённое количество символов, за счёт чего решали задачи. Они применили экстенсиональное решение. Вы уловили разницу между интенсией и экстенсией? Интенсия основывается на словесном определении по свойствам, а по экстенсии мы показываем индивидуумов и ориентируемся на индивидуумов. Я приведу пример того, как это работает.

Предположим, вы ориентируетесь полностью интенсионально, потому что родились и выросли в интенсиональном мире. (В этом заключается трудность этой работы; мне придётся отучить вас от этого. Экстенсионализация требует усердного обучения, чтобы перейти в экстенсиональный мир, состоящий из фактов, а не определений.) Если вы скажете мне: «Автомобили приносят пользу». Вы сделаете простое высказывание. Я ориентируюсь экстенсионально, и что со мной происходит? Я слышу, что вы сказали: «Автомобили приносят пользу», но принимаю я следующее: «Автомобиль$_1$, Автомобиль$_2$, Автомобиль$_3$ и т. д. приносят пользу». Вот так я реагирую на высказывание «Все автомобили приносят пользу». Я

ориентируюсь на действительные автомобили, а не на определение «автомобиля». Смотрите, что происходит. Просто за счёт того, что я зрительно представляю Автомобиль$_1$, Автомобиль$_2$, Автомобиль$_3$ и т. д., которые приносят пользу, и за счёт того, что я анализирую с точки зрения действительных автомобилей, я вижу неисправные тормоза, пьяных водителей и т. д., которые не входят в ваше определение. Я ориентируюсь на индивидуумов, которые не попадают в ваше определение, и поэтому могу отреагировать на ваше высказывание о том, что все автомобили приносят пользу чем-то вроде: «Вам не кажется, что вы высказались слишком широко, ведь некоторые автомобили приносят вред?» Найдите ‘глубокую разумность’ в таком высказывании. Вы сказали, что автомобили приносят пользу, а я отреагировал ‘автомобиль$_1$, автомобиль$_2$, автомобиль$_3$’ и т. д., но затем я увидел, что действительности не вписывались в ваше высказывание, и заметил, что вы своим высказыванием сделали слишком широкое обобщение.

Попытайтесь разглядеть ‘широкую разумность’ в этом замечании, невзирая на тривиальность примера. Я привёл простой пример, но в нём ограничил ваше обобщение тем, что сделал осторожное, разумное высказывание, тогда как вы высказались слишком широко. В этом заключается польза от экстенсии. Она способствует внутреннему углублению. Она заставляет взглянуть в лицо ‘реальности’, и тем самым выйти на путь к адаптации и здравомыслию. Она не даёт ничего, кроме адаптации. Вы наверняка слышали кое-что о психиатрии, ‘умственных’ заболеваниях и психотерапии. В психотерапии удаётся достичь выдающихся результатов, но сегодня это сводится к проблеме индивидуальных навыков.

В психиатрической службе Чикагского университета применяют ОС; в ОС мы находим методы групповой психотерапии, потому что принципиально задействуем экстенсионализацию и опираемся на общую теорию оценки, или общую теорию здравомыслия. Психотерапевт не делает ничего, кроме как направляет пациента к ‘реальности’, к фактам; это сводится к некой экстенсионализации, но без общей теории, которую даёт ОС.

Тщательно экстенсионализовавшись, то увидите, что множество искусственных трудностей исчезнет. Я подниму очень простые, но глубокие вопросы, и приведу лишь несколько примеров. Рассмотрите эту палку на уровне объекта и слово «палка», которым мы обозначаем мою трость, и неопределённое число других тростей. Слово «палка» представляет только определение и выдумку. Мы можем это сказать применимо ко всему; мы можем ориентироваться по определениям и выдумкам. Вам нравятся такие слова? Вам нравится ориентироваться по выдумкам? Мы, однако, не можем прекратить говорить. По экстенсии вы бы назвали эту палку палкой$_1$, а другие палкой$_2$, палкой$_3$ и т. д. Когда мы говорим «палка$_1$», мы пользуемся именем собственным для индивидуума, а словом «палка» без индекса обозначаем определение. Уясните это чётко. Слова «палка», «дом», «человек» и т. д., относительно любой вещи, представляют словесные определения, иными словами, выдумки. Когда мы пользуемся ими с индексами, мы даём действительным индивидуумам имена собственные, и уже имеем дело не с определениями. Это составляет основу.

Определяя что-либо по интенсии, мы определяем это по свойствам, но никогда не охватываем индивидуумов. В этом таится серьёзная опасность определения по свойствам. Определяя что-либо по экстенсии, мы показываем индивидуумов. Вы всегда можете вспомнить пример, в котором мы интенсионально определили человека как беспёрое двуногое, а экстенсионально указали на класс индивидуумов: Смита$_1$, Смита$_2$, Смита$_3$ и т. д. Затем я привёл вам пример с автомобилями. Кто-то сказал: «Автомобили приносят пользу», а я отреагировал: «Автомобиль$_1$, автомобиль$_2$ и т. д. приносят пользу». Я сориентировался на индивидуумов, после чего пошли пьяные водители и т. д. Затем я сделал ‘разумное высказывание’: «Вам не кажется, что вы высказались слишком широко?» Приходится повозиться, прежде чем это становится ясно. По экстенсии вы получаете разумность без особой возни.

Теперь я вам расскажу об экстенсиональных приёмах. Мы пользуемся пятью:

1) Индексы
2) Даты
3) И т. д.
4) Кавычки
5) Дефисы

Их я называю экстенсиональными приёмами. Ими следует пользоваться. В этом состоит главная трудность; их следует постоянно применять в качестве реакции нового типа. Экстенсионализация вас не обременит и не замедлит. Посмотрите на меня; я не медлю. Однако я не могу сориентироваться в рамках {пользуясь терминами} ‘стула’ или ‘человека’ и т. д. Я индексирую всё. Я не ‘думаю’ о вас как о «человеке» или «девушке», а как о Смите$_1$, Смите$_2$ и т. д. Я от этого не медлю, но ‘мыслю’ при этом глубже. В этом заключается искусство ‘мышления’ за счёт постоянного ориентирования на ‘реальность’, а не на выдуманные определения. Вы выработаете этот навык и сможете извлекать с его помощью пользу.

Мы живём в мире процессов, поэтому вы никогда не остаётесь ‘одинаковыми’. Вы постепенно стареете и т. д. Вы не остаётесь прежними. Ваша пара в понедельник не есть ваша пара во вторник; или он утром не есть он вечером. Наша зубная боль в понедельник отличается от нашей зубной боли во вторник. Тем же образом дела обстоят со счастьем. Когда вы применяете дату, вы многому учитесь. Мне вспоминается один печальный пациент, которому я помогал экстенсионализоваться. Мы работали с работниками школы, и в классе учились девушки. Я провёл для них семинары и частные консультации. У одной случилось то, что обычно называют «комплексом неполноценности». Когда я говорил с ней об этом, я её спросил: «Ты бы не хотела чувствовать себя уверенно, как я?» Она сказала, что хотела бы. Я задал ей следующий вопрос: «Как ты думаешь, что бы случилось, если бы я постоянно не датировал свои высказывания? То, что я говорю сегодня, я говорю сегодня, и не пишу законов к завтрашнему дню. Завтра мне, возможно, придётся поменять свои взгляды. Если бы я не датировал свои высказывания, я бы каждый раз оказывался ослом». Мы можем говорить уверенно и не позволять себе догматизмов, только применяя даты. Я бы оказывался ослом, если бы не применял даты. За счёт дат мы избавляемся от догматизма. То, что я говорю сегодня, может оказаться верным, но насчёт завтра я не знаю. Мы избавляемся от догматизма и абсолютизма насовсем благодаря датированию. Если вы позволяете себе уверенное высказывание и датируете его, вы не пишите ‘мирового законодательства’ на завтра. Если бы я назвал ваше платье красным и позволил себе это высказывание на все грядущие времена, я бы поступил как ‘дурак’. Вспомните наше второе положение о ‘не всём’. Пользуясь датами, мы отбрасываем догматизм. Позвольте себе сколь угодно резкое высказывание, но продатируйте его, и, возможно, оно окажется верным.

Теперь обратите внимание на другую проблему — относительно «и так далее». Каждое слово следует индексировать. Стул$_1$ не есть то же, что стул$_2$ и т. д.; всё следует индексировать, датировать, и в конце всякого высказывания следует ставить «и т. д.», чтобы поддерживать осознанность, что вы не высказали «всё». Снова вспомните положение о «не всём». Это также состоит в прямой связи с положением «не есть».

Первые три экстенсиональных приёма я называю рабочими приёмами, а четвёртый и пятый, кавычки и дефисы, я называю безопасными приёмами. В нашем старом языке, который мы не можем изменить быстро, избегать элементалистических терминов приходится с огромным трудом. Поэтому нам следует пользоваться кавычками. Когда вы в разговоре употребляете такой термин как «разум», вам следует применять кавычки. Это следует практиковать. Когда вы пользуетесь такими терминами как «разум» в кавычках, вы применяете безопасные приёмы. Когда вы применяете элементалистические термины в каких-то практических целях, применяйте их в кавычках, в том числе про себя. Если вы говорите о них, говорите о них в кавычках. Никогда не играйте в догадки элементалистическими терминами и не стройте догадки на них, потому что это не принесёт никакой пользы. Предположим, я скажу, что ваши ‘эмоции’ подвергаются стрессу. Мне не пришлось медлить, чтобы это сказать, но про себя я воспользовался кавычками в

этом высказывании. Нам не следует гадать на элементалистических терминах. Если вам приходится применять элементалистические термины, применяйте их в кавычках, и тогда вам не придётся гадать. Кавычками мы избавляемся от гадания. Когда вы с кем-то разговариваете, вы можете запутать его, если, употребляя элементалистические термины, не предупреждаете его об их ненадёжности.

Я надеюсь, вы понимаете как класс, что без этих пяти приёмов, которые я назову «нашим экстенсиональным соглашением», я бы вообще не смог с вами говорить. Я бы говорил только об определениях, словесных выдумках и т. д., а не о чём-то действительно существующем и т. д.; я не шучу. Без соглашения между нами, мы бы не имели никакой человеческой возможности говорить осмысленно. Я бы совсем не смог с вами говорить. Благодаря соглашению между нами и тем пяти приёмам, когда я говорю «палка», между нами это означает «палка$_1$, палка$_2$ и т. д.» Мы присваиваем ‘реальностям’ ярлыки и ориентируемся по ‘реальностям’! Мы переходим из старого интенсионального мира в новый экстенсиональный. Для этого требуются значительные изменения в характере ориентирований, и эти изменения приносят пользу и здравомыслие.

Вы, возможно, заметили, что я не склоняюсь к чтению проповедей. Мы не получаем от проповедей никакой пользы. В жизни случается много проблем, которые по экстенсии исчезают. Часто оказывается так, что старые проблемы возникают из-за интенсии, и когда мы экстенсионализуемся, они автоматически испаряются.

Здесь мы можем оттолкнуться от чего-то определённого. Мы можем работать с этими приёмами, и вам следует их применять. Я дам вам примеры из жизни, чтобы показать как это работает. В одной школе работала учительница из Шотландии; она играла со своими учениками в игру с танцами по кругу. В этой игре один человек стоит в центре, а другие танцуют вокруг, пока этот человек не поцелует одного из них. Затем тот, кого поцеловали занимает место в центре. Один ребёнок поцеловал учительницу, и она заняла место внутри круга; подошла её очередь поцеловать кого-то из детей. Она знала, что, какого ребёнка она бы ни поцеловала, остальных это расстроит. Играть с механизмами расстройства у детей может оказаться опасным, потому что ребёнок может впоследствии стать невротиком, поэтому учительница стояла смирно и автоматически поцеловала ребёнка перед собой. Трое или четверо начали плакать, потому что подумали, что учительница их не «любила». Здесь мы имеем дело с механизмом расстройства у ребёнка, поэтому рискуем создать серьёзные проблемы. Учительница рассказала об этом мне. Она проиндексировала поцелуй$_1$, поцелуй$_2$, поцелуй$_3$ и т. д., и привела детям объяснения с точки зрения отличий. Она не указывала детям на индексы, а сказала, что существуют разные типы поцелуев, и что всех их она целовала с любовью, но в игре она целовала автоматически того, кто перед ней останавливался. И все расстройство исчезло. Как учительница сообщила, индексирование помогло.

Я приведу пример применения даты. Когда у вас случается какая-нибудь незначительная неприятность, датируйте её, потому что, если вы продолжите удерживать своё недовольство, вы со временем станете несчастливым человеком. Если вы заметите кого-то злым, продатируйте его и идите спокойно дальше, потому что завтра он уже перестанет злиться. После одного семинара, я пригласил одну пару к себе домой. Когда мы пришли к моему дому, автоматические лифты не работали, и нам пришлось подниматься шесть пролётов. К моей двери вели как лестница, так и лифты. Когда мои гости собрались уходить в два часа утра, они хотели пойти по лестнице, но я учёл дату; лифт в двенадцать часов не был лифтом в два часа. Я попробовал вызвать лифты, и оказалось, что они заработали. Они поехали на лифте, вместо того чтобы спускаться пешком. Оцените простоту и важность.

Сегодня в мире наблюдается засилье проблем родителей-детей. Представьте, что тот товарищ приходится мне «отцом», и я его ненавижу, потому что он причинил мне боль. Я говорю о трагичных механизмах, из-за которых рушатся жизни. Посмотрите, что происходит. Тот товарищ, мой «отец», причинил мне боль как

индивидуум; но я ненавижу (ориентируясь экстенсионально) Смита$_1$. Я не испытываю ненависти ко всем «отцам», и не страдаю психозом или неврозом. Я не стану ненавидеть «всех отцов». Я хочу чтобы вы уловили этот важный момент. Скажем, человек испытал болезненный опыт в связи мячом для гольфа. Впоследствии, когда бы он ни видел мяч для гольфа, или слышал о нём, он расстраивался и не мог нормально функционировать в течение месяца. Он выработал дезадаптацию к мячам для гольфа. Его жизнь из-за этого разрушилась, и он почти дошёл до суицида. Я говорю о действительном случае. Когда бы он ни видел мяч для гольфа, он приходил в полный 'моральный' упадок, который долго длился. Ему удалось вылечиться с помощью экстенсионализации. Он выработал осознанность, что мяч$_1$ не есть мяч$_2$, который не есть мяч$_3$ и т. д. Чтобы ему помочь, пришлось систематически работать три или четыре месяца, и экстенсионализация принесла результаты. Ему не следует испытывать дурные ощущения в отношении каждого мяча для гольфа, если его болезненный опыт произошёл из-за определённого мяча$_1$. Он вылечился, потому что экстенсионализовался; причиной его болезни служил интенсиональный мяч. Он отвечал на все мячи реакцией на тот один мяч. Экстенсионализация его вылечила. Этот механизм работает, когда мы пользуемся индексами, датами и т. д. Вы разберётесь в этом лучше далее.

Вы понимаете применение экстенсионального соглашения? У нас осталось несколько минут, поэтому я покажу вам дефисы. Их следует применять постоянно, чтобы обеспечить новое ориентирование. Я начну с выдумки, и мы постараемся подойти как можно ближе к 'реальности'; делайте это в своей жизни. Скажем, для начала я обособлю кавычками слово «промышленность». Мы имеем дело с выдумкой. Как нам подойти к 'реальности'? Во-первых, применить индекс: промышленность$_1$; затем дату: промышленность$_1^{1937}$. С применением каждого приёма мы приближаемся к 'реальности'. Затем мы применяем дефис: «промышленность$_1^{1937}$-в-действии». Мы уже работаем с чем-то менее выдуманным. Мы можем добавить спрос на товары: « промышленность$_1^{1937}$-в-действии-спрос на товары». Мы можем дополнять термин до бесконечности, но если мы поставим точку, то останемся с выдумкой. Нам следует ставить 'и т. д.' в конце этой цепи факторов. По мере выработки навыков применения приёмов, мы смотрим шире, глубже и т. д. Благодаря этому вы собираете больше важных факторов, потому что вас не сдерживают малозначащие факторы — ещё одна проблема оценки.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

Как обычно, сегодня я начну с резюме того, что мы уже охватили. С этого момента делать пометки обо всём, что я скажу в этом резюме, не понадобится. Я хочу, чтобы вы оценили важность прогнозируемости. Когда мы идём по мосту, разве мы не ощущаем внутри надёжность, прогнозируемость того, что мост не обрушится? Разве вы не чувствуете себя в безопасности в этом здании, прогнозируя, что на вас не упадёт крыша? Разве прогнозируемость не даёт вам ощущение надёжности и безопасности?

Существует область математики под названием теория инвариантов; под инвариантностью подразумевается что-то, что не меняется. Нечто подобное имеет место в человеческих делах и даже в математике. Здесь фигурируют неизменные значения {показатели, величины}, которые дают ощущение надёжности. Так уж мы сложились; мы хотим надёжности. Обратите внимание на связь между математической теорией инвариантов, отсутствием изменчивости и вашей надёжности; всё это зависит от прогнозируемости. Факторы прогнозируемости в общем не признают, но они могут играть важную роль в наших личных, народных и международных жизнях. В прогнозируемости заключается цель науки и математики. Поэтому, если мы можем отыскать факторы прогнозируемости, мы приближаемся к самым основам факторов жизни и решения наших личных проблем.

Мы пока не охватили все эти факторы в наших примерах карт на предыдущих лекциях, но разбираем их потихоньку и подбираемся ближе к здравомыслию и лучшей европейской цивилизации. Я говорю о европейской цивилизации, потому что я не знаю, повлияет ОС на другие расы или нет. Увидим. Нам следует исследовать факты. Это не представляется простой задачей.

Я говорил вам о своём оптимистичном пессимизме? Вы знаете привычные значения слов «оптимизм» и «пессимизм». Назовёте вы меня пессимистичным или оптимистичным, не имеет значения, потому что, сказав как одно, так и другое, вы выскажетесь бессмысленно. Меня нередко называют безнадёжным оптимистом. Я хочу прояснить слова «оптимизм» и «пессимизм», и мои прояснения относятся ко многим словам такого рода. Если бы у меня болела печень, и я бы ходил по миру, говоря: «Это плохо. Это плохо, и то плохо», то меня бы относили к пессимистам. Я ничем таким не занимался, потому что печень у меня не болела. Я оглянулся, со своей здоровой печенью, и пришёл к заключению, что дела в мире не обстоят ‘плохо’, а лишь безнадёжно. Если мы знаем, что перед нами стоят проблемы, то всегда можем их решить. Когда мы верим в безнадёжность ситуации, по-старому мы бы сочли это ‘плохим’, но по-новому мы всегда можем решить безнадёжное. Посмотрев на ситуацию без предвзятости, мы приходим к решениям. Так происходило на протяжении всей истории цивилизации. Я приведу математический пример.

Дикари и дети могут решать уравнения первого порядка. Если из трёх имеющихся у вас яблок кто-то забирает одно, вы остаётесь с двумя. Новые, необходимые нам ориентирования отличаются такой же ясностью. Большинство наших затруднений происходят от человеческой глупости. С уравнениями первого порядка справляются даже дети. Чтобы решить уравнение второго порядка, требуется хотя бы школьное образование; с ними сравнительно сложнее иметь дело. Уравнения третьей и четвёртой степени мы тоже учимся решать, хотя это оказывается ещё сложнее. На этом основании, математики сделали грубое обобщение, что все уравнения удастся решить с помощью алгебры. Это сочли важным, потому что хотели решать эти уравнения, чтобы эффективнее вести дела. Затем пришёл молодой, творческий, гениальный товарищ по имени {Эварист} Галуа и стал задаваться об этом вопросами. Его убили на дуэли из-за любовных интриг, но днём ранее он написал то, что мы могли бы назвать ‘математическим завещанием’, в котором доказал, что уравнения выше четвёртой степени не получится решить алгебраически. В общем предположении допускали решение уравнений без ограничений. Не все. Этот

товарищ доказал, что уравнения выше четвёртого порядка никак не получится решить. И что же случилось? Из-за того, что пришлось столкнуться с этой ситуацией, он сразу же изобрёл теорию групп, с помощью которой удаётся решать любые уравнения.

Я хочу, чтобы вы уяснили, что, когда мы формулируем ситуацию и смотрим на неё, «не отводя глаз», мы всегда знаем, как её решить. Однако, прежде чем мы можем выработать решение, нам следует так же, «не отводя глаз», посмотреть на неразрешимость старого. Между этим и здоровьем существует связь. Я хочу, чтобы вы это уяснили, я привожу лишь технический пример из истории науки.

Я не болею, и поэтому посмотрел на мир и пришёл к убеждению, что старое решить не представляется возможным. Между этим и математической теорией групп пролегает культурная связь. Вопрос: «Оптимист я или пессимист?» не несёт смысла. Я начинаю со дна пессимизма, когда говорю, что проблема не поддаётся решению, и именно благодаря этому удаётся достичь решения. Решение, в свою очередь, становится оптимистическим. Этим мы лишь занимаемся «мастурбацией слюнных желёз». Нам следует чётко говорить о фактах, а не «издавать звуки».

Сегодня мы наблюдаем много звуков в ‘философиях’, основанных на множестве вопросов и ‘звуков’, которые ничего не значат и знать о них ничего не получится. ‘Философам’ я могу лишь с оксфордским акцентом ответить: «Уважаемые товарищи, вы издаёте звуки». Если вы приведёте в чёткий порядок своё ориентирование и начнёте отличать ‘звуки’ от слов, вы вместе с этим избавитесь от множества трудностей. Многие студенты допускают ошибку, пытаясь переводить новые термины в старые; они не осознают, что обязательно требуется известный элемент в структуре, и что новыми терминами мы задействуем новые структурные предположения, которые отсутствуют в старом. Я скажу в связи с гравитацией и Эйнштейном, что структура обязательно основывается на состоящих в отношениях группах структурных формулировок. Под этим мы имеем в виду согласованность структур и математическое отношение. В этом заключается связь между математикой, математическими методами и языком. Мы прячемся в языке; мы ищем метод. Под методом мы имеем в виду то, как мозги европейского человека отвечают на стимулы мира. Ответ на это состоит в проблеме метода; в том, как человеческий мозг отвечает на стимулы.

Всей цивилизации грозит катастрофа. Почему? Потому что мы живём в действительном мире, созданном экстенсиональным научным методом, тогда как наши языковые ориентирования остаются интенсиональными. Вы знаете, как автомобиль, радио и самолёт привели к революции в наших жизнях. Возможно, вы не знаете, что вы не можете сконструировать автомобиль, радио или самолёт по Эвклиду или Ньютону. Когда мы учитываем электричество, они не работают. Иными словами, действительные условия, в которых мы живём, уже подвергаются воздействию не-ньютоновых и не-эвклидовых дисциплин. Нравится вам это или нет, не имеет значения. По Эвклиду и Ньютону вы можете построить дом, но не собрать рабочий автомобиль. Можете ли вы жить здраво по Аристотелю в не-ньютоновых и не-эвклидовых условиях? Именно поэтому нам требуется пересмотр старого ориентирования, чтобы адаптироваться к новым условиям жизни, построенным не-эвклидово и не-ньютоново. Этот пересмотр мы осуществляем с помощью ОС. Мы применяем новые методы, но основываем их на не новых фактах. Эти методы мы никогда раньше не применяли. Я дам больше объяснений в следующей лекции.

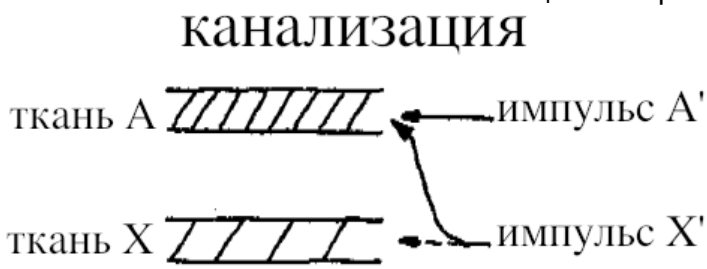
Я хочу перейти к поверхностному анализу работы нервной системы. Мне бы не удалось сделать это раньше, потому что без экстенсиональных приёмов говорить осмысленно о нервной системе не представляется возможным. Я не ‘лялякаю’ о ней, а стараюсь говорить осмысленно. Я очень серьёзно советую прочесть и даже купить книгу Алексиса Карреля Man the Unknown {Человек Непознанный}. Я настоятельно рекомендую всему классу прочесть её и, если можете, купить. Каррель прославился своей врачебной деятельностью на весь мир; получил нобелевскую премию и т. д.; я считаю его одним из величайших людей среди нас, а его книгу эпохальной. Люди могли бы сказать, что я порочу имя медицины, ведь я не заработал авторитет, чтобы говорить, что говорю. Каррель, однако,

авторитет имеет, и даёт им урок. Он называет то, с чем я обращаюсь как с фактами, обоснованным. Он, конечно, пренебрегает языковыми проблемами — пребывает в неведении относительно семантических сред. То, что он называет ‘схемами’, мы называем словесными выдумками, но возражаем мы с ним против одних и тех же вещей.

Постарайтесь взглянуть на действительные факты. Простуды, которыми вы болеете, не происходят как одна вещь; каждый из вас не имеет какую-то одну вещь. Они происходят индивидуально, применимо к целому. Они не есть одинаковы. Когда вы говорите интенсионально в рамках определений о какой-то болячке, скажем, о простуде, вы говорите о выдумке. Примитивный человек простужается, его кладут в европейскую больницу, и он умирает. Убила его не простуда, а, скорее, страх неизвестных условий. Семантическая среда дикаря в европейской больнице убила его. Вы уже частично осознаёте важность семантической среды и оценки. Вам следует осознать, что бо́льшая часть проблем сексуального характера не имеет ничего общего с её анатомическими аспектами. Проблема происходит «в голове». Каррель пренебрегает семантической и языковой средами, но призывает к ‘человеческой науке’, которую не удастся построить, продолжая ими пренебрегать.

Не принимая во внимание семантическую и языковую среду, мы не можем построить человеческую науку. Помните, что мы здесь занимаемся дезинфекцией мозга, чтобы осознать естественные возможности в себе. Мы можем лишь избавиться от зловредных выдумок. Позднее вы поймёте, как это сделать. Для этого вам придётся побороться с основательными трудностями.

Этим вечером я поговорю с вами о нервной системе. Интересующую нас трудность мы называем неврологическим термином канализация. Её называют по-разному, например, «Bahnung» (прокладка путей, {нем. ассоциативное проторение}) и «закон облегчения». Об этом общем неврологическом аспекте мы можем говорить применимо как к себе, так и к животным. Рассмотрим ткани в нашей нервной системе; скажем, мы имеем ткань А и импульс А’, проходящий через эту ткань А; затем подходит ещё один импульс Х’, которому следует проходить через ткань Х. Он, однако, через неё не проходит. Проходит он через более проторённую ткань А. Это мы называем ‘канализацией’, или ‘облегчением’ {прохода}, или ‘Bahnung’. Это лежит в основе работы нашей нервной системы. Наша способность вырабатывать привычки, обучаться и т. д. зависит от того, что мы можем обучать некоторые ткани принимать импульсы в предпочтение другим тканям. Если бы некоторые обученные ткани не предпочитали проходящие импульсы, это бы препятствовало образованию. Иными словами, эта характеристика канализации служит неврологическим фундаментом образованию и выработке привычек.



Из-за этого мы испытываем трудности в выработке экстенсиональных ориентирований и привычек — потому что мы канализовались по-старому. Корни растут из нервной системы. Мы обучались интенсионализму с детства, и эту невро-семантическую проблему вам всем придётся преодолеть — преодолеть старую канализацию. Мне лично пришлось пройти три ре-канализации. Меня учили старым добрым аристотелевым, эвклидовым и ньютоновым основам. Потом я начал обращать внимание на не-эвклидовы и не-ньютоновы системы (Эйнштейн и т. д.), и, наконец, сформулировал не-аристотелеву систему.

Если вы возьмётесь прочесть учебник по эвклидовой геометрии, — которую вы все хорошо знаете — то как в начале, так и в конце вам всё покажется привычным. Однако, если вы возьмёте учебник по не-эвклидовой геометрии, то начало покажется вполне безобидным, но привычное не продлится долго. Мне стоит объяснить вам, что следует знать о не-эвклидовых принципах.

Во всех метрических геометриях нам обязательно требуются линии, которые никогда не пресекаются. Мы их сделали, потому что в них нуждаемся; без них мы лишимся геометрии. Мы называем их «параллельными». Интересным представляется то, что Эвклид, формулируя свою геометрию, определил ‘параллельные прямые’ не только как не пересекающиеся линии, но добавил ещё одно условие – что {все их точки} находятся на равном удалении друг от друга. Даже во времена Эвклида этот момент с равным удалением подвергали сомнениям. Людям эти параллельные прямые казались непривычными. Математики даже того периода знали о существовании никогда не пересекающихся линий, не находившихся, однако, на равном удалении друг от друга. Но Эвклид утвердил равное удаление. Математиков это беспокоило 2000 лет до тех пор, пока трое человек – все в один период – не бросили этому принципу вызов. Они руководствовались ориентиром: «Давайте прекратим спорить и сделаем геометрию с линиями, которые никогда не пресекаются, но при этом не находятся на равном удалении друг от друга». Их называли глупцами. Их работы опубликовали как не-эвклидовы геометрии, где параллельные линии никогда не пересекаются, но их не утверждают как равно удалённые друг от друга. Вы, возможно, обратили внимание на множество вещей вокруг нас, состоящих из кривых линий. Вы, наверняка, видели старые многоквартирные дома, которые строили по принципу эвклидовых параллельных прямых; они выглядят не очень красиво.

Сегодня в результате этого не-эвклидова принципа, мы считаем, что прямых линий в мире вовсе не встречается. В прежние времена наши окружности или кривые представляли собой предельный случай коротких отрезков ‘прямых’ линий. Собрав очень много коротких линий, мы получали кривую. Сегодня мы предполагаем по-другому. Если задать окружности очень короткий радиус она получается сильно закруглённой. Если взять радиус подлиннее, кривая становится прямее. Наконец, если взять предельный случай окружности бесконечного радиуса, то получится то, что мы называем прямой линией. В прошлом мы строили кривые из кусочков прямых; сегодня прямые представляют собой ничто иное как предельный случай кривой с бесконечным радиусом. Произошло простое обращение, но появились значительные отличия в ориентировании.

Я хочу, чтобы вы поняли полный пересмотр ориентирования, которое мы поддерживаем – в математике и в жизни; и чтобы вы поняли великую разницу между тем, как мы строили кривую из кусочков прямых и тем, как мы создаём прямые сегодня как предельные случаи кривой бесконечного радиуса кривизны. Это имеет значение для всех вас. Этим осуществляется полное обращение. Наблюдения поведения и действительных фактов показывают, что мы не нуждаемся в равной удалённости, и отбросив это простое положение, мы построили действующую самосогласованную геометрию. Сегодня вы также обнаружите, что ничто электрическое не согласуется с Эвклидом или Ньютоном. И не забывайте, что мы собой не представляем ничего, кроме электрических структур. Если вы возьмётесь за учебник по не-эвклидовой геометрии, первые две страницы покажутся знакомыми, но, уверяю вас, на третьей и четвёртой странице вас ожидает всё совершенно новое. Вы потеряетесь в силу своей старой канализации.

Оказывается, Эвклид не согласуется по структуре с миром, потому что сегодня в мире мы не встречаем прямых или равноудалённых друг от друга линий. Сегодня мы имеем дело только с кривыми. Структуры по Эвклиду, с его несуществующими прямыми линиями, не согласуются с миром, каким мы его знаем. Все не-эвклидовы геометрии в сегодняшней науке основываются на кривых и их предельных величинах, которые мы можем по собственному желанию называть прямыми. Заметьте, «по собственному желанию». Все ‘факты’ носят характер «как пожелаете». ‘Факты’ остаются, но интерпретировать мы их можем по-разному. Мы можем сказать, что основали новую геометрию на кривых, а не на прямых линиях. Мы не говорим о прямых линиях. Мы говорим о кратчайшей линии (геодезия), которую затем можем предположить как ‘прямую’, но не говорим о них как о прямых линиях.

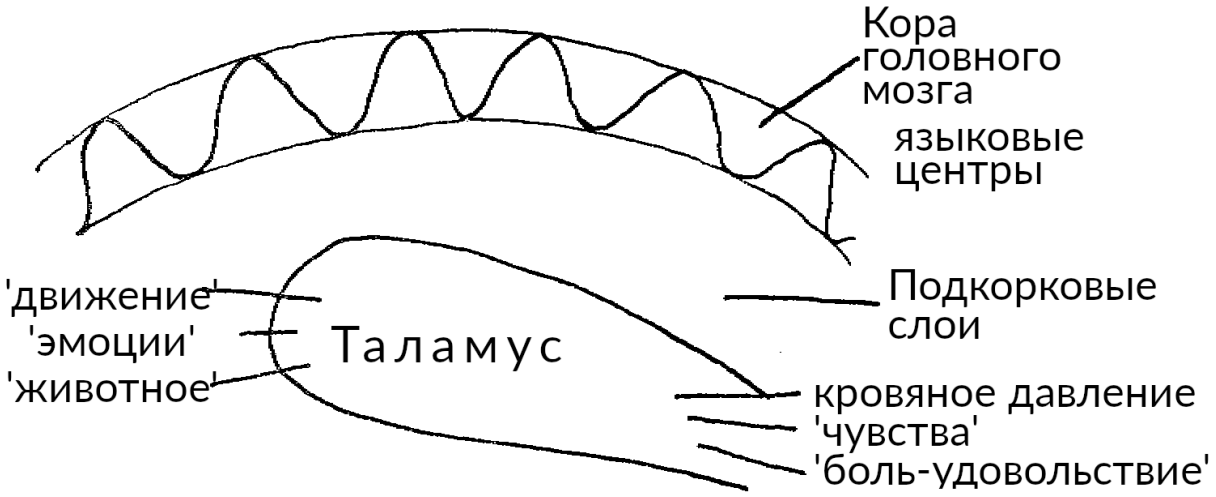
Формулировки Эвклида оказались не схожими по структуре с фактами, какими мы их знаем. Эмпирически, Эвклидова геометрия не сходится по структуре с фактами

мира. Принципиально, она не сходится, и нам стоит её принципиально отложить. Позднее я вам покажу, что Ньютонова механика тоже не сходится по структуре с миром. Этим семинаром мы хотим закрепить, что старые интенсиональные убеждения не сходятся по структуре с фактами. Ньютона этим вечером я не коснусь; мы поговорим о нём потом. Сегодня я хочу охватить только нервную систему.

Каррель критикует врачевателей (я не стану называть их врачами, потому что они пытаются обращаться со словесными структурами как с действительностями). Они имеют дело с ‘органами’, тогда как живое существо обладает только функциональными единицами, которые мы не можем отделить. Если я разделяю нервную систему, то анатомически я не говорю осмысленно, а просто издаю звуки. Я издаю звуки, потому что на деле их не получится разделить; все они состоят в функциональной связи. Такой вещи как ‘кора’, отделённой от функции, даже в какой-то отдельно взятый момент у Смита$_1$, не существует. В отдельно взятый момент у данного человека мы можем функцию локализовать, но как мы можем говорить при таких условиях без экстенсиональных приёмов? Все части нервной системы состоят в функциональной взаимосвязи. Мы не можем говорить о таком без индексов и дат. О данном индивидууме в отдельно взятый момент вы можете сказать что-то обоснованное, но мы не можем говорить об этом интенсионально. То, что я сейчас скажу о нервной системе, представляет собой элементарные знания, но я выражусь в основе неверно, потому что вынужденно воспользуюсь элементалистическими терминами, в чём мне придётся пренебречь функцией и одномоментной выборкой по данному индивидууму. Я скажу что-то фундаментально неправильное, но правильное частично. Если мы продолжим придерживаться экстенсионального соглашения, мы сможем поговорить осмысленно и мельком взглянуть на очень сложные ситуации. Нам следует придерживаться нашего экстенсионального соглашения, чтобы не уйти слишком далеко в ложном направлении. Помните, что я говорю приблизительно, в зависимости от момента моего разговора о данном индивидууме.

Одна часть нервной системы может выполнять работу другой. Мы можем говорить на эти темы, исключительно пользуясь индексами и датами. Хирург может сказать, что ему удастся сделать что-то, чтобы ваш мизинец перестал работать. Сегодня он может это сделать, а завтра может и не сделать, и он высказывается некорректно в принципе. Функция нервной системы характеризуется значительной взаимозаменяемостью. Какой-то другой нерв может оживить ваш мизинец завтра. Сегодня мы имплантируем провода в мозг, чтобы изучать его электромагнитное излучение. Они отличаются в зависимости от времени, пола человека и в целом от индивидуума. Старое мы основывали на обобщениях, словесных структурах и т. д., а в новом мы принимаем в расчёт четырёх-мерную индивидуальность. В четырёх измерениях мы имеем дело только с индивидуумами и со всем от всего отличающимся. В прошлом мы не обращали на это внимания, но факты остаются.

Мы обладаем тем, что называем «корой», верхним слоем мозга; человек обладает бóльшим количеством коры, чем какое-либо другое существо. Приблизительно центральную часть мозга мы называем «таламусом»; она состоит в прямой связи со внешним миром посредством ‘чувств’, а также в значительной мере связывается с ‘эмоциями’, ‘боль-удовольствием’ и т. д. Всё это я употребляю в кавычках. Помните, что я говорю ложно, потому что говорю в рамках частей, тогда как целое работает как целое. Нам следует придерживаться экстенсионального соглашения, чтобы я вас не отправил по ложным путям. Части взаимодействуют функционально перманентно, но мне приходится говорить так, будто они этого не делают.



Каждая часть нервной системы состоит в перманентной функциональной связи, например, с другой частью. Языковые центры находятся в ‘коре’. Между функционированием ‘коры’ и функционированием других частей мозга, в частности ‘таламуса’ происходит перманентное взаимодействие. Что мы считаем относительно важным во взаимодействии между ‘корой’ и ‘таламусом’? Прежде всего, мы знаем, что называем глаз органом ‘чувств’ ложно. Исследования в области эмбриологии показывают, что мозг, развиваясь, выталкивает из себя глаз наружу. Иными словами, глаз становится наружной частью мозга. Именно поэтому мы придаём высочайшую важность зрительным знаниям и ориентированиям. Поэтому же, работая ‘всеми’ научными инструментами, мы полагаемся на глаз. Ничему, кроме глаз, доверять не следует. Учитывая глаз как часть мозга, в ОС мы формулируем всё выгодно для глаза. Я начал с карт, чтобы таким примером мы имели дело напрямую с мозгом через глаз.

Далее вы увидите, что животные ориентируются больше ушами, нежели глазами; вы также увидите, что интенсиональное ориентирование по ушам представляет собой человеческий интеллект или ориентирование не самого высокого сорта. Интенсионально-ориентированный товарищ очевидно полагается на уши; экстенсионально-ориентированный, наоборот, на глаза. Это составляет переход от старой интенсиональной, ориентированной на уши цивилизации к новой, ориентированной на глаза и, следовательно, экстенсиональной. Главная задача состоит в том, чтобы создать средства и методы для такой визуализации, что пытаемся делать в ОС.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

Прежде всего, я хочу попросить вас всех отнестись к этому материалу немного серьёзнее. Эти вещи представляют ценность для вас; ваши жизни жить вам; я за вас это не сделаю, поэтому этот материал вам стоит усвоить самостоятельно для себя. Я не стану ругать вас за то, что вы не обращаетесь лучше со своей жизнью и со своими мозгами. Если вы ходите к стоматологу, чтобы он позаботился о ваших зубах, почему вы не заботитесь о своих мозгах и своей жизни? Вам придётся заняться своими мозгами; сами они не заработают. Не полагайтесь на то, что настоящую систему образования называют приемлемой. Я называю её криминальной. Ваши преподаватели здесь, в Оливет, стараются как могут в условиях ‘старой’ системы. При настоящей системе подачи, образование ведёт к увеличению количества случаев шизофрении в Америке. Без необходимых основ, которые я вам даю – математики и физики – добиться здравомыслия не получится. Поэтому я придаю такое значение ОС. В рамках сегодняшнего образования мы смотрим на математику и физику, и в сущности называем их приемлемыми, но не особо интересными. Если вы продолжите жить по старинке, можете считать, что готовите себя к больнице. Когда у вас болят почки, вы обращаетесь к специалисту и лечите их. Вашему мозгу стоит уделять не меньше внимания. Почему же вы этого не делаете? Я считаю математику и физику фундаментами для самообучения. Вам стоит уделять больше внимания физико-математическим методам. Именно в этом я вижу криминальный аспект современного образования. Математикой и физикой пренебрегают и отодвигают их всё дальше от глаз. В отсутствии лучших фундаментов математики и физики, у нас не получится решить проблемы неврологической детериорации {качественного ухудшения, упадка, и т. д.} жителей Соединённых Штатов Америки.

Собственно, сегодня вечером я поговорю о том, что близко относится к этой ситуации. Исследуйте, проверяйте факты, не загораживайте себе обзор выдумками.

По мере экстенсионализации, вы начнёте жить в другом мире – отличном от того, в котором живут остальные. Я не исключаю также то, что вы почувствуете отчуждение от остальных. Однако вы компенсируете это негативное чувство тем, что сможете понять другого человека, в то время как он вас понять не сможет.

Вспомните о нашем экстенсиональном соглашении: когда я что-то говорю, вам стоит это индексировать, чтобы обособить это контекстом, в котором я это говорю. Мои и любые другие высказывания вы можете считать бесполезным пустословием, если рассматривать их вне их контекста, вне ‘среды’, в которой ими работали. Вы готовите себя к этому, индексируя не только слова, но и высказывания. В качестве примера, я расскажу вам об экстенсиональной теории счастья. Я считаю эту теорию в некотором смысле законченной, потому что основал её только на экстенсиональных данных. Добавлю, что при помощи диаграммы счастья, которую я вам покажу, получится добиваться психотерапевтических эффектов, и ей сегодня в работе с пациентами пользуются некоторые психиатры. Вспомним, что мы пользуемся кавычками, чтобы также обособлять ‘факты’ в их контекстах. ‘Факты’ сами по себе не имеют для нас никакого значения, кроме как в каком-либо контексте. ‘Факты’ в контексте, что мы называем ситуацией, и т. д., имеют значение.

Сочетание отношений, которые мы применяем к тому, что говорим, составляет контекст ‘факта’, и позволяет нам придать ему значение или величины. Мы присваиваем ‘факту’ его значение, основываясь на взаимосвязях отношений в контексте. Если мы не учитываем эти отношения контекста, ‘факты’ ничего не значат (мы не присваиваем значений).

У нас имеется ряд фактов в кавычках, и с ними у нас возникает проблема оценки, в которой, как мы выясняем, фигурирует ожидание, основанное на некоторых стандартах ценностей. Опять же, мы говорим о формуле счастья.

Помните, что такой анализ получится провести только экстенсионально. Интенсионально вы бы не смогли это сделать.

Здесь мы уже применяем экстенсиональный метод. Итак, мы строим ожидания, и располагаем некоторыми ‘фактами’, любыми ‘фактами’ (‘F’ {англ. facts}). Я называю новые ожидания ожиданиями$_2$ (E_2 {англ. expectations}). Ещё раз, помните, что этот анализ получится провести только экстенсионально, не интенсионально. Теперь предположим, что вы ожидаете чего-то в отношении фактов жизни, скажем ‘ничего’ (минимум). Возможно, вас научили ожидать минимум. Что же вы обнаружите на деле в жизни? Вы обнаружите факты, которые сочтёте более предпочтительными, чем вы ожидали. Ещё раз, вас научили ожидать минимум. Вы обнаружите, что факты в жизни оказались для вас предпочтительнее, потому что вы ничего не ожидали. В этом случае ваши реакции или оценки получится выразить высказыванием: «факты сложились лучше, чем я ожидал», и они скажутся на вас, располагая вас к более счастливому поведению в жизни и т. д. Предположим, я ожидаю, что сюда придёт пять студентов, а приходит семьдесят пять. Я получаю больше, чем ожидал. Процентная ставка, так сказать, получается выше. Факты оказались лучше, чем я ожидал, вот и реагирую счастьем. Я с радостью потрачу силы на работу в мире, где ожидаю пять, а получаю семьдесят пять. Это относится к каждому из вас на каждом этапе жизни. Если вы ожидаете ‘ничего’, в жизни на деле, сталкиваясь с фактами, с воздействиями среды, вы оцените факты как более предпочтительные, чем вы ожидали. Этим способом вы себя мотивируете. Вы не погрязните в цинизме или обиде и т. д. Вы испытаете жизнь счастливее, подобно тому как живая протоплазма реагирует на воздействия среды. Ожидайте минимум. Это я обозначаю как ожидание$_2$ (E_2), и подразумеваю под ним новое экстенсиональное бесконечно-значное ожидание, основанное на максимальной вероятности.

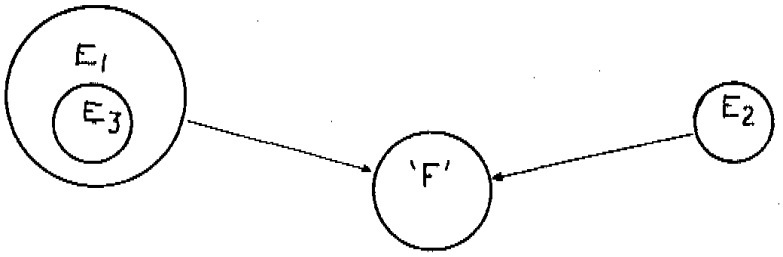
Находя факты более предпочтительными, чем вы ожидали, вы сможете поддерживать хорошее настроение, испытывать надежды и стремиться к лучшим целям в жизни, потому что ожидали минимум, и сможете убедить себя, что вас хватит на то чтобы добиться максимума, что с большей вероятностью позволит вам добиться успеха.

Жизнь по-старому часто ведёт к неудовлетворённостям, неврозам и даже психозам. Под ожиданием$_1$ мы имеем в виду ожидание слишком многого. Если вы ожидаете слишком много или максимум, ‘факты’ покажутся вам хуже. По-старому нас учат ожидать слишком многого. Наши родители, преподаватели и т. д. сами ждут слишком многого. Они донимают нас придирками, чем в конечном счёте делают из нас психотиков и невротиков. И вот мы сталкиваемся с воздействиями среды. Как видите, я никак не изменяю ‘факты’ на диаграмме. Скажем, я бы ожидал пятьсот студентов, а пришло бы семьдесят пять. Я бы не получил того, что ожидал, и расстроился бы из-за этого. Когда мы ожидаем слишком много, мы реагируем болезненно, и со временем преисполняемся цинизмом, фрустрациями, обидами и тому подобным. Теперь мы видим, как ожидания малого или многого сказываются на живом существе. Когда вы можете оценить жизнь, зная, что никто не обладает правом ожидать слишком многого, вы можете жить свои жизни счастливее.

ЭКСТЕНСИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ СЧАСТЬЯ

как часть невро-семантических и невро-языковых сред

Старые интенсиональные ожидания (E_1), основанные на двузначной аристотелевой ‘достоверности’, двузначных ориентированиях:	Новые экстенсиональные ожидания (E_2), основанные на максимальной вероятности, бесконечно-значном ориентировании, и т. д.:



«Максимальное ожидание» (E_1). Жизнь на деле и воздействие ‘фактов’ приведёт к более отрицательной оценке ‘фактов’ в сравнении с ожидаемыми результатами. Разочарование в жизни, циничность, обида, фрустрация, и т. д., недостаток интереса к жизни, асоциальные отношения, часто враждебность, недостаток надежды, обидчивость, и т. д., основанные на недопониманиях, ошибочных знаниях, и т. д., придирчивые, часто озлобленные члены семьи, и подобные отношения. Ориентирование в жизни на безнадёжность, фрустрацию, и т. д.;

И Т. Д.

«Минимальное ожидание» (E_2). Без страданий и наказаний, жизнь на деле и воздействия ‘фактов’ приведёт к более положительной оценке в сравнении с ожидаемыми результатами. Интерес к жизни, конструктивное любопытство, надежды, положительное настроение, основанные на понимании, и т. д.;

И Т. Д.

общее стабильное, цивилизованное счастье, и от него — адаптация и здравомыслие;

И Т. Д.

‘Минимальные ожидания’ (E_3). После значительных страданий, наказаний и словесности схожей с (E_2), но живое существо $Смит_1$ проявляет обидчивость, циничность, враждебность, анти-социальность, мстительность, фрустрации, не-конструктивность, и т. д., часто невротические и психотические тенденции, неудовлетворённость, возможности к адаптации и здравомыслия отсутствуют;

И Т. Д.

Если бы я ожидал слишком много, разочаровался бы я? Но, если я знаю о трудностях, я не разочаровываюсь. Я не шучу здесь шутки. Не ждите слишком многого от жизни. Если вы примите то, что я говорю, значит мне удалось добиться многого, но если вы станете ожидать слишком много, я отвечу вторым положением — не всё. Теперь обозначим ключевой момент жизни — экстенсиональной жизни: новое ожидание формируется экстенсионально без болезненной возни. Этим методом вы учитесь достигать счастья без болезненной возни. В этом заключается ценность метода. Выгода за счёт общей теории оценки представляет собой ‘умственное’ здоровье без болезненной возни. Подготовившись к трудностям жизни, вы можете достичь счастья с помощью методов оценки без болезненной возни.

Когда вы ожидаете слишком много, как нас учат, вы испытаете факты более негативными реакциями. Вы разовьёте циничность. В этом заключается разница. Когда вы, ожидая слишком много, испытываете болезненный опыт, возникает то, что я называю $ожидание_3$ — ожидание ничего после болезненно опыта. Когда жизнь по вам прошлась, и вы испытали это болезненно, вы придёте к тому, что перестанете что-либо ожидать. Но, я подчеркну, это произойдёт после болезненного опыта. Я указываю на разницу в этом условии. Мы рассматриваем два случая; в первом мы ожидаем ничего без болезненной возни, готовимся к воздействию среды и этим избегаем шоков; во втором мы приходим к выводу ожидать ничего после болезненной возни. Проведём анализ важной ситуации. Это способствует дезадаптациям; это создаёт здравомыслие.

Я хочу обратить ваше внимание, что пользуюсь теми же словами, но придаю им разные значения в разных контекстах — ‘до и после болезненного опыта’. Я возвращаюсь к другой мысли в том же примере. Ожидание ничего в $ожидании_2$ и

ожидании$_3$. В этих словах мы видим схожести, но обозначаем ими не одно и то же. Вы существенно меняете взгляд, пользуясь похожими словами. Я привожу это в пример того, как мы присваиваем интенсиональным словам совершенно разные значения, когда пользуемся ими экстенсионально. Игнорируйте факты, живите по интенсии и вы пребудете в несчастье, а другой товарищ добьётся счастья за счёт экстенсиональных ориентирований в своих ожиданиях. Мы бы не смогли говорить экстенсионально о том, о чём говорили интенсионально. Запомните, что старый уклад жизни ведёт к не-счастью. Не поддавайтесь цинизму как это делает американская молодёжь. Их испортили родители, преподаватели и проповедники, научившие их интенсиональным путям. Сделайте жизнь своих детей счастливее; приготовьте их к трудностям, с которыми они столкнутся в жизни. То же стоит делать в системе образования. В этом заключается главное отличие старого от нового.

В аристотелевой достоверности и надёжности мы полагаемся на интенсиональные завышенные ожидания. В новой не-аристотелевой системе мы опираемся на математику, на максимальную вероятность в прогнозировании. Максимальную вероятность в прогнозировании. Мы практикуем бесконечно-значное ориентирование, нежели двузначную достоверность, и в практике этого ориентирования двузначное ориентирование служит лишь особым случаем; ‘либо-либо’, ‘хорошо-плохо’, ‘да-нет’. Если я вас спрошу: «Вы все хорошие?», или «Вы все плохие?», и вы ответите «хорошие», или «плохие», вы ошибётесь в обоих ответах. В этом и заключается трудность дву-значного ориентирования. Сто лет назад меня бы сожгли на костре за такие слова. Дата практики ориентирования имеет значение.

Вернёмся к нервной системе. В вашей голове находится мозг. Мы и животные можем пользоваться головой не только, нося на ней шапку. Попросите вашего преподавателя биологии рассказать вам больше об амёбах, чем расскажу здесь я. Своим примером я хочу подвести нас лицом к лицу с трудностями прежнего интенсионального языка; трудностями, которые мы можем преодолеть по-новому, но не по-старому. Иными словами, по-старому мы даже не можем достичь разумности.

Когда мимо амёбы проплывает мелкое животное, она раздувается и формирует что-то вроде временного рта, после чего обволакивает животное, переваривает его, а затем открывается и избавляется от остатков. Мы не можем назвать это ‘разумной’ неврологической организацией. Амёба не располагает органами или нервной системой, но ведёт себя ‘разумно’. Её поведение мы можем считать адекватным для амёбы. Вы бы не имели мозгов, если бы в этой протоплазме не содержалось возможностей для нервно-мышечного-разумного поведения. Что происходит потом? Когда добыча движется, амёба смещает свою протоплазму в нечто похожее на временную ногу, следует за добычей и поглощает её. Это мы тоже называем нервно-мышечным-разумным поведением, но, помните, что амёба не обладает нервной системой, мышечной системой или мозгом.

Рассмотрим ещё один пример. Знаете ли вы, как может вести себя корень тыквы? Я приведу факты. Если вы возьмёте саженец тыквы и вырастите его в контейнере, который можете вращать, и затем, если возьмёте корень и повесите его поперёк, он обвиснет через десять минут. Не через девять. Затем вы можете расположить этот корень во всех направлениях на периоды по девять минут, и повторять это двадцать или тридцать минут. Через несколько дней повторения этих девяти-минутных периодов, корень тыквы начнёт колебаться.

Я называю мозг «космической кукурузой», потому что он образовался под воздействием среды. Обратить внимание стоит на нашу нервную систему. Амёба не имеет нервов или мозга, но если у неё возникает необходимость двигаться, она формирует ложноножки. Происходит воздействие среды с какой-то стороны, и с этой стороны она формирует ложноножку. И мы здесь начинаем говорить о том, что профессор {Чарльз} Чайлд называет «динамическими градиентами» степеней способности к реакции. Так формируются ложноножки. Она развивает чувствительность и способность к реакции из-за метаболических и других факторов в эволюции. Это мы можем назвать началом нервной системы.

Вы знаете, как кукурузы на ваших ногах растут под воздействием среды? Нервная система сформировалась, усложняясь от амёбы под воздействием среды, и привела со временем к нам. Воздействие среды изменилось на сегодняшний день, но мы всё ещё подвергаемся новым воздействиям среды. В результате этого Америка идёт к упадку быстрее Европы. Мы не подготовились к этому новому воздействию среды, и оно ведёт к упадкам в нервных системах. Над низшими животными — в частности над морскими животными — проводили эксперименты, в которых у них перекрывали нервную систему. И даже с перекрытой нервной системой, они проявляли те же реакции, что и до перекрытия, но реагировали немного медленнее. Мы видим в этом общее условие. В нервную систему входит элемент времени. По результатам экспериментов заключили, что основная роль нервной системы заключается в ускорении реакций. Вот, что мы подразумеваем, когда говорим о чувствительности нервной системы от низших животных к высшим, и к нам. Поэтому наша европейская цивилизация идёт вперёд так стремительно — потому что наши ‘космические кукурузы’ могут действовать быстрее всех. Поэтому мы прогрессируем. Мы можем достигать одной вершины за другой, но при этом обладаем частью мозга, которой до сих пор не пользуемся. Мы не пользуемся большей частью коры.

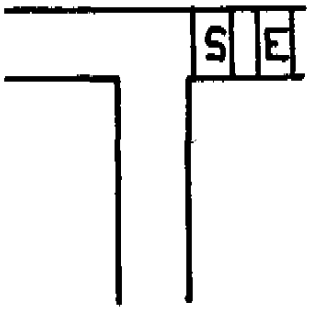
Теперь мы подходим к трагедии всего этого. За счёт воздействия среды изменился характер метаболизма. Изначально это произошло по стечению обстоятельств, но потом это канализовалось и начала появляться конечность. Ускорение реакций и действий структурализовались и канализовались, и появилась конечность, ещё до Оливет и вас со мной. Когда мы говорим, что выросли из обезьян, по фактам мы можем добавить, что не совсем ‘доросли’. Мир состоит из индивидуумов. Говорят, что в семьях может появиться урод, так? Вы, вероятно, знаете о таких уродах. Биологически они появляются в семьях неизбежно. У какой-то обезьяны в семье тоже появился урод. Так появились наши предки. И мы шли от урода к уроду, пока не дошли до Эйнштейна и до вас со мной. Всё это представляет собой индивидуальные характеристики.

Вы помните великую симфонию или концерт, но вы не осознаёте индивидуальности каждого инструмента и каждого музыканта. Это мы можем применить везде, включая жизнь. Вы воспринимаете все характеристики всё время, но иногда они исчезают, потому что условия не подходят для выживания. Когда гусеница ползёт на верхушку дерева и поедает листья, чтобы позднее превратиться в бабочку, по-старому это называют ‘божественной мудростью’.

Новым способом мы эту тенденцию гусеницы называем положительным гелиотропизмом и объясняем её химической реакцией на наличие света. В эксперименте мы расположили растение корнями вверх и листьями вниз, и ‘божественная мудрость’ гусеницы заставила её так же ползти вверх, из-за чего она умерла от голода. Листья лежали прямо перед ней на земле, но она всё равно поползла вверх и умерла. Она могла только среагировать на свет и ползти к нему. Наверняка, некоторые гусеницы рождаются отрицательно гелиотропными и не выживают. Некоторые рождаются ни положительно, ни отрицательно гелиотропными. Вот таким образом происходит воздействие среды. Теперь вы можете понять, почему воздействие среды вызывает исчезновение некоторых характеристик и сохранение других. К некоторым условиям мы можем приспособиться и выжить в них, а к некоторым не можем. Жизнь настолько усложнилась к сегодняшнему дню, что с прежними ориентированиями мы не можем к ней приспособиться. Поэтому мы претерпеваем упадок. Вы видите полную интенсиональную адаптацию, которую вы могли бы реализовать? Интенсионально вы утрачиваете связь с ‘реальностью’. Приближаясь же к ‘реальности’ экстенсионально, вы получаете более высокий шанс выжить. Мы видим много схожестей между нашей адаптацией для выживания и адаптацией гусениц. Так применяется воздействие среды, и нам придётся адаптироваться самостоятельно по экстенсии, а не по интенсиональным ориентированиям.

Мы работаем из культурной необходимости, а не просто временно увлекаемся. Наша адаптация зависит не от личных прихотей, а от действий в связи с культурной необходимостью. Вы можете понять, как воздействие среды формировало нас изменениями в метаболизме, химическими реакциями, факторами ‘времени’ и

чувствительности, и всем, что их связывает. Голова {как конечность} выросла от воздействия среды. Понимаете теперь, почему я говорю о ‘космической кукурузе’? Вспомним о том, что я говорил о перекрытии нервной системы у низших животных — что оно не привело к серьёзным изменениям в их реакциях.



Возьмём червя и поместим его в Т-образный лабиринт, в одном конце которого разместим электрический мост (E {electrical bridge}) и, напротив него, лист наждачной бумаги (S {sandpaper}). Как только мы позволяем червю ползти, он получает заметное предупреждение при контакте к с наждачной бумагой, прежде чем добирается до электрического моста и получает удар током. Стоит ему коснуться моста, он спешно отступает. Если вернуть его в исходную позицию, после нескольких попыток, он поползёт в противоположном направлении, и его не ударит током. За примерно восемьдесят таких уроков, он станет ползать только в одном направлении. Он научится. Затем, если ему отрезать голову, казалось бы, всё, чему он научился, исчезнет. Но, если его снова пустить по лабиринту, он поползёт в ‘правильном’ направлении. У него на это уйдёт чуть больше времени, но он не забудет свой урок.

В остальном, только нервная система и мозг ускоряют ‘интеллект’. Мозг играет роль ускоряющего устройства. Если говорить о нас, с нашими сложными нервными системами, возникают структурные сложности. Вы знаете, что мы обладаем таламусом, который состоит в ‘прямом контакте со средой’ — всё в кавычках, потому это не получится отделить друг от друга. Мы также обладаем корой мозга, которая регулирует таламус; в ней также располагаются языковые центры. Мы знаем о шести документированных случаях, когда дети рождались без коры. Не обладая корой, они не могли приспособиться к жизни, и представляли собой не более, чем живые куски мяса. Когда я писал свою книгу, мы знали только об одном таком случае. После года жизни, ребёнок начал безостановочно плакать, продолжая до момента смерти в возрасте трёх лет. За плачь большей частью отвечает таламус, поэтому по достижению года, таламус начал работать сверх норм, и в отсутствие коры его не получалось контролировать. До этого, таламус не нуждался в этих конкретных регулирующих действиях коры. Таламус состоит в прямом контакте с миром, из-за чего он чрезмерно стимулируется. Стимулы, идущие в кору, проходят через таламус, который чрезмерно стимулируется и не может выдерживать растущие стимуляции, которым мы подвергаемся в повседневной жизни.

Ради здравомыслия нам следует уделять больше внимания защите таламуса. Мы также не смогли бы выжить, не защищая такой орган как кора мозга. В этом состоит роль коры, особенно в современной жизни. Языковые центры находятся в коре, и мы можем представить такие семантические и языковые факторы, которые, вместо того чтобы снижать чрезмерную стимуляцию таламуса, вызывают состояния, при которых кора стимулирует таламус ещё больше. В таких случаях кора способствует чрезмерной стимуляции и, следовательно, дезадаптации.

Мы хотим прийти к таким семантическим и языковым состояниям, при которых кора приглушает, или замедляет и регулирует таламус. Центр интенсиональной или экстенсиональной среды находится в таламусе или коре. Приблизительно, в коре. В силу того, что интенсиональную и экстенсиональную среду мы можем назвать в большей степени корковой, интенсиональное обучение коры не защищает таламус. Когда же мы внедряем экстенсию, кора начинает защищать таламус. Вы понимаете причины, по которым экстенсия играет неврологическую роль, помогая контролировать пере-стимуляцию таламуса фактами жизни. Я считаю это очень важным.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

Мы вновь начнём с резюме того, что мы до сих пор охватили. В жизни мы полагаемся на представления ‘фактов’ в не меньшей мере, чем на ‘факты’. Прежде чем действовать, нам требуется какая-то форма представления в наших мозгах. Прежде чем сесть на стул, вам требуется выработать какую-то форму представления этого стула своим мозгом и нервной системой. Вы действуете согласно этим представлениям вашей нервной системой, и, если они не сходятся по структуре с действительной жизнью, ваши реакции не подойдут условиям жизни. В таком случае у вас не получится стать успешным и полезным человеком, потому что вы не сможете добиться счастья. Вам следует увидеть великую важность в действительной жизни, чтобы привести свои ориентирования в структурную согласованность с фактами жизни. Давайте перейдём к обобщению наших трёх положений.

Начнём с первого положения. Форма представления через наши нервные системы не есть внешний факт. Стул, на который вы садитесь, не есть образ этого стула в вашем представлении. Они становятся ‘одинаковыми’ только в вашем мире; и представляют собой лишь приблизительные и индивидуальные абстракции из фактов. Если вы болеете ‘умственно’, стул, на котором вы сидите, может показаться вам, например, ножом. Ваша форма представления всецело отличается по структуре от фактов. Если бы вы болели ‘умственно’, вы могли бы бояться сесть на стул, потому что для вас он есть нож. Он, однако, не изменился на самом деле. В этом заключается широта этого взгляда; здесь включается наука и здравомыслие.

Мы говорим о представлении ‘фактов’ как ‘фактов’ и применении карто-языка, который согласуется с ‘фактами’, как об эквивалентах. В этом заключается весь секрет ‘безумия’ и здравомыслия. Мы пока не научились применять это широко, и поэтому живём в таком несчастливом мире. Так мы пришли к закону тождества. В мире ‘тождества’ не существует, но в своих старых ориентированиях мы основываемся на ‘тождестве’. Безумие проистекает от отождествлений — отождествлений в мире, где тождества не существует. В повседневной жизни из-за отождествлений или неподходящих оценок происходит бессчётное число серьёзных проблем.

Рассмотрите термины «да» и «нет», «хорошо» и «плохо», «истинно» и «ложно» и т. д. «Да» имеет одно значение по интенсии — по определению. Однако предположим, вы говорите: «Да, я хочу сигарету». Эта сигарета представляет собой действительное экстенсиональное содержимое этого «да»; жизненное содержимое экстенсионального «да». «Да, я хочу стакан воды». В этом случае вода становится экстенсиональным содержимым этого «да$_2$». Экстенсионально они отличаются, интенсионально остаются ‘одинаковыми’. В отличие от старого интенсионального «да», я получил и испытал что-то экстенсиональное. Экстенсионально они представляют собой не ‘одинаковые’ «да». Мы можем отличать их с помощью экстенсиональных приёмов: «да$_1$», «да$_2$» и т. д. Нам очень часто требуется делать это в жизни. Многие человеческие проблемы происходят в зависимости от «да» и «нет». Подобным образом многое зависит от «истинных» или «ложных» фактов. Многие человеческие проблемы зависят от этих терминов. Все эти термины мы относим к многопорядковым, и далее вы увидите, что они несут разное значение на разных уровнях абстракций. Иными словами, без индексов, я не знаю, о чём мы говорим. ‘Безумие’ представляет собой попросту дезадаптацию к ‘фактам’ и ‘реальности’; и опять же, ‘факт’ и ‘реальность’ относятся к многопорядковым терминам.

Вы не можете сказать что-то о ‘факте’ безотносительно его контекста; и ‘фактов’ происходит столько много, сколько складывается контекстов. Мы можем пользоваться элементалистическим или не-элементалистическим языком. Об этом мы можем говорить как о ‘факте’ *в* данном контексте. Мы не можем обращаться с ‘фактами’ и при этом не путать их, когда не применяем индексы. Мы не можем

надеяться сохранить ясность этих ‘фактов’, не применяя все экстенсиональные приёмы. Здесь включается само-рефлексивность. Мы можем говорить о ‘фактах’ о ‘фактах’ о ‘фактах’, и они все отличаются с некоторым учётом контекста. Нам следует поддерживать их ясность. Если мы применяем экстенсиональные приёмы, мы автоматически себя страхуем.

Я приведу в пример вопрос, который мне задал друг. Он работал психиатром, и за семь лет, что я с ним на тот момент проработал, он впервые задал мне настоящий вопрос. Он спросил:

«‘Уподобляюсь’ ли я животным в своих желудочных реакциях?»

«Уподобляюсь ли я животным в своих нервных реакциях?»

«Если вы ответите ‘да’, я не смогу придать этому смысл».

Хороший вопрос. А вот, что я хочу спросить у вас: задал ли он мне экстенсиональный или интенсиональный вопрос? Интенсиональный, потому что мы не можем отделить желудочные реакции от нервных. Мы применяем лишь одно определение «уподобления», и по определению имеем лишь одно «уподобление». Однако что насчёт экстенсиональных фактов; сколько «уподоблений» мы наблюдаем экстенсионально? В этом контексте два. Мы избавляемся от затруднения с помощью индексов и получаем уподобление$_1$ и уподобление$_2$. За счёт этого мы больше не испытываем проблемы. Мы избавляемся от проблемы одними только индексами. Экстенсионально мы имеем дело не с одним и тем же «уподоблением». Исследуйте. Проведя исследование, мы бы обнаружили, что не ‘уподобляемся’ животным в их желудочных реакциях, потому что, если бы уподоблялись, то не испытывали бы такой проблемы как ‘нервная диспепсия’. Что насчёт уподобления животным в их нервных реакциях (уподобление$_2$)? Мы имеем дело не с тем же самым «уподоблением». Мы решаем проблему экстенсиональным индексированием интенсионального «уподобления».

Если мы носим с собой индексы и т. д. (экстенсиональные приёмы) в своих нервных системах, мы не запутаемся. С этим можете работать вы и все остальные.

Давайте взглянем на скандал на пустословии. Вы помните историю об Ахиллесе и Черепахе? Черепаха считается медленным животным; Ахиллес очень быстрым бегуном и, очевидно, может обогнать черепаху. Однако я покажу вам словесно, что с пустословием и интенсиональным подходом стоит ожидать обратного. Этот скандал на пустословии идёт уже 2500 лет; его называют «Парадоксом Зенона», и вы, вероятно, о нём слышали. Ахиллес занимает стартовое положение на некотором расстоянии позади черепахи, потому что бегает намного быстрее. Ахиллесу пришлось бы преодолеть половину расстояния между ним и черепахой, прежде чем он смог бы её обогнать. Затем ему бы пришлось преодолеть половину половины, а затем половину половины половины и т. д.; таким образом, ему бы никак не удалось обогнать черепаху. Экстенсионально так не происходит, и это знает даже ребёнок. В этом заключаются опасности языковых и семантических проблем. Величайшие умы мира пытались решить этот словесный парадокс и потерпели наудачу. Такие простые словесные скандалы несут опасности, какие вы встречаете в своей жизни.

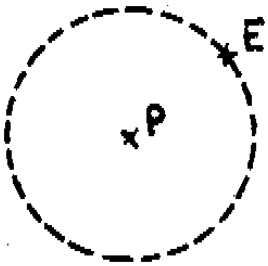
Когда у вас возникает такая проблема, вы можете решить её автоматически с помощью экстенсиональных приёмов. Например, проблему здравомыслия и ‘безумия’. Ключевой момент в этой проблеме заключается в адаптации к ‘фактам’ и ‘реальности’. Здравомыслие и ‘безумие’ сводятся к проблеме адаптации к ‘фактам’ и ‘реальности’. Запомните это.

В сообществе психиатров, в котором я одно время состоял, состояла также одна пожилая женщина с тридцатью годами опыта работы психиатром. На одном из собраний она представила один не особо адекватный доклад. Один молодой, умный психиатр раскритиковал её доклад не самыми приятными словами. Та пожилая психиатрша, разревевшись, сказала: «Боже мой, хоть бы кто-нибудь сказал мне что есть факт и что есть реальность».

Какой ответ мы можем дать? Напоминаю она задала вопрос о том, что «есть» «факт» и «реальность». Решение мы видим в том, что «факт» и «реальность» в общем не несут значений. «Факт» и «реальность» как многопорядковые термины, несут значение только в контексте и, следовательно, с индексом. В этой теме лежит очень много. Вы найдёте наработки в указателе моей книги под заголовком Многопорядковость. К многопорядковым мы относим важнейшие термины из тех, которыми пользуемся; они получают своё значение только в контексте. Теперь вы, возможно, понимаете, почему нам следует пользоваться индексами, датами и т. д.

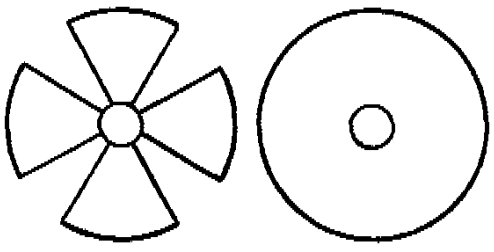
Я говорил о мальчике, который родился без коры, но с таламусом. У рыб тоже отсутствует кора, но имеется таламус. Рыбы адаптируются. Они плавают в воде. Тот мальчик, однако, не адаптировался. ‘Таламус$_1$’ не есть ‘таламус$_2$’ и т. д. Их тоже следует индексировать.

Этим вечером мы ещё немного пройдёмся по вопросам схожести структуры. Нам следует исследовать факты этого мира, прежде чем мы сможем сказать больше о схожести структуры. Мне это кажется разумным. Больше тридцати лет назад {Эрнест} Резерфорд разработал эмпирическую теорию ‘материи’ как динамического процесса. Затем, десять лет спустя, в 1913 {Нильс} Бор представил электронную теорию ‘материи’. И с тех пор мы продолжали двигаться; появилась квантовая теория ‘материи’, потом в 1926 {Луи} де Бройль и другие разработали волновую теорию ‘материи’, которую приняли в физике, потому что по ней удаётся прогнозировать происходящие факты. Более тридцати лет назад мы лишились ощущения так называемой ‘твёрдой материи’. ‘Материя’ стала процессом из роя ‘электронов’, ‘протонов’ и прочей ‘всячины’.



Я не стану вдаваться в подробности этой электронной теории, потому что понимание точной теории мы не ставим главной задачей этих семинаров. Нас интересует радикальный уход от старого — динамический характер ‘материи’. Материя предположительно складывается из положительного ядра электричества — на диаграмме, отмеченного (P) — и кружащихся вокруг него отрицательных электронов (E). Они начали с окружности как модели пути этих электронов, но потом перешли на эллипс, а теперь они работают с волновой теорией, но для нас это не имеет значения. Мы переходим от теории твёрдой неподвижной ‘материи’ к теории динамического процесса. В этом мы видим ключевой отход от старого. В современной науке прежде отрицательное становится положительным. Мы можем положительно {уверенно} говорить, что отрицательные результаты останутся; конкретно, что старое становится невозможным, и что, какую теорию мы считаем положительной {достоверной} на 1937 год, не имеет особого значения.

Вы что-то знаете о золоте. Возможно, вы что-то знаете о ртути? Они отличаются; отличаются химически. Однако их разница динамически составляет всего один [протон]. Следовательно, преобразование динамической структуры меняет химическую структуру и тем самым ‘чувственное восприятие’. Предположим, я обопрусь на стол передо мной. Он ощущается твёрдым. Согласно динамической теории, меня поддерживает стол электронных процессов. Он складывается из подвижных электронов, но я сквозь него не просачиваюсь. Стол по твёрдой теории отличается от стола по динамической теории, но, по существу, мы имеем дело с ‘тем же’ столом. Однако стоит помнить существенную разницу между столом по статической теории и столом по динамической теории.



Взгляните на вентилятор с четырьмя лопастями. Если его вращать, вы увидите диск, тогда как на диск не смотрите. Это делает наша нервная система. Это следует рассматривать как базовый факт. Базовый факт не только мира, но и нервной системы (или камеры); мы видим диск, тогда как смотрим на вращающиеся лопасти. Вы видите твёрдость объекта, но существует не объект, а только вращающиеся электронные процессы. Мы видим друг друга ‘дисками’, но

представляем собой только ‘вращающиеся лопасти’ электричества. Так это и происходит. Вы и я, и все остальные, представляем собой лишь ‘вращающиеся лопасти’. Вам следует выработать твёрдую убеждённость в этом процессуальном характере природы. Взгляните на собственную фотографию, которую сделали несколько лет назад, и вы убедитесь, что мы представляем собой меняющиеся динамические процессы.

К этому процессуальному ориентированию мы можем добавить железо, золото и всё остальное. Согласно новым открытиям, всё происходит динамическим процессом. Мы не сильно отличаемся; мы происходим лишь немного сложнее, чем кусок железа. Чтобы существовать как железо, требуется функция и энергия, не более того.

Мы остаёмся на антропоморфическом ‘объективном’ уровне, который формируется нашей нервной системой и не существует независимо в природе. Тот диск существовал только в «наших головах», как и всё остальное. Вне «наших голов» происходят лишь динамические процессы и динамические стимулы, которые производят ‘объект’ в «наших головах». Тот стол представляет собой динамический процесс, который я абстрагирую своей нервной системой, распознаю и на который реагирую так, как реагирую; ни о какой твёрдости здесь речи не идёт. Макс Борн написал на эту тему очень хорошую книгу, The Restless Universe {Неугомонная Вселенная}; вам всем следует её прочесть.

Теперь я покажу вам некоторые фундаментальные энергии природы. Прежде чем мы подойдём к этой теме, я скажу, что ‘время’ (я заметил, что у нас его осталось мало) ‘время’ существует только в «наших головах». ‘Времени’ в этом мире вне нас не существует. Мы пользуемся часами и сравниваем процессы с процессами, но ‘времени’ не существует. В природе существуют только времена — во множественном числе. Они резюмируются как пульсации; все мы испытываем резюме вибраций.

Задавая вопросы о фундаментальном, мы не спрашиваем: «Почему». Никаких «почему»; это всё устарело. Спрашивая «почему» мы ведём себя глупо, как ни крути. Когда дело касается фундаментальных фактов природы, мы принимаем вещи как данное. Возьмём два небольших деревянных шарика, покрытых алюминиевой краской. Мы считаем их не электрически заряженными. Учитывая, что всё в этом мире носит электрический заряд, они тоже несут электричество, только нейтрализованное. Если мы протестируем это как электричество, то обнаружим нейтральность, ‘не-электризованность’. Теперь возьмём стеклянный стержень и потрём его о шерсть. Шерсть обладает тем, что мы называем положительным электричеством. Мы электризуем стержень трением о шерсть. Если поднести этот положительно заряженный стержень к одному из шариков, то нейтральное электричество в шарике разделится; отрицательное начнёт притягиваться, и шарик покатится к стержню. Если прикоснуться стержнем к шарику и устранить отрицательное электричество, которое притягивало шарик, то шарик останется положительным и отскочит. Сначала притягивается, потом отталкивается. Теперь эти два шарика электризовались, и стержень их отталкивает. По закону подобное отталкивает подобное. Шарик электризовался положительно, и стержень электризовался положительно, поэтому они отталкиваются. Если взять твёрдый каучук, им мы можем вызвать электричество другого типа; он притянет положительно электризованные шарики. В другом случае два шарика отталкивались. Это мы рассматриваем как фундаментальные энергии в природе. Подобное электричество отталкивает подобное и притягивает не-подобное. Вы это чётко понимаете? Вы это видели на примере тех двух шариков.

Именно это происходит в наших нервных системах. Этому следует придать важность. Например, вам на кончик носа попадает капелька. Её удерживает энергия какой-то формы. Прежде чем капелька воды падает с крана, её что-то удерживает в целости. Мы называем это поверхностной энергией. Никаких ‘почему’; мы лишь именуем. Мы можем измерить эту ‘поверхностную энергию’, взвесив каплю, когда она наконец падает. Таким способом мы измеряем энергию, которая удерживает каплю в целости. В таких случаях мы, как правило, говорим о чём-то малом, но это зависит от поверхности. Если взять картечь размером,

скажем, с горошину, её удастся распылить настолько мелко, что частички покроют участок в 2000 квадратных метров. Площадь получится большой, и если существует нечто, что мы называем поверхностной энергией, то поверхностная энергия распылённой картечи получится высокой. Если взвесить очень маленькие частицы — крайне маленькие — в подходящей среде, начинается взаимодействие энергий и рано или поздно случается жизнь. Частицы, взвешенные в подходящей среде, мы называем «коллоидными»; их изучение ведёт к теориям коллоидов.

Посмотрите на мой дым. Он состоит из крохотных частиц углерода, взвешенных в воздухе. Облака в небе представляют собой частицы воды, взвешенные в воздухе. Всё подобное относится к коллоидам. Всякие частицы чего-либо, взвешенные в некой среде мы называем коллоидными. Две любые из этих частиц пребывают отдельно друг от друга двумя способами. Каждая частица чего-либо электризуется одинаковым типом электричества, поэтому они друг от друга отталкиваются. Поверхностная энергия притягивает. Эти противоборствующие энергии грубо представляют собой совокупность коллоидов. Коллоиды как частицы никогда не пребывают в покое, в статике; они непрерывно взаимодействуют, отталкиваясь и притягиваясь.

Если каплей расплавленного стекла капнуть в холодную воду, она твердеет в форме головастика. Такие застывшие капли называют каплями Принца Руперта {также Батавскими слёзками}. (Демонстрация.) Затвердев, это стекло вырабатывает удивительные поверхностные энергии. Это равновесие может сохраняться неопределённо долго, но динамически вы можете считать, что частицы просто держаться вместе. Если на неё не воздействовать, она сохранит форму, но, если приложиться или надломить одну маленькую часть хвоста, капля взорвётся. Надломив хвостик, мы воздействуем на равновесие, и вся капля взрывается; кстати, вы можете травмировать глаза, так что не следует играть с этими каплями самостоятельно. Я отломаю конец хвоста, вы слушайте взрыв, а потом я покажу вам получившийся порошок. Я это сделаю в ладони, чтобы стекло не разлетелось нам в глаза.

Вся капля взрывается лишь от того, что мы отламываем малую часть хвоста. По этой демонстрации вы видите, что означает поверхностная энергия и какую роль она играет. Помните, что всякая жизнь складывается коллоидно. Жизнь начинается с очень рассеянной коллоидной структуры, а смерть происходит коагуляцией, когда частицы наконец сходятся вместе. Мы по ходу жизни коагулируемся всё больше и больше. Я говорю не «умираем», а «коагулируемся».

Взгляните на яичный белок. (Демонстрация.) Если добавить к нему спирт, он коагулируется. Попробуйте сами. Когда вы добавите спирт, вы увидите, как формируются маленькие нити, а потом он начинает коагулироваться целиком. Он превращается в ‘варёное яйцо’. Я хочу, чтобы вы чётко представляли себе эти эксперименты. Они позволят понять коллоиды на базовом уровне. Мы углубимся в эту тему потом. Мы говорим о базовых проблемах — проблемах жизни. И запомните, что ваши коллоиды подвергаются воздействию семантических и языковых сред. Мы к этому вернёмся.

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

Я говорил о структуре языка, и впервые в истории мы можем рассмотреть примеры того, что имеем в виду под структурой языка. Этого ещё никогда не делали. Здесь мы начинаем говорить об элементалистической и не-элементалистической структуре и терминах. Они играют очень важную роль. Именно с них мы начинаем свою работу. Мы подвергаем себя великим опасностям, когда отождествляем свои ощущения со своими словами, несхожими по структуре с фактами. Для некоторых своих занятий я готовлю демонстрацию. Я прошу одну из студенток уронить коробок спичек, который ей передаю, после чего притворяюсь что злюсь, ругаюсь на неё и даю ей пощёчину. Обо всём этом мы договариваемся со студенткой заранее. В аудитории из семидесяти студентов около шестидесяти вздрагивают от моих действий. Их вздрагивание происходит неправомерно. Вы, вероятно, не осознаёте серьёзности того, что я вам говорю. Те люди, которые вздрагивают, не могут задержать свою реакцию; в их ‘суждении’ имеет место незамедлительный сигнальный рефлекс. Словесно мой поступок мы можем объяснить и так, и эдак, и множеством других способов, включая то, что я провёл научный эксперимент, что я и сделал. Эти люди не имеют права вздрагивать и проявлять животные сигнальные рефлексы (интенсиональные), когда удастся предложить так много возможных объяснений. Они совершают скачок к заключениям, которые мигом переводятся в органическую реакцию. Реакция это объясняет; они уходят дальше того, что могут наблюдать. Учтите важность этого. Мы привычно называем это ‘скачками к выводам’. Мы имеем дело с животной не-задержанной реакцией. Когда мы испытываем задержанную реакцию, мы даём себе время обдумать и сделать её правомерной. Когда вы учитесь ориентироваться в рамках индексов, дат и т. д., вы автоматически начинаете практиковать задержанные реакции. То, что люди видели, они видели, но некоторые из них ‘додумают’. Так происходит общая реакция; экстенсионализация играет здесь важнейшую роль.

Мы начинаем с карт, столов, стульев и т. д., но важность положений заключается не в том, что мы делаем со стульями, а в том, что делаем с задержанной реакцией. Мы стараемся предотвратить слишком скорое ‘суждение’, которое без задержки переходит в органический ответ, который, как правило, оказывается неоправданной реакцией. Товарищ, который не вздрогнул, а подождал, чтобы увидеть, что произойдёт дальше, испытал уравновешенную задержанную реакцию и уберёг себя от болезненного и, возможно, пагубного шока. Не вздрогнувший человек задержал более уравновешенные реакции, которые обеспечивают максимальное счастье в жизни. Мы можем применять это к жизни в общем. В своей книге Наука и здравомыслие я попытался исследовать, существуют ли факторы в науке, которые ведут к здравомыслию и лучшей жизни или к ‘безумию’. Я бы хотел, чтобы вы относились к проблемам здравомыслия и ‘безумия’ серьёзнее. В этом мире живёт очень мало людей, которым удалось успешно адаптироваться к жизни. Дезадаптация происходит большей частью от интенсиональных ориентирований и их последствий — вредных интенсиональных доктрин. В значительной мере эти опасности исчезают, когда мы начинаем применять общую семантику. Мы оцениваем дезадаптации в степенях. Вы поймёте это лучше, когда мы вернёмся к коллоидным основам жизни.

Мы учитываем степени дезадаптации. Людей в этой аудитории мы можем назвать почти нормальными, но не полностью ‘нормальными’. Чтобы привнести лучшую адаптацию и уравновешенность в наши повседневные, народные и международные жизни своими реакциями, нам требуется экстенсионализация. Чуть позже вы увидите, какую роль в этом играют коллоиды. С накоплением тягостей жизни мы дезадаптируемся всё сильнее и вскоре ломаемся. Мы хотим, чтобы образование делало нас здравомыслящими — настоящее образование, основанное на результатах применения научного метода. Любой хорошей школе следует передавать нам опыт

этих невро-языковых и невро-семантических факторов, за счёт которых мы можем жить более счастливой и здравомыслящей жизнью.

С этим мы подходим к психиатрии. Я говорю о психиатрии, потому что, если кто-нибудь проанализирует кого-то из вас здесь, по результатам анализа, он объявит вас предположительно нормальным. Однако с нами дела так просто не обстоят; в любом из нас мы не можем наблюдать работу механизмов в сравнительной простоте. Когда мы работаем с пациентами в психиатрии, мы имеем дело с упрощёнными и иногда обособленными механизмами. Мы отделяем один от остальных и изучаем их; мы можем наблюдать за тем, как они работают; иными словами, мы получаем структурные данные о работе каких-то механизмов, результаты которой приводят к обобщениям. В каждом из нас работают механизмы схожие с механизмами ‘безумцев’; наши отличия от них сводятся к степеням и мерам. Психиатрия развивается настолько быстрее ‘психологии’, потому что в ней мы одновременно работаем только с одним механизмом.

Я бы хотел остановиться подробнее на одной проблеме — на инфантилизме.

Хронологически мы выросли, но при этом можем реагировать как дети. Это мы называем инфантилизмом. Это означает, что мы оцениваем как младенцы. Оглянитесь на собственные жизни и на жизни окружающих вас людей; вы увидите, как некоторые оценки у взрослых людей отличаются от инфантильных, и как часто они на них походят. Предположим, я кого-нибудь отругаю за то, что он не делает пометки, а он из-за этого поднимет шум и начнёт лить слёзы. Такое поведение мы относим к инфантильному. Если инфантилизм проявляется слишком ярко выражено, это может перейти в шизофрению. При шизофрении инфантилизм происходит в организме коллоидно. Шизофрения сегодня стала настолько серьёзной угрозой Соединённым Штатам, что сейчас в масштабах страны проводятся специальные исследования, чтобы выявить причины этого пугающего заболевания. Всё это состоит в близкой связи с инфантилизмом. Вместе с инфантилизмом приходят всякие проблемы сексуального характера: мастурбация, гомосексуализм, импотенция и т. д. — факторы, ведущие к несчастливой жизни в браке. Если вы вступите в брак с таким инфантильным человеком и поверите, что имеете дело с ответственным индивидуумом, вам придётся уживаться и взаимодействовать с безответственным и часто аморальным ребёнком. Вы не получаете никакой прогнозируемости; жизнь превращается в сплошную агонию неопределённости, волнений, страха того, что и когда этот ребёнок выкинет и т. д. Возможно, значение нашей работы стало яснее.

В последнее время в психиатрии стали уделять больше внимания ‘неосознанному’. Человек отличается от животного степенью своей осознанности. Эта осознанность направляет наши жизни. Например, ко мне ходил один очень способный университетский студент. Он обратился к нескольким психиатрам, которые заклеймили его «неизлечимым». Среди прочих расстройств он испытывал симптомы ‘эпилепсии’, терял сознание и т. д. После того как я с ним поработал при поддержке его психиатра, который применяет ОС, он вернулся в университет. Сейчас он, по-видимому, чувствует себя хорошо, или, по крайней мере, его состояние значительно улучшилось. Я приведу своё объяснение. Эпилепсия происходит в связи с определённой деятельностью мозга (эпилепсия$_2$) и определённым заболеванием мозга (эпилепсия$_1$). Мы знаем о ней очень мало. Однако эпилепсия$_1$ в большинстве случаев происходит в связи с определённым заболеванием мозга, и обычно не поддаётся лечению. Когда я проводил анализ ‘эпилепсии’ того парня, несмотря на то, что он испытывал ‘приступы’ и т. д., он не производил впечатления человека действительно страдающего эпилепсией$_1$, и я пришёл к убеждению, что он не страдал не-индексированной ‘эпилепсией’, потому что испытывал только ‘приступы’. Он не терял сознание, а просто слишком сильно погружался в себя. Вы можете сами это попробовать. Когда вы усердно ‘думаете’, вы напрягаетесь. На связь между чрезмерным погружением в себя и лёгкой формой эпилепсии указал доктор Россет (Archives of Neurology and Psychiatry, апрель 1929). В этом случае я воспользовался данными доктора Россета — индексированными ‘эпилепсией$_1$’, ‘эпилепсией$_2$’ и т. д. — и сказал ему, что он лишь чрезмерно погружался в себя, и страдал не от ‘эпилепсии$_1$’, а от

‘эпилепсии$_2$’. После этого симптомы прекратились. Понимание, осознание механизмов помогло решить это затруднение; и так происходит с девятью пациентами из десяти.

Я приведу ещё один пример. Британцы основали так называемую антропологию. Они собирали факты о примитивных людях. Факты оказались вполне ясными, но они допустили недо-согласованности в своих интерпретациях. Они приписали обнаруженным примитивам характеристики низко-сортного европейского человека. С тем же успехом кто-то мог бы рассматривать младенца как ‘маленького человека’. Вы знаете, что младенец проявляет свои характеристики, и мы не можем рассматривать его как маленького человека. Сообразно, мы не можем судить о примитивных людях как о несовершенных европейских людях. Примитивного человека следует поместить на примитивный уровень и не судить его по европейским стандартам. Представители французской и польской школ антропологии доработали эту недо-согласованность, поэтому мы подходим к примитивным людям научно на их уровне. Мы, тем не менее, пока не изучали европейского человека на уровне европейского человека. Это не получится объяснить просто; впервые благодаря ОС мы обращаемся с европейским человеком на уровне европейского человека, и основываемся в этом на осознанности абстрагирования, что происходит вне и под нашей кожей. Когда тот ‘эпилептик’ пришёл к осознанию механизма своего состояния, его не-индексированная ‘эпилепсия’ пропала. Помещая европейского человека на уровень европейского человека, мы основываем невро-семантические и невро-языковые реакции на схожести структуры, и тем самым преобразуем их в экстенсиональные. Мы подходим к решению, а все известные нюансы гармонично связываются в целое.

Перейдём к математике. Великий математик {Джеймс} Сильвестер сказал: «Математикой мы выявляем схожести среди отличий и отличия среди схожестей». Вдумайтесь. Я считаю это очень важным. Когда мы полагаемся только на интенсиональные определения, мы ориентируемся на схожести, пренебрегая отличиями, тогда как в фактах жизни всегда действуют отличия. Я настоятельно не рекомендую вам вступать в брак с определением. Вам придётся жить с мужчиной или женщиной Смитом, а не с определением, и тогда вы уже не сможете избежать отличий от определения. Мы пользуемся «стулом» в качестве ярлыка только для определения по схожестям. Если мы пользуемся «стулом$_1$», мы ориентируемся на схожести «стула» (определения) и на отличия, осознанные с помощью индекса. Мы терпим неудачи в прежнем образовании, потому что занимаемся обучением интенсионально, — по схожестям — тогда как каждый индивидуум отличается от каждого другого. Обратите, пожалуйста, внимание на то, как я веду лекции. Я постоянно осознаю ваши отличия. Я всё время за вами наблюдаю, чтобы следить за тем, как вы реагируете по мере продвижения. Я не хочу, чтобы кто-то как индивидуум пропускал точки прогресса. Осознанность отличий влияет на жизнь и влияет на профессии. Ориентируясь на схожести, мы извлекаем очень мало из привычных интенсиональных подходов. Они не работают, если только мы не говорим о простейших проблемах.

Теперь я расскажу, как осуществляется общая ко-ординация посредством экстенсии. В морском путешествии, в каюте с карточным столом и расшатанным стулом, один мой гость спросил меня о назначении структурного дифференциала. Я объяснил на примерах стула по определению и действительного стула$_1$ отличие ориентирования по своему определению ‘стула’ от ориентирования по действительностям; по стулу$_1$. Я объяснял ему, что собой представляет стул$_1$, и поднял его, чтобы показать. Стул оказался настолько расшатанным, что уже почти разваливался, чего я не заметил. Затем я сказал, что, если бы сел на интенсиональное определение, тогда как действительный стул едва держался в целости, я бы упал. Потом я продолжил объяснять, — потряхивая стул в руке — что практиковал экстенсиональное ориентирование, и что предложения присесть на стул я оценивал, как присесть на стул$_1$, стул$_2$ и т. д. Я ещё раз встряхнул стул и сказал: «Я сажусь не на ‘стул’ по определению, а на индивидуальный стул$_1$, который держу в руке». И после этого я сел на тот стул со всего маху; он, ожидаемо, сломался. Мой экстенсиональный стул$_1$ развалился на части. Я, однако,

не свалился. Благодаря экстенсиональному ориентированию я ско-ординировался где-то в двенадцати сантиметрах от пола, но не упал. Я сам удивился. Так произошло благодаря осознанности, что дело приходится иметь с уникальным индивидуумом, которому не следует доверять вслепую. Мы обычно ориентируемся только по определениям или интенсии; мы практикуем слепое доверие. Я хочу подчеркнуть, что по экстенсии мы совершенствуем свою осознанность, осознавая как отличия, так и схожести.

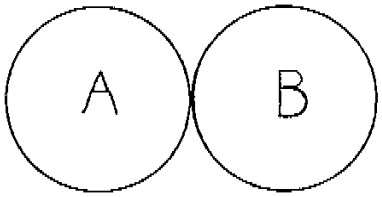
Здесь нам следует коснуться проблемы пригодности для обучения. Можем ли мы этому учить? Нас интересуют отличия как базовый, но обделённый вниманием фактор. Отличия служат действующими факторами в схожести структуры. Поэтому нам требуется дисциплина, с помощью которой мы бы узнавали об отличиях в общем. Я не думаю, что удастся представить что-то важнее, чем обучение схожести структуры, включающей отличия. В наших нынешних устаревших методах отсутствует таковой, которым мы бы обучали и обучались отличиям в общем. Обучить вас отличиям в общем у меня не получится; я могу только указать на конкретные отличия на конкретном примере, и только на конкретном примере. По-старому мы никак не могли обучаться отличиям в общем. Мы, однако, можем обучить вас отличиям в общем, и можем выработать у вас осознанность отличий в общем при помощи применения экстенсиональных приёмов. По-старому мы учились отличиям в конкретных случаях, а по-новому мы обучаемся в общем — по экстенсии и не-тождественности. Посредством этой обобщённости мы переходим от интенсии к экстенсии. Я полагаю, многие из вас не знают об экстенсиональной ценности математических методов. Вы слышали о Ньютоне и Лейбнице? Они оба независимо друг от друга разработали дифференциальное исчисление. Очень немногие математики осознают, что их величайшее достижение заключается в формулировке общей теории в математике. На протяжении более двух тысяч лет математики интегрировали и дифференцировали в конкретных случаях, но не могли этому обучать. В этом и состоит вся трудность: мы можем показать вам конкретную дифференциацию, но не можем научить ей в общем. Ньютон и Лейбниц преобразовали дифференциацию в пригодную для обучения. Я хочу, чтобы вы это уяснили. В этом заключается историческая ценность общих теорий — они становятся пригодными для обучения.

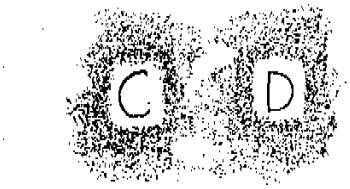
Жизнь складывается из схожестей и отличий. Отличия часто оказываются гораздо важнее схожестей. Возьмите пример из жизни. Если двое человек из этой аудитории вступят в брак по определениям, они не смогут жить счастливой жизнью, потому что обладают индивидуальными отличиями, которые определение не включает. В свете этого вы видите важность общих методов обучения отличиям. Их не существует в интенсиональных ориентированиях, но в экстенсиональных ориентированиях они существуют.

Невроз и психоз часто происходят, когда отец или мать причиняет боль ребёнку, и из-за того что ребёнок испытывает ненависть к интенсиональному, обобщённому «отцу», он испытывает ненависть ко всем отцам и становится невротиком. Однако предположим, что он экстенсионализовался и применил индексы. Теперь он ненавидит $Смита_1$, а не всех отцов, и невротиком не станет и т. д. Многие из моих студентов очень плохо приспосабливаются к трудностям, связанным с отцами и матерями; поэтому я говорю им прекратить применять эти термины и называть их $Смит_1$ и т. д. Многим из них удалось таким способом избавиться от этих трудностей. То же касается «матери». Термин «мать» мы применяем интенсионально, тогда как экстенсионально «мать» представляет собой лишь «женщину, родившую меня или вас». Вот так мы подходим экстенсионально. Вам не придётся ненавидеть всех «матерей», если вы ненавидите только «женщину, которая вас родила». Так мы смотрим с экстенсиональной точки зрения; факты составляют лишь то, что «она вас родила». По прежней интенсии мы прячем затруднение в не-осознанном, чем приводим себя в беспорядок. По экстенсии же мы вытягиваем эти скрытые затруднения из не-осознанного в осознанное, потому что осознаём, что факты не только сходятся, но и отличаются. Я продолжу разбирать эту тему в следующей лекции.

Я рассказывал вам о том, что мы адаптируем свои ориентирования к чёткой революции и глубоким переменам в наших взглядах на мир, которые произошли за последние тридцать пять лет; мы говорим о динамическом процессуальном характере ‘материи’. Я показал вам, что диск, состоящий из вращающихся лопастей, на деле представлял собой вращающиеся лопасти, а не диск. В действительности диск не существовал. Его создала ваша нервная система. Так происходит со всей ‘материей’. Всё, что вы видите, происходит посредством вашего нервного построения. Происходит процесс. Всё, что вы видите, складывается из вращающихся электронов. То, что вы ощущаете, не есть то, что вы видите. Дела обстоят так, что что бы мы ни видели представляет собой лишь стимулы для нашей нервной системы и следовательно, ‘объект’ становится ‘реальным’ только в пределах нас, и в то же время внешний электронный образ происходит реально независимо. Этому следует придать важность, потому что старые теории оказываются несостоятельными. Подробности новых теорий не играют роли; мы лишь хотим уяснить несостоятельность старых теорий. Мы получаем положительные знания, неизбежно преобразующие старые статические интенсиональные дву-значные аристотелевы ориентирования в не-аристотелевы бесконечно-значные динамические процессуальные ориентирования. К этому следует отнестись очень серьёзно. Мы рискуем погибнуть всей расой, потому что живём в среде результатов современного экстенсионального научного метода, но поддерживаем в себе интенсиональные системы примитивного происхождения, несхожие с внешним миром и нашей нервной системой. Наши ориентирования не подходят вещам, по которым мы живём. Мы имеем дело с чем-то новым.

Я хочу объяснить дву-значное ориентирование. Взгляните на рисунок. В либо соприкасается с А, либо нет. В этом мы практикуем дву-значное ориентирование. «Либо-либо», «да или нет», «хорошо или плохо», «любовь или ненависть» и т. д.; всем этим мы выражаем дву-значную оценку. Аристотель сформулировал это как закон ‘исключённого третьего’. А есть В либо не-В; они либо соприкасаются, либо нет. Мы называем это дву-значным ориентированием. Обратите внимание на





два значения. По словесному определению, третье становится невозможным, что противоречит опыту жизни. Если мы принимаем теорию ‘материи’ как динамического процесса, — состоятельность которой демонстрируют бесконечное количество данных — то эти два объекта, А и В, начинают существовать как объекты, только пройдя через наши головы. Всегда вспоминайте пример с диском. Вы можете увидеть параллель между построением диска нервной системой и дву-значным ориентированием. Это относится ко всем объектам. Вне наших голов существуют только электронные процессы, электрические структуры, которые постоянно меняются. Электричество оказывается ‘стройматериалом’ для мира и нас. Если всё представляет собой процесс, лучистый танец (бесконечного числа) электронов, то мы не можем сказать, что процесс С соприкасается или не соприкасается с процессом D. Они обладают бесконечным числом степеней соприкосновения. Теперь вы видите, почему нам следует перейти от аристотелевых дву-значных ориентирований к не-аристотелевым бесконечно-значным процессуальным ориентированиям.

Вы осознаёте важность автомобиля, самолёта и радио в жизни. Вы знаете имена Эвклида и Ньютона. Теперь электричество и магнитоэлектрическая машина не следуют теориям Эвклида и Ньютона. Следовательно, мы живём свои действительные экстенсиональные жизни в не-эвклидовых и не-ньютоновых условиях, но наши ориентирования остаются безнадёжно неадекватными. Это касается и аристотелевых дву-значных ориентирований, по которым мы можем накрыть на стол, но не можем сохранить здравомыслие — личностное, народное и международное. Таким образом,

экстенсионализация представляет культурно необходимый шаг, которого не удастся избежать; мы не можем осознанно сделать шаг назад — только не-осознанно.

Учтите коллоиды. Вам следует работать над «осознанностью абстрагирования». Вспомните пример с яйцом. Вспомните также два шарика, которые отталкивались при электризации, и демонстрацию поверхностной энергии. Крошечные частички, взвешенные в подходящих средах, отталкиваются за счёт электрических энергий и притягиваются за счёт поверхностных энергий. Если мы нарушим равновесие этих энергий, начинает всякое происходить. Вспомните яйцо. Жизнь зависит от гибкости надлежащей дисперсии или агглютинации этих частичек в подходящей среде, которую мы знаем как живую протоплазму.

Скажем, почему эта коробка и эта урна не притягиваются друг к другу. Из-за их большого размера и отсутствия подходящей среды. Мы плаваем, потому что помещаем себя в подходящую для плавания среду. В коллоидах очень маленькие частички пребывают в очень тяжёлой в сравнении с ними среде, поэтому у частичек остаётся мало свободы для движения. То же происходит с протоплазмой.

Мы также знаем о не-живых коллоидах — неорганических. Вас вероятно удивит то, что происходит даже в них. Они могут воспроизводить формы жизни, даже при том, что жизни в них не происходит, потому что они состоят из коллоидных единиц, обеспечивающих динамические взаимодействия базовых энергий, какие мы находим в живой протоплазме. Вскоре мы сможем воспроизводить искусственную жизнь на коллоидных основаниях. Две частицы с наборами противодействующих энергий составляют коллоидную единицу. Когда мы приводим эти коллоидные единицы во взаимодействие, группы ведут себя не так как частицы, и мы наблюдаем групповые действия и реакции, которые, несмотря на то, что происходят от не-живого, приблизительно определяют реакции живой протоплазмы. Помните о том, что жизнь представляется гораздо сложнее, чем я описываю. Я говорю лишь простейшим языком о двух энергиях между всего двух частиц.

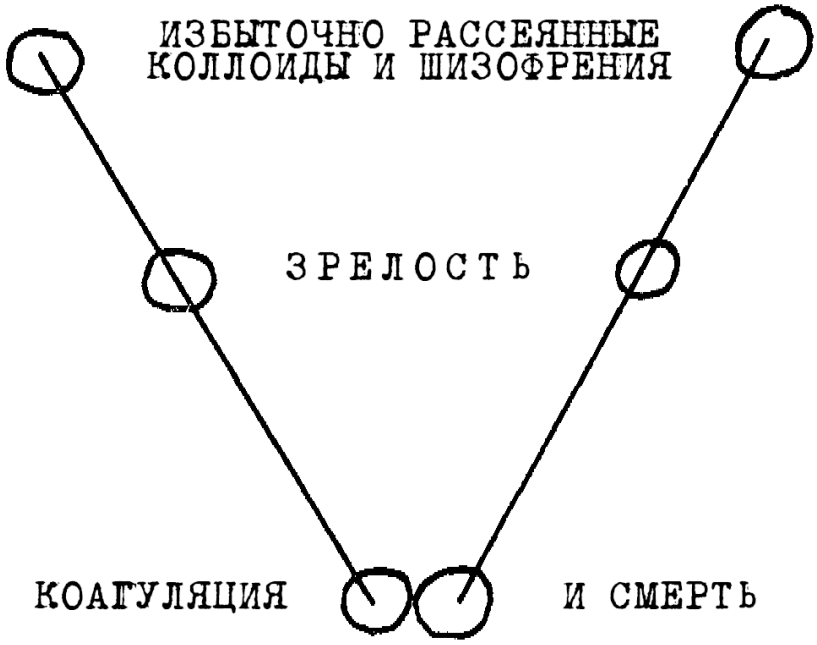
Однако, когда речь заходит о клетках, тканях, следует учитывать ещё один важный фактор. Вы знаете, что означает полярность. В примерах выше мы имели дело только с двумя энергиями, но если мы рассматриваем ткань, состоящую из коллоидных клеток, к ним добавляются отделы и полярность, а также положительный электрический заряд на одном конце и отрицательный электрический заряд на другом. Электрический ток, проходящий через ткань, меняет полярность этой ткани. Мы можем провести коллоидный эксперимент: взять много рассеянных коллоидных частиц, пропустить электрический ток, и они переместятся к противоположным полюсам. Так работает полярность. С этими клетками дела обстоят намного сложнее, чем я описал. Этому стоит придать важность.

Теперь вы видите, что, ориентируясь дву-значно, вы не можете ‘мыслить’ о жизни, когда факты остаются коллоидными и бесконечно-значными? Мы привычно ‘мыслим’ дву-значно; даже специалисты не могут ‘мыслить’ коллоидно, если не ориентируются бесконечно-значно. Жизнь и факты происходят динамически, тогда как мы применяем к ним статичный язык. За счёт применения экстенсиональных приёмов и доступного благодаря им бесконечно-значного словаря, наш язык и ориентирования становятся более адаптивными. Движение приводит к трудностям. Оно происходит инфинитезимальными шагами, но если мы присвоим дату, то получим статичный поперечный срез этого процесса. Ньютонов мир составляли 3 плюс 1 измерений — три для пространства и одно для ‘времени’. Мы добавляем движение. В четырёх измерениях мы тоже имеем дело с движением, но оно становится рядом из статичных датированных позиций. Иными словами, каждая точка в пространстве обладает датой. Когда вы снабжаете точку датой, она становится статичной. Мир остаётся динамическим, но представление фактов становится статичным. В четырёх измерениях каждая точка обладает датой. По привычному общему предположению электроны очень сильно сходятся, но в четырёх измерениях всё отличается за счёт даты. Мы совсем не разделяем пространство и время, а работаем с пространственно-временным континуумом, с дефисом. В четырёх измерениях всё остаётся статичным; мы имеем дело не с движением, а со статичным экстенсиональным рядом событий, но физическое ‘движение’ продолжается как

всегда. Поэтому мы не можем говорить просто о динамическом мире или о статическом языке, но можем согласовать представление с четырьмя измерениями, и затем представлять мир тоже статическим, или язык динамическим. Таким образом, мы можем пользоваться гибкостью нашего языка по экстенсии. Охватим ещё одну проблему.

Существует инструмент, который называется психогальванометр. С применением этого устройства проводились эксперименты, — в основном на студентах — в которых измеряли само-вырабатываемые электрические токи. В эксперименте студента усаживали в кресло и давали ему в руки два провода, а провода подключали к психогальванометру. Мы вырабатываем собственное электричество. Гальванометром — очень чувствительным прибором — удаётся замерить любое наше ‘физическое’ или ‘умственное’ движение. Другими инструментами мы проводим замеры электрических токов мозга; они регистрируются в форме графиков, которые называются энцефалограммами; на них отображаются волны, исходящие от мозга. Каждое отличное индивидуальное событие в вашей жизни сопровождается испусканием отличной волны мозга. Возвращаясь к эксперименту, вы {субъект эксперимента} держите два провода, а я вам что-то говорю. Вы распознаёте то, что я говорю и сообщаете об этом словесно. По кривой показаний психогальванометра мы видим отличия между нашими органическими электрическими и словесными ответами; кривая показывает, что наши словесные ответы в значительной мере подражают органическим. Определённые термины регистрируются очень чётко. Один термин всегда вызывает скачок в показаниях: «фрустрация». Мы знаем об ужасах фрустрации. Если мы живём в интенсиональном мире, нам следует её ожидать. Когда мы высказываем ожидания слишком большого количества счастья, факты приводят нас во фрустрацию. Мы не хотим фрустрации, поэтому следует осуществить переход к новому.

Запомните, что наша структура и функция носят коллоидный характер, а в коллоидных структурах имеет место электричество. Иными словами, мы существуем как пучки электричества. Каждое слово, каждое действие и т. д. происходит в связи с особыми электрическими токами, которые мы регистрируем как органически, так и словесно. Каждое слово преобразует наши электрические токи, а они воздействуют на коагуляцию или дисперсию коллоидов. ‘Поразмыслите’ о себе как о коллоидных танцах – коллоидных танцах, происходящих в наших мозгах. Когда мы с вами вносим схожесть структуры в мои и ваши динамические коллоидные танцы, мы друг друга понимаем. Теперь вы понимаете, почему люди умирают от слов. При шизофрении коллоиды избыточно рассеиваются, поэтому пациент ведёт себя так инфантильно. Образование становится возможным за счёт словесной деятельности и электрических эффектов, производимых на коллоиды. Вы рождаетесь с рассеянными коллоидами. Смерть происходит коагуляцией. Я не вижу



необходимости называть её каким-то иным словом. Зрелость наступает где-то между этими двумя процессами.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

Благодарю вас, доктор Кондон.[1] Вы нас порадовали своим визитом.

В США проблемы инфантилизма и шизофрении сейчас угрожают нации. Исследователи в тринадцати научных центрах в разных частях Соединённых Штатов мобилизовались для кампании, которую запустил Народный Комитет по Умственной Гигиене, против шизофрении — преобладающего ‘умственного’ расстройства. Однако даже эти работники остаются в невежестве о современных научных невро-языковых и невро-семантических проблемах, в связи с которыми это происходит. Их исследования, невзирая на пользу от них, не идут достаточно далеко, из-за чего остаются, и останутся, бумажными отчётами, не подходящими для широкого применения. Исследованиями и опытом применения общей семантики мы проливаем новый свет на шизофрению и представляем базовый анализ инфантилизма как чётко определённого механизма дезадаптации на основе неадекватной оценки и т. д., и т. п.; дисциплина служит почвой для формулировки шизофрении работо-доступными терминами.

Я зачитаю вам последние определения шизофрении, каждое из которых резюмирует, так сказать, эмпирические данные, собранные в ходе многих наблюдений; они полностью сходятся с наблюдениями, которые мы провели в общей семантике.

Что собой представляет шизофрения?

Определение Джеймса В. Мэя, главврача бостонской государственной больницы:

> Шизофрения проявляется дезорганизацией личности, которая происходит в период молодости или зрелости. Она общим образом характеризуется несогласованностью умственных механизмов и рано или поздно приводит к интеллектуальной деградации без какого-либо определённого органического основания, на которое удалось бы указать на сегодняшний день.
>
> Психологически она работает как реакция неадекватной личности на трудности, обусловленные средой. Эту неадекватность не удаётся продемонстрировать в интеллектуальной области; она выражается в неспособности реагировать как нормальная, сбалансированная личность на трудности, с которыми приходится сталкиваться в ходе образовательной, экономической, сексуальной, эмоциональной, семейной или социальной жизни индивидуума.

Выдержка из учебника по клинической психиатрии доктора Эдварда Стрэкера и доктора Франклина Ибоу:

> Шизофрения, тайна психиатрии, продолжает бросать вызовы исследователям в каждой медицинской области. Её этиология остаётся неопределённой, патология неизвестной, а клинические пределы предметом споров; тем временем эта проблема представляется более серьёзной, чем туберкулёз или карцинома. Стационарных пациентов, страдающих шизофренией насчитывается в двое больше, чем туберкулёзников. Каждый год от 30.000 до 40.000 индивидуумов вскоре после пубертатного периода или в самом начале зрелости становятся жертвами этого пугающего заболевания. Если на ранней стадии не принять необходимых мер, способствующих адаптации, люди оказываются обречёнными на самую настоящую смерть при жизни — полное отсутствие эмоционального адекватного опыта и неспособность участвовать в нормальной жизнедеятельности. Важность этой группы психозов с точки зрения общественного здоровья (умственной гигиены) уже не требуется подчёркивать; подчеркнуть следует важность профилактических мер.
>
> Шизофрению, которую так называют из-за расщепления между эмоциональными, мыслительными и двигательными процессами, представляет собой хронический психоз, который чаще всего случается в период второго десятилетия жизни. Она почти никогда не проявляется чётко определённым образом; скорее она

1. Перед лекцией доктор Кондон из службы здравоохранения Чикагского Университета говорил о проблемах ‘умственных’ заболеваний, в частности о шизофрении. Его замечания мы не включили.

создаётся творчески самим индивидуумом от недостатка приспособленности. Подавляющее большинство пациентов заканчивают деградацией, которая характеризуется набором аффективных ответов.

Адольф Мэйер конструктивно назвал это «запертой» личностью. Стремление к уединению и уходу от реальности, которое обычно проявляется в детстве, чётко характеризует личность, легко подверженную шизофрении.

Отрывок статьи доктора Хоскинса {R. G. Hoskins} «Шизофрения, простая формулировка» в Journal of the American Medical Association, 11 апреля 1931 года:

Шизофрения характерно начинается в возрасте раннего рассвета сил и устойчиво длится много лет. В США сумма экономических убытков составляет приблизительно один миллион долларов в день. Потери, исчисляемые человеческими страданиями высчитать не удастся.

Это расстройство узнают по его основным признакам со времён начала истории медицины. Почему же на сегодняшнем этапе медицинского прогресса мы по-прежнему так сильно отстаём в попытках определить причины его возникновения и разработать лечение? Среди важных причин стоит выделить фатализм – взгляд, совершенно неподходящий медицине двадцатого века. Ещё важнее видится растущее из этих фаталистических взглядов простое пренебрежение. Один только уход за пациентом кажется тяжёлой ношей, а на исследования в этой области выделяют скудные средства. На практике важной причиной неудач в прогрессе остаётся недостаток формулировки, которую могли бы понять не только профессиональные психиатры. Для простого практикующего врача, семей пациентов и медсестёр с медбратьями в психиатрических больницах, в чьих руках лежит благополучие пациентов, природа расстройства остаётся тайной.

Формулируя кратко, мы можем сказать, что шизофрения происходит как защитная реакция у чувствительного человека на ощущение личной неудачи. Она становится результатом неспособности соответствовать собственным личностным стандартам. Его обычно сопровождает чувство отчуждённости. Оно может переходить в панику, в отчаянное смирение (утрату надежд), склонность к бегству, бред грандиозности или смирения с неполноценностью. В основе данного психоза лежит непереносимая утрата самоуважения.

Многие ‘безумные’ пациенты частично проявляют рациональность, но в большинстве случаев на это не следует полагаться. Одного пациента с шизофренией я не забуду никогда – молодого солдата, который служил хорошо, но в какой-то период выработал определённые нежелательные характеристики. Он самостоятельно выходил из марширующего строя и шёл в казарму, чтобы поспать и т. д. Его наказали и отдали под трибунал; он, тем временем, выработал столько этих странных привычек, что его, в конечном счёте, пришлось отправить на осмотр в больницу Святой Элизабет. Я провёл с ним два часа, и он вёл себя совершенно ‘нормально’, однако, при этом я не увидел в нём больше жизни, чем увидел бы в трупе. Он не подавал признаков аффективных ответов. Вам придётся увидеть такого человека, прежде чем вы сможете понять, что я имею в виду под полным недостатком ощущений. Три месяца спустя он полностью сломался. Видимо, это доктор Кондон назвал «смертью при жизни».

Вернёмся к коллоидам. Мы установили коллоидные истоки жизни. Я помню ещё одного пациента; он провёл в больнице двадцать лет. Ему давали разрешение выходить на прогулку, и он гулял по газону. Я изучал этого человека; он вёл себя достаточно хорошо. В больнице мы могли бы сказать ‘достаточно нормально’ – помните о кавычках. Через двадцать лет ему повезло – он умер. Когда провели вскрытие, обнаружилось, что у него, в привычном смысле, отсутствовал ‘мозг’. Череп оказался полным ‘гноя’. ‘Мозг’, в обыкновенном смысле, отсутствовал. Как же так получается, что человек может реагировать ‘достаточно нормально’ в ограниченных условиях – ограничениях лечебницы? Как ему удаётся жить? Коллоидно мы можем объяснить это на основании того, что организм реагирует как целое. Функция нервной системы, как и всего тела, зависит от коллоидов. Следовательно, несмотря на то, что физиологически по-старому мы можем сказать, что у человека отсутствовал ‘мозг’, коллоидно полость оставалась полной, и это

обусловливало его практически ‘нормальные реакции’. Сегодня мы понимаем, что придётся пересмотреть все наши науки и начать применять экстенсиональные методы.

Например, коллоидной-химии не существует; только коллоидная-физика. Этот пересмотр осуществляют сегодня, но его пока не закончили и не ско-ординировали. Осознаёте ли вы, что сегодня из-за медицинского невежества в психиатрии наша медицина представляет собой не более чем переоценённую ветеринарию? Я знаю много о лошадях, и они походят на нас органически; однако почему они болеют сравнительно так мало и так просто? Ответ заключается в том. Что невро-коллоидные факторы, семантическая среда, среда мозга, языковая среда и т. д., воздействуют на нашу коллоидную структуру. Малая доля дюйма дополнительной коры у человека не служит удовлетворительным объяснением. Нередко серьёзные операции проводят на пациентах больных лишь «головой». Так происходит из-за невежества или пренебрежения людей от медицины по отношению к психиатрии. Учитывая труды Бёрриджа о коллоидах, медицинские науки следует пересмотреть, потому что их формулировки не согласуются по структуре с фактами.

Работы над одними только языковыми вопросами нам не хватит. Нам обязательно следует ощущать прямые ориентирования, оценки и т. д., как сказал доктор Кондон. Я приведу пример. Скажем, мы пользуемся четырьмя разными «есть»:

1) «есть»	вспомогательный	3) «есть»	предикации
2) «есть»	существования	4) «есть»	тождества

Примеры: В первой функции: “It is raining”.[2] Во второй: «Я {есть}».[3] В третьей: «Роза {есть} красная». И, в четвёртой; «есть» тождества: «Эта роза {есть} цветок». Мы пользуемся, по меньшей мере, четырьмя совершенно разными «есть», но располагаем лишь одним словом для них. Именно поэтому мы допускаем ошибку за ошибкой. «Есть» предикации и «есть» тождества на уровне ‘смысла’ всегда, неизменно, оказываются ложными по фактам. Когда я говорю: «Эта роза {есть} красная», язык не согласуется с фактами; он опровергается фактами. Мы говорим, что ‘красный’ находится в розе, тогда как он происходит при участии наших нервных систем. Вы видите ложность — ложное-по-факту высказывание? В розе мы находим только электромагнитные вибрации, а не ‘красноту’. Это касается всех ‘чувственных’ восприятий. Я говорю: «Эта роза {есть} красная». Я допускаю не-согласованность. Вы не можете сказать, что сахар ‘есть’ сладкий. Всё это проходит через наши головы, а не находится в розе или в сахаре. Когда мы говорим, что ‘сладость’ ‘есть’ в сахаре, мы высказываемся ложно по фактам.

Что мы можем сказать о «есть» тождества? «Роза {есть} цветок». Характеристики цветка не ‘тождественны’ характеристикам розы$_1$. Получается, мы высказались ложно по фактам. Отождествление четырёх совершенно разных ‘есть’ приводит к человеческим трагедиям. Две последние функции всегда остаются ложными по фактам на уровне ‘смысла’, и иначе чем с помощью экстенсиональных приёмов, мы не можем их отличить друг от друга, потому что пишем и произносим их одинаково.

Вот стоит письменный стол. Мы называем его «стол» - (1) танец электронов — процесс; затем своими нервными системами мы (2) абстрагируем ‘объект’ и называем его «стол». Мы приобретаем какого-то рода (3) фотографическое, прямое впечатление {след, отпечаток} на мозге посредством глаз, и называем образ этого «столом». После этого мы выводим это в язык, определение, которое тоже называем «столом». Как вам нравится то, что вы основываете свои знания и жизненные ориентирования на таких фальшивках и т. д.? Когда мы осознаём эти опасности, они исчезают, потому что мы осознаём, что происходит в них и в наших организмах, которые поддаются стимулам. Работать над такими вещами со студентами или пациентами приходится трудно. Часто люди отвечают на мои

2. {«Быть» применяется для выражения действия, происходящего в момент произнесения высказывания.}

3. Несмотря на то, что глагол «быть» в выражении “I am” нередко употребляется в функции «существования», возможно, больше подойдёт пример: «Есть принцип закона, который гласит…». [редактор Г. Дж. Мур]

вопросы, но при этом не вкладывают в слова ощущений или значений. Они разговаривают как попугаи, не осмысляют свои действия и не оценивают объяснения проблем инстинктивно, органически. Словесная деятельность не работает, когда не воздействует на наши органические ответы и оценки, соотнесённые с проблемами. В ОС мы имеем дело с семантическими реакциями в связи с тем, что мы говорим.

Мы никак не узнаем, что означает «больной», пока не знаем, что называем «здоровым». «Попытки хвататься за поверхность в обучении медицине» ожидаемо плодят ‘безумие’. Теперь посмотрим экстенсионально. Мы ‘знаем’ много о себе, и ‘знаем’, что что-то ‘знаем’. Затем мы обнаруживаем, что всё, что мы ‘знаем’, на деле оказывается ложным знанием — «хватанием за поверхность в обучении медицине». Всё оказывается ложным по фактам.

Я приведу пример. Рассмотрим то, что назовём «половыми железами». Я не употребляю это название, потому что считаю его неподходящим, и называю их научным термином «гонады». Это название применяется к мужчинам и женщинам. Гонады представляют собой железы внутренней секреции, 9/10 функционирования которых реализуются поддержанием жизни всего тела, включая мозг, а 1/10 их функционирования относится к «собственно сексу».

Существуют механизмы, называемые «истерическими механизмами». Они работают на основе нашей способности проецировать некоторые семантические реакции на любую часть тела, органы и т. д. Вы помните, например, что мы говорили о физиологической проекции цвета или боли. Мы проецировали боль из головы на палец, когда сжимали палец. Эти механизмы проекции могут приносить пользу. На уровне животного они служат механизмами выживания. Однако на человеческом уровне нас ожидают трудности потому что у нас действуют механизмы проекции, называемые иллюзиями, бредом и галлюцинациями. Они активно работают при всех ‘умственных’ заболеваниях. Животное, применяя свой механизм проекции, не подвергает себя опасности, но у человека начинаются проблемы, потому что он может переборщить с этим механизмом, что может привести к серьёзной опасности. Например, у истериков случается мнимая беременность, при которой проявляется каждый характерный симптом, кроме собственно ребёнка. Подобное случается с некоторыми животными; например, с собаками. Это показывает, что истерические механизмы проекции следует рассматривать как базовые. Нас могут одолеть всякие заболевания, возникшие посредством механизмов проекции. Их следует прояснять в наших головах, чтобы симптомы прекращались. Эти механизмы существуют как факт, но сейчас мы ими пользуемся большей частью себе во вред. Я не вижу причин не применять их конструктивно, раз они существуют, и мы знаем, что они существуют. Существует механизм, которым мы проецируем христовы раны на руки. Эти раны называются «стигматами», они не поддаются лечению обыкновенной медициной, но от психиатрического лечения раны исчезают, потому что коллоидные механизмы в данном случае работают в истерическом порядке. Эти проекции происходят как общие органические реакции, и могут проявляться очень сильно.

Я говорил о гонадах; вы помните, что 9/10 их функционирования составляет поддержание жизни всего тела, включая мозг, и только около 1/10 их функционирования мы могли бы назвать «собственно сексом». Каррель говорит, что если бы гонады секретировали синей жидкостью, то мы бы жили с синими телами, очень синими мозгами и даже с синеватыми костями. «Поверхностное хватание в обучении медицине» плодит ‘безумие’. То же касается ложного знания. Мы напрямую осознаём 1/10 функционирования гонад, но не следует считать это правильным, просто потому что мы это ‘знаем’. Помните о кавычках. Я повторю. Эти факты помогают многим моим студентам; они проясняют их проблемы. Нам не требуется, чтобы нам говорили об этой 1/10, потому что мы осознаём её напрямую, но мы никогда не знаем о 9/10, кроме как когда научный метод говорит нам о них. Иными словами, происходит следующее: запомните «поверхностное хватание в обучении медицине» плодит ‘безумие’. Из-за ‘ложного знания’ мы оцениваем нашу 1/10 как 10/10, что ведёт нас к нескончаемым трудностям. Печальная часть состоит в следующем: если посредством ложного знания, мы оцениваем 1/10 как 10/10 и отождествляем в значении малую составляющую

функционирования с целым, и проецируем 9/10 ложных знаний на 1/10, которую осознаём, мы дезорганизуем обе функции, потому что всё это основываем на ложных знаниях. Поэтому человеку следует ‘знать’ о работе некоторых своих органов прежде, чем они смогут работать надлежащим образом. Вы понимаете? В связи с механизмами проекции, именно по этой причине невро-психиатрию следует закладывать в фундамент всей медицины. Многие из этих механизмов по-старому применяют только истерические, больные люди, и по-старому же многими из этих механизмов разрушительно пользуемся мы. Решив проблемы ложного знания, и осознав механизмы, мы сможем пользоваться ими конструктивно. На практике это работает согласно прогнозам.

Если мы проецируем 9/10 на 1/10, отклоняя энергию от мозга, эта проекция энергии на 1/10 приводит к чрезмерной деятельности. Мы не распределяем энергию должным образом. Мы приближаем европейского человека к уровню европейского человека тем, что чётче и чётче осознаём эти механизмы. Вспомните мой анализ таламуса и моё объяснение о том, как он подвергается чрезмерной стимуляции. Роль коры состоит в том, чтобы регулировать и защищать таламус. Если мы заполняем нашу кору ложными знаниями, она не работает надлежащим образом; вместо того чтобы защищать, она стимулирует таламус, от чего европейская раса стремительно деградирует. Нам требуется налаживать неврологический контроль, а контроль осуществляется только корой, поэтому обучение коры новому представляется абсолютной необходимостью; необходимостью для здравомыслия европейской расы, чтобы не допускать появления таких больных людей как всякие Гитлеры и т. д., которые получают власть над миллионами людей. Как мы можем это сделать?

Кора выполняет много функций:

1) Динамогенный эффект. Это означает энерго-генерирующий. Иными словами, кора распределяет энергию по всему организму.

2) Дифференциальная активация. Это означает, что некоторые импульсы могут подвергнуться противодействию других импульсов. По-старому мы называем это ‘торможением’, но сейчас уже нет, или же нам не следует применять этот священнический и юридический термин в неврологии. Имеются и другие функции.

Нам следует добавить здесь «и т. д.».

Теперь я задам вам трудный вопрос. Если нервная система работает как-целое, не кажутся ли вам какие-то из этих аспектов словесными выдумками? Могут ли такие отдельные аспекты существовать сами по себе? Нет, не могут. Все они работают вместе, но один функциональный аспект коры существует не как выдумка – задержка реакций. В ней реализуется присущая коре роль. Она замедляет инстинктивные, незамедлительные рефлексы животного. Нас интересует, можем ли мы добиться полной условности реакций человека и до какой степени человеческие реакции удастся сделать полностью условными. Если мы можем стимулировать кору, мы задерживаем реакцию и этим помогаем остальным функциям нервной системы, потому что она работает как-целое. К сожалению, это осознаёт слишком мало людей, даже среди невро-психиатров. Когда мы что-то ощущаем, воздействию подвергаются не просто языковые реакции, но и наши внутренние, прямые реакции, наши внутренние ориентирования. Если выработать навыки ‘мышления’ исключительно в рамках Смита$_1$, Смита$_2$ и т. д., удастся научиться задерживать свои реакции. Мы не ‘взорвёмся’.

Мы находим в этом мудрость, которая существует очень давно. Когда вы применяете экстенсиональные приёмы, вы не можете не испытывать задержанные реакции. Мы применяем механические средства, чтобы стимулировать кору, а задержанные реакции внедряются автоматически. Когда я давал объяснения о порядке, я рассказал вам, что термином ‘порядок’ удалось свести человеческие науки вместе в математическую физику, а затем сказал, что за счёт порядка мы можем напрямую стимулировать кору. Теперь я показываю вам, как это делается автоматически.

Это сводится к упорядочиванию реакций. По экстенсии нам следует упорядочить свои реакции и автоматически внедрить задержанные реакции. Главный момент попытался передать доктор Кондон, и теперь пытаюсь передать я. Вспомните, когда я сказал, что словом стол мы охватываем (1) процесс – электронный процесс, который мы не видим. Мы также охватываем им (2) объект стол, каким его абстрагирует, или создаёт, наша нервная система. Мы применяем название «стол» к (3) прямому физическому впечатлению на мозге, которое происходит не-словесно. Мы называем это «столом». Иными словами, этим словом мы охватываем только наши ощущения по отношению к нему. Мы говорим о своих организменных реакциях. Мы также называем «столом» (4) словесное определение. Вы можете представить трудности такой ситуации. За счёт мышления экстенсиональными методами, мы избавляемся от множества искусственных трудностей. Запомните, что мы применяем экстенсиональные приёмы не только словесно. Нас больше интересуют наши прямые реакции внутри нас. Вам следует не только слушать, что я говорю, а стараться это зрительно представить; загнать это внутрь себя. Всё это приходит автоматически по мере применения экстенсиональных приёмов. Применяйте их.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

В связи с тем, что мы начали подходить к окончанию семинаров, мне следует порекомендовать вам купить и прочесть некоторые книги. Да, некоторые книги следует купить. Брать их в библиотеке я считаю недостаточным. С этими книгами следует взаимодействовать: тщательно изучать и помечать. Сегодня в свете необходимого пересмотра структуры нашего языка, я знаю лишь о нескольких книгах, которые не придётся пересматривать. Вы это понимаете? Вам следует помнить, что, с психо-логической точки зрения, европейская раса идёт к своему неожиданному концу. По статистическим прогнозам, через 200 лет ни одного здравомыслящего европейского человека не останется. С этим следует что-то делать.

Мы не можем пренебрегать грозовыми тучами войны, которые навлекают больные люди, такие как Гитлер, потому что нам придётся за это расплачиваться. Больной Гитлер преуспел, потому что мы, ‘здравомыслящие’ люди, стояли в стороне. Мы все заплатим за его ‘умственное’ заболевание, одолевшее народ из-за нашей близорукости. Вы не задумываетесь о следующей войне. Вам стоит. Нам придётся воспользоваться нашими ‘космическими кукурузами’.

Вернёмся к теме инфантилизма. Мы говорили о шизофрении; вспомните, что она происходит наряду с запущенным инфантилизмом. Запущенный, или обострённый, инфантилизм мы можем рассматривать как начало шизофрении. Вспомните диаграмму дисперсии коллоидов. При обоих этих состояниях нервные коллоиды избыточно рассеиваются, и поэтому шизофрения всегда проявляется инфантильными характеристиками, а иногда начинается с явных манифестаций инфантилизма. В Соединённых Штатах шизофрения и инфантилизм стали проблемой всего народа. Мы все в некоторой мере ведём себя инфантильно. В каждом из нас живёт ‘микроб’ шизофрении (инфантилизм), но в каждом же он пребывает на некотором этапе развития. Вам следует об этом знать, потому что кроме как за счёт осознания механизмов, справиться с этим расстройством не получится. Только так удастся избежать опасностей. Осознание механизмов означает определение европейского человека на уровень европейского человека. Инфантилизм, среди прочих характеристик, проявляется эгоцентризмом. Само-любовью, а не эгоизмом. В этом мы видим жалкую сторону. Мир не существует только для вас, поэтому эгоцентризм никогда не способствует здоровью. В некоторых случаях, чтобы вылечить такого эгоцентричного человека, приходится учить его «разумному (социальному) эгоизму». Поэтому я пользуюсь термином «разумно эгоистичный» в противопоставление эгоцентризму.

Я приведу случай из жизни. На одном ужине в Нью-Йорке я общался с одним англичанином, который демонстрировал довольно явные признаки паранойи. Он «знал всё» и пытался убедить меня в глупости беспокойства о чём-либо и т. д. Он поделился англо-саксонской теорией эгоизма. И да, оказывается, такая теория существует. Я его выслушал и сказал: «Если вы хотите, чтобы я вёл себя эгоистично, то я уже себя так веду. Я усердно работаю, потому что эгоистично не хочу жить в мире, состоящем из таких людей как вы».

По этому примеру вы видите, как удаётся развернуть словоблудие, чтобы казалось, что оно куда-то ведёт. Это входит в экстенсиональное ориентирование и этим мы уходим от интенсионализма.

Младенец ведёт себя эгоцентрично. Вы можете наблюдать такое в жизни. Люди ведут себя как младенцы. Женщины раздают свой секс подобно младенцу, который, если вы дадите ему бесценный брильянт, просто отдаст его. Они тоже остаются младенцами. Низкая оценка. Вам следует это знать. Наши бабушки называют проституток ‘сексуально озабоченными’, но большинство проституток совсем не занимаются сексом. Они остаются младенцами, которые могут подвергаться стимуляции, но не становятся женщинами с биологическими потребностями к

размножению и т. д. Поэтому они себя раздают. Женщины, которые занимаются ‘сексом’ и вынужденно занимаются проституцией по экономическим или иным причинам, редко в ней остаются. На это следует обратить внимание. Те, кто остаётся, ведут себя инфантильно; они ломаются за несколько лет.

Я пользуюсь термином, или, скорее, выражением «семантический возраст». Он означает метод оценки данного возраста. Когда я обучал персонал школы, я также вёл занятия в классе, в котором вместе занимался класс девочек в возрасте 13, 14, 15 лет и класс девочек в возрасте 15, 16, 17 лет. Я дал им курс общей семантики. Потом пошли экзамены. Я показываю вам, что делает возраст. С этим совместным классом я проводил лекции на младшем уровне. На экзаменах я оценивал письменную работу по заслугам. Я не знал, кто её написал. Оказалось, что все старшие девочки получили «А» {пятёрки}, а младшие «В» {четвёрки}, без исключений. Возраст выявился чётко. Младшие с «В», а старшие с «А».

Вы наверняка знаете о хронометре — высокоточных часах, которыми пользуются в астрономических наблюдениях. Если вы дадите хронометр трёхлетнему ребёнку, он его возьмёт и станет колоть им орехи. Теперь представьте, как вы пытаетесь объяснить это ребёнку. У вас не получится. Ребёнок не сможет оценивать надлежащим образом. Ваша оценка в данном случае оказывается адекватной, потому что вы знаете о ценности хронометра. Вы видите, что мы имеем в виду под семантическим возрастом или стандартом оценки. Вы знаете, как люди всё время пытаются торопить вас к собственному возрасту, говоря: «Веди себя по своему возрасту». В общей семантике мы применяем это привычное выражение на практике.

Вы знаете стандартные оценочные реакции девочки 12-летнего семантического возраста. Вам следует оценивать согласно своему возрасту, потому что вы не маленькие девочки. Вам придётся об этом задуматься. Это играет важную роль в семейных отношениях. Запомните, что происходит. Живёт какая-нибудь семья: ‘отец’, ‘мать’ и т. д. Если вам хронологически 22 года, то по хронологическим стандартам мы оцениваем вас как молодую ‘зрелую женщину’. Однако если вам 12 или 13 по оценочным стандартам, вашей матери, вероятно, приходится за вас трястись. Вам стоит знать, что вы делаете. Вам стоит знать лучше, чем девочке 12 лет. Если ваш стандарт оценки остаётся на уровне 12 лет, когда вам исполнилось 22, я бы вам ни в коем случае не доверился, и вам бы посоветовал себе не доверять. Иными словами, если вы достигли совершеннолетия, стали зрелой женщиной, то вам следует знать, что вы делаете. Матери не придётся о вас беспокоиться. В этом и заключается смысл. За счёт этого мы избавляемся от множества затруднений. На своих семинарах я стараюсь подтолкнуть людей поближе к их возрасту.

Я считаю это высказывание корректным. Теперь вы понимаете проблему эгоцентричности младенца. Запомните, что мы отличаем эгоцентричность от ‘разумного эгоизма’. Запомните, что счастливо вы можете жить только в счастливом мире. Из разумного эгоизма мы стараемся сделать этот мир настолько счастливым, насколько у нас получается. Посмотрите на своих друзей; вы заметите в их поведении какую-то степень эгоцентризма. Рассмотрите младенца. Здесь нас интересует вопрос длительности ощущения — способности что-то ощущать, испытывать ощущение. Предположим, ребёнку сказали, чтобы он не играл с мячом в комнате, но он не послушался, из-за чего разбил бесценную вазу. Зашла ‘мать’, обратила внимание ребёнка на то, что он сделал и попыталась его отругать. Она очень расстроилась, потому что младенец разбил бесценную вазу. Ребёнок может поплакать и сказать: «Я больше так не буду», но через пять минут, обо всём забудет, потому что ребёнок не может оценить причинённый ущерб. Он ведёт себя инфантильно. Хронологически взрослые младенцы ведут себя таким же образом. Они разрушают жизни и никогда этого не осознают.

Взрослые младенцы наносят друг другу непоправимый вред и им всегда «очень жаль» где-то минут 15, но ещё минут пять спустя, всё забывается. Никакой брак я не назову более несчастливым, чем тот, в котором человек оказывается повязанным с таким младенцем. Здесь следует учитывать стандарты оценки, длительность аффектов и т. д. Животные испытывают впечатления в течение очень

короткого времени. У младенцев эти опыты длятся чуть дольше, но у взрослых эти эффекты должны сохраняться и т. д. В худших и неизлечимых случаях аффекты или оценка не проявляются вообще. Многие шизофренические радости и печали длятся всего несколько минут. Мы остаёмся аффективно незатронутыми из-за поверхностного инфантильного характера. Это касается не только пациентов, но и нас. Если мы ведём себя как ‘нормальные’ люди, — в кавычках — то, когда мы причиняем какой-то вред, мы не забываем о нём в следующую минуту. Недостаток аффекта, недостаток ощущения — с него начинается ужас.

Мне следует вам сказать, что, если вы не проделаете работу, которая может занять недели и месяцы, вы никогда не получите главной пользы от общей семантики. Она даётся не так легко. Я подаю её просто, и вы не найдёте в ней ничего сложного, но она требует выработки экстенсиональных реакций совершенно нового типа, и выработать их получится только усердной работой.

Я постараюсь сегодня не повторяться. Вы более или менее усвоили то, что мы охватили. Запомните четыре «есть». Запомните, что «есть» предикации и «есть» тождества по экстенсии неизменно остаются ложными по фактам. Запомните, что мы сказали о важности фактов. Если вы называете трость чёрной, вы высказываетесь ложно по фактам. Вы можете составить более корректное высказывание: «Трость выглядит чёрной для меня». Вы не меняете факты, но несёте другие подоплёки; в этом заключается важность. Первым высказыванием вы передаёте ложную информацию; вторым нет. Когда мы применяем «есть», мы внутренне классифицируем наши оценки. Это происходит в связи с органическими ответами. Из-за этого мы отождествляем что-то действительное с выдумкой и переселяемся в бредовый мир — развиваем дезадаптации. Это касается и других слов, например, «яблоко». Мы применяем это название к (1) происходящему электро-химическому процессу; (2) к ‘объекту’; (3) к впечатлениям на нашем мозге; и, наконец, (4) к определению. Одним этим словом мы охватываем четыре разные вещи. Я нахожу это нездоровым. Мы не можем справиться с такой ситуацией. Никогда об этом не забывайте. Запомните, что все ‘чувственные’ впечатления носят антропоморфический характер. По-старому в нас преобладают ложные знания. Я говорю вам старые ‘мудрости’, но их никак не получится применить по интенсии. Людям, которые хотят решить свои проблемы, следует обязательно изучать экстенсиональные методы. Здесь я дедуктивно даю лишь краткое содержание курса, а вам следует идти к индуктивным источникам, кратко приведённым в Науке и здравомыслии.

Вспомните амёбу. Она среагировала на проплывавшую рядом добычу, потому что та добыча выпустила пузырьки газов, которые произвели прямые химические эффекты на амёбу. Если искусственным образом воспроизвести эти пузырьки газов рядом с амёбой, она проявит те же реакции и попытается поймать их. С человеческой точки зрения, эта реакция не кажется ‘мудрой’. Те пузырьки не имеют питательной ценности для амёбы. Реакция проявляется физико-химически. Обращайте внимание на такие животные реакции; вам удастся замечать таковые за собой каждый день. С человеческой точки зрения мы считаем это плохой оценкой. Мы говорим об организменных реакциях амёбы, и воспользуемся термином «отождествление». О тех искусственных экспериментах мы можем сказать, что организм амёбы отождествил и оценил пузырьки как пищу. Эта оценка оказалась неадекватной.

Тождества, в отличие от равенства, эквивалентности и т. д., в этом мире не существует. Поэтому при всяком отождествлении (когда амёба организменно отождествила пищу с пузырьком), надлежащая оценка становится невозможной. Когда мы позволяем себе отождествления ‘по значению’ {ценности, показателю} чего-либо с чем-либо, на человеке это сказывается пагубно и вызывает болезни. На уровне амёбы это происходит ‘естественно’, но на человеческом уровне это часто становится причиной ‘безумия’ и других человеческих трудностей. Отождествление по значению в мире не-тождества не может способствовать должной адаптации, потому что препятствует адекватной оценке. Отождествление пищи с пузырьками служит примером неадекватной оценки. Запомните, что мы пользуемся этими терминами как научными. Подходя научно, не переводите эти термины, иначе

вы создадите себе трудности. Именно так происходит в научном методе; если вы не применяете научные термины, то вы не применяете и научный метод.

Перейдём к собакам — более высоким (и сложным) организмам, чем амёба. Вы, вероятно, знаете об экспериментах Павлова, которые проводят с целью установления сигнальных реакций у собак по наблюдениям за их слюноотделением и т. д. Этим способом строят и изучают обусловленные рефлексы. Павлов написал об этом хорошую книгу. Кратко, в ходе экспериментов человек звонит в звонок, после чего даёт собаке пищу; это многократно повторяется. После определённого числа таких опытов, когда звенит звонок, у собаки начинается слюноотделение, независимо от наличия или отсутствия пищи. Это называют обусловленным рефлексом.

Здесь я хочу привлечь ваше внимание к серьёзной языковой трагедии; научной и человеческой трагедии. Позднее вы увидите, что реакции собак и людей отличаются степенями условности {degrees of conditionality}. Здесь, заметьте, я говорю об английском языке. Если вы назовёте такую условную {conditional} реакцию обусловленной {conditioned}, то под термином «обусловленная реакция» {“conditioned reaction”} вы не учитываете степени условности. Однако, если назвать её условной {conditional}, то под термином «условная реакция» {“conditional reaction”} мы можем допустить степени условности. В этом и заключается трагедия. К обусловленным {conditioned} мы не можем применить степени; мы не можем отличить человеческие реакции от животных. Павлов называл эти реакции своих собак сигнальными реакциями. На русском языке Павлов пользовался сигнальными и условными {conditional} реакциями. Пользуясь обусловленными {conditioned}, мы не допускаем степеней; термин “обусловленный” {conditioned} их исключает.[1] Из-за этого собачьи реакции отождествляются с человеческими, и вся наша работа в ОС становится невозможной. От человека мы ожидаем реакций более высокой степени, или скорее, полной, бесконечно-значной условности; и нам следует проявлять символьные оценочные реакции, а не сигнальные, как собаки. Я пытаюсь обучить вас полной условности в ваших семантических реакциях и научить вас отличать сигнальные реакции от символьных.

Вернёмся к собакам. С человеческой точки зрения, та сигнальная оценка, когда у собаки звоном в отсутствие пищи провоцировалось слюноотделение, осуществлялась неадекватно. Собака организменно отождествляла подобно амёбе из примера выше. Звон не есть пища. Пойдём с этим дальше. Нам, людям, не следует отождествлять звон или вид чего-либо с пищей и т. д., потому что в этом мы не осуществляем адекватную символическую оценку. Вы знаете, что мальчишки делают с уличными корнетистами? Они жуют перед ними лимоны, и у корнетистов из-за этого выделяется столько слюны, что они не могут нормально играть. В этом случае слюноотделение происходит без необходимости. Реализуется не-человеческая реакция, слишком низкой степени условности; иными словами, животная сигнальная реакция, а не человеческая символьная реакция.

Мы нуждаемся в адаптации и оценке — в чём-то большем, чем рефлекторные органические ответы. Теперь я приведу ещё один пример отождествления в связи с ‘безумием’. Пациент доктора Принца страдал ‘умственным’ заболеванием, и вместе с ним аллергией на травяную пыльцу. В одном эксперименте Принц вытащил из-за экрана, стоящего вблизи пациента, бумажные розы, и пациент проявил все симптомы аллергии. Организм ‘безумца’ отождествил вид бумажных роз с физико-химическим эффектом настоящих роз, потому что бумажные выглядели на них похожими. Для проявления органических симптомов аллергии на травяную пыльцу не имели место физико-химические причины, кроме организменных отождествлений, неадекватных оценок, сигнальных реакций и т. д. Эти факты показывают значительные отличия между сигнальными и символьными реакциями. Животные сигнальные реакции происходят в связи с организменными отождествлениями и, следовательно, недостатками в оценке. Человеческие символьные реакции зависят от оценки, а не от животных рефлексов. Ключевое отличие заключается в задержке

1. От редактора: См. Experimental Basis for Neurotic Behavior, с. xvi, где Уильям Гантт {William Andrew Horsley Gantt} объясняет переход от условных к обусловленным. (Paul B. Hoeber, Inc., New York, 1944.)

реакций, в ходе которой мы задействуем кору. Экстенсиональным обучением задержанным реакциям мы обучаем кору, а когда мы обучаемся экстенсии, мы автоматически осуществляем задержанные реакции. Это обучение занимает время. Нам обязательно приходится работать над этим; работать с собой. Общей семантикой мы можем улучшить жизненные показатели, потому что она представляет собой науку жизненных показателей {ценностей, значений}. Павлов говорил о необходимости постепенности и о постепенности в приобретении знаний. Он говорил, что нам следует закладывать факты в фундамент нашего знания. Он сказал, что факты следует делать основой вообще всего, что мы знаем. Он также говорил о скромности и ‘пристрастии’ в нашей работе.

Я говорил о построении ‘человеческой науки’ и об изучении ‘европейского человека’ на европейском уровне, что никто никогда не делал.

> Нам удаётся это сделать с помощью общей семантики благодаря экстенсиональным (физико-математическим) методам, что требует полного пересмотра существующих доктрин. Вышесказанным мы формулируем вызов, брошенный современной науке, который ей придётся принять, чтобы предотвратить нервную деградацию европейской расы, о которой предупреждает Каррель.
>
> Степень оправданности данного вердикта удастся продемонстрировать бесчисленными цитатами из практически всей существующей ‘научной’ литературы, но здесь я приведу высказывания лишь двух авторитетных специалистов. «Мы можем смотреть на качество ответов на сигналы, знаки или символы … как на уникальное выражение интегрирующей функции высочайшего типа. Это качество, обозначенное термином ‘сигнализация’ (Павлов) ИЛИ ‘символизация’ (А{дольф} Мейер) мы рассматриваем как общую закономерность всех обусловленных ответов, которые могут разительно отличаться и т. д». [Archives of Neurology and Psychiatry, май 1935, с. 1033.]
>
> Эмпирическая эффективность общей семантики зависит, помимо прочего, от амплификации животной рефлексологии Павлова до человеческого уровня за счёт внедрения «степеней условности» (см. Наука и Здравомыслие, сс. {оригинала} 328, 332-343), на которые обратил внимание пока только один психиатрический обозреватель в Archivio Generale di Neurologia Psichiatria e Psicoanalisi, № 1 и 2, Том. XVI, 1935. Термин ‘обусловленные’ {‘conditioned’} реакции видится некорректным и обманчивым, потому что: (1) Всякую реакцию что-то обусловливает, и (2) ‘обусловленным’ {‘conditioned’} реакциям не удаётся присвоить степени, необходимые для отличения животных реакций от человеческих, а также, в значительной мере, ‘здоровые’ от патологических человеческих реакций.
>
> В ОС мы имеем дело с абсолютными индивидуумами: Смитом$_1$, Смитом$_2$ и т. д., и нам следует чётко отличать животные ‘сигнальные’ рефлекторные реакции низкой степени условности от человеческих ‘символьных’ реакций, которые реализуются в связи со ‘значением’, оценкой и т. д, потенциально полной, бесконечно-значной условности.
>
> ‘Умственно’ больной пациент Принца с аллергией на травяную пыльцу, который произвёл приступ при виде бумажных роз (Наука и здравомыслие, с. 128) демонстрирует оба тезиса: (1) Низкую степень условности его реакций и (2) животные, рефлекторные или человечески больные ‘сигнальные реакции’ при виде бумажных роз.
>
> Таким образом, даже в серьёзных докладах 1935 года, ‘символы’ приписали собакам, реакции Смита$_n$ приписали собакам, а собачьи ‘сигнальные’ реакции приписали Смиту$_n$. Если мы примем термины ‘обусловленный’ {‘conditioned’} и ‘сигнальный’ ИЛИ ‘символьный’, мы исключим возможность лечить Смита$_n$ на уровне европейского человека. Термин ‘обусловленный’ {‘conditioned’} препятствует рассмотрению степеней условности характерных для здоровых человеческих реакций.
>
> Таким отождествлением («ИЛИ») «сигнальных» с «символьными» мы приписываем человеческие реакции собакам и способствуем приписыванию животных реакций человеку, чем успешно препятствуем возможности отличать ‘здравомыслие’ от ‘безумия’ и лечить человека на человеческом уровне. Животный рефлексолог из-за подобного ‘смешения языков’ и неспособности распознать степени

условности, приписывает реакции собак людям, чем исключает возможность лечения людей по-людски и теории здравомыслия. Вам удастся найти множество других примеров.[2]

2. Выдержка из «Невро-семантические и невро-языковые механизмы экстенсионализации» Альфреда Коржибски (American Journal of Psychiatry, Vol. 93, № 1, июль 1936).

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Я только что вернулся из Чикаго и принёс хорошие новости: люди, которые работают над своими проблемами, получают пользу от нашей работы. Если работают они, работает и общая семантика.

Доклады врачей тоже вселяют радость. Я работал со студентами, а врачи с пациентами, которые казались безнадёжными, но методы ОС сработали. Я не знаю способа внушить вам, что удержать здравомыслие в ‘европейском мире’ вы можете только одним способом — осознав механизмы. Иного способа не существует. Как только мы составили представление о механизмах здравомыслия и осознанно за них ухватились, мы можем их целостно применять. На настоящий момент, в 1937 году, иного метода не существует. Мы редко нуждаемся в психиатрии, когда знаем факторы здравомыслия. Большинству из вас молодых, свободных и беззаботных людей стоит знать, что вы такими не останетесь. Вам придётся адаптироваться к новым факторам, требующим ответственности. Однако, если вы пойдёте навстречу жизни, осознавая причастные проблемы и работая с ними, вашей наградой за это станет адаптация. Если вы не знаете, как управляться с жизнью, вы приведёте её в беспорядок, а себя сделаете несчастными. Я не просто болтаю, а привожу статистическую сводку событий в жизни многих людей. Вы не можете справиться с ситуацией, если не знаете, как с ней справляться. Исследуйте ‘факты’. Верить или не верить здесь ничему не приходится. Исследуйте.

Не исследовав ‘факты’, вы к ним не адаптируетесь. Учитывая схожесть структуры между территорией и картой, нам обязательно следует знать что-то о территории и о составлении карт. Если вы хотите что-то знать о себе, вам следует знать что-то о своей биологической, физиологической, неврологической и т. д. структуре. На настоящий момент в школах вам не преподносят эти вещи как факторы здравомыслия и не показывают, как применять полученные знания. Это обязательно следует делать. Запомните, что цель образования не состоит в том, чтобы набить вас бессмысленными ‘фактами’. В короткий срок обучения в колледже студенты могут, и им стоит, в значительной мере усвоить научный метод, а не только технику ‘фактов’. Одну только эту технику для применения в лаборатории не получится основательно и полезно применять в жизни; в жизни получится применять метод. В ОС мы всецело полагаемся на современный научный метод, а не на конкретную технику, хотя мы разрабатываем собственные техники. В науке положительные теории могут оказаться ненадёжными, но новые отрицательные результаты становятся положительными, иными словами, они показывают невозможность, ложность по фактам, бесполезность и т. д. старых. Не следует ожидать, что вам удастся приспособиться к современной жизни, которая на деле формируется под воздействием физико-математических наук, если вы не знаете ничего о динамической структуре мира или собственной коллоидной структуре и т. д. Не следует рассчитывать, что получится узнать что-то о чём-то, если вы не знаете о перечисленном; или, мне стоит сказать, хотя бы о перечисленном. Мы не можем справляться с собой и своими жизнями в мире, который полностью отличается от наших убеждений. Мы не сможем разобраться со своими жизнями, если не знаем ничего о себе. Осёл завещал бы: «Никогда не поступай иначе, чем твои родители. Что устраивало старого осла, устроит и молодого». Человеку следует завещать: «Никогда не поступай, как поступали родители. Поступай лучше».

Живём ли мы в век осла или в век современного человека? Вы учитесь в колледже, поэтому не можете позволить себе выйти за грань цивилизации. Если вы не знаете или имеете искажённое представление о методе, то ваше ‘знание’ ‘фактов’ не поможет. Мы не сможем адаптироваться по-человечески, если не избавимся от ослиных стандартов. Мы не сможем развивать науку, если продолжим придерживаться младенческих и ослиных убеждений. Образование следует направлять на преобразование младенца во взрослого, адаптировавшегося

человека. Учитывая, что жить собственную жизнь вам предстоит самостоятельно, стоит поработать некоторое время, чтобы получить пользу от новых методов и экстенсионализации.

Нам стоит обратить особое внимание на одно из базовых отличий нового от старого. То, что мы видим относительно ‘трости’, которую я держу, происходит только через наши головы. Я держу в своих руках электронный процесс, который действует только как стимул для нашей нервной системы, оставаясь полезным иными аспектами. То, что мы видим, представляет собой внешнюю выдумку, ‘настоящую’ только в наших головах. В моих руках находится что-то, что представляет процесс, подробности которого мы не видим. Человеческая трагедия сегодня заключается в том, что мы обладаем знаниями, но никогда их не применяем, потому что новое знание не получится применить по старым дву-значным интенсиональным ориентированиям. В этом состоит ужас всего этого, и работникам образования следует об этом знать. Мы знаем много, но никогда не применяем. Поймите, что всем сказанным я передаю простейшие знания, известные большинству, но это же большинство их никогда не применяет.

В ОС мы применяем то, что знаем. В знаниях, которые я пытаюсь вам передать, вы не найдёте ничего нового или сложного; их принимают стандартно. Однако показать я пытаюсь, как применять то, что мы знаем. Цель образования состоит в том, чтобы сделать из вас не простого техника, а счастливого, приспособленного взрослого человека. Вас следует учить применять свои знания. Обучение физике, математике и т. д. не приносит пользы, если их не применять — не применять по-человечески. Старый инфантильный и всецело антисоциальный девиз «наука ради науки» больше не получится оправдывать. Если мы преподаём научный метод, мы можем справится с остальным самостоятельно. Одних только техник нам не хватит; очень важную роль для нас играют научные методы, потому что мы можем применять их везде. Это касается всей будущей программы образования. Метод, метод, метод играет роль гораздо важнее, чем техника. В некоторых отдельных случаях нам требуется определённая техника, но её не хватает. Я обращаю внимание здесь на общее усвоение научного физико-математического метода, применимого к жизни.

Сегодня я перехожу к важнейшей проблеме, которую называю естественным порядком оценки. Хотим мы того или нет, мы живём в этом мире и нам придётся адаптироваться к нему или сгинуть. Просто потому, что мы живём в нём. В местной воде содержится железо. Нравится вам это или нет, вы к нему адаптируетесь. Мне иногда приходится есть сандвичи, и мне приходится адаптироваться, когда я узнаю, что парнишка, который мне их приносит, уехал к родителям, и поэтому ланч я не получу. В этом заключается искусство жизни — в адаптации. Это касается всех присутствующих. Искусство жизни. Адаптируйтесь к данным обстоятельствам, даже если вам хочется есть. Парень, с которым мы договорились, чтобы он приносил мне ланч, оказывается занят, или забывает, или уезжает из города. Я хочу есть. С такой ситуацией приходится сталкиваться. Я не вижу причин испытывать что-то неприятное в отношении этого чертёнка, если ему приходится уехать из города и он не просит никого другого принести мне сандвич. Я говорю серьёзно; привожу настоящий пример. Иногда он обо мне забывает, — о том, что я действительно хочу есть — но я не обижаюсь благодаря тому, как это оцениваю. Я понимаю, что ему пришлось уехать из города.

Оценка предполагает понимание данной ситуации; вы можете затянуть ремень на своём животе. Живот не есть всё. Мы осуществляем другие виды оценки — не только в связи со своими животами. Вопросы пищи, удобства и т. д. не играют роли важнее, чем проблемы оценки в общем. В этой стране уделяют больше внимания физическим удобствам, чем любому другому виду оценки. Мне это кажется трагичным. Человеческое ‘счастье’ едва ли имеет к этому отношение. На старом Континенте мы можем голодать, испытывать всяческие неудобства, но жить ‘счастливее’, чем вы здесь с полными животами и т. д. Если вы хотите добиться лучшего здесь, вам придётся уделять меньше внимания своим животам, ваннам и т. д., и больше внимания общей оценке человеческого время-связывания, взаимоотношениям. С нами, на человеческом уровне могут случиться вещи хуже и

страшнее измора. К этому сводится вопрос образования, культуры и цивилизации. Случаются беды хуже простого голода. Мы принимаем их во внимание в ОС.

Эта трость лишь представляет электронный процесс. Этот процесс действует как стимул для нашей нервной системы. Процессуальному характеру следует придать высокую важность. Мы не видим этот процесс, потому что своими глазами из ‘вращающихся лопастей’ абстрагируем только ‘диск’. Вы видите диск там, где диска не существует. Увиденная трость представляет собой лишь физиологическую абстракцию. То, что жизнь абстрагирует из фактов среды, следует принимать как базовый фактор жизни. Для моей ходьбы не имеет значения, состоит эта трость из электронных танцев с некоторым постоянством, или происходит как некоторая инвариантность функции, или существует как ‘твёрдое тело’. Этот процессуальный характер мы сегодня называем ‘реальностью’, и знаем о нём благодаря науке уже 40 лет, но никогда не пользуемся им как типом ориентирования; нам не дают это делать дву-значные условия. Для этого требуется полностью отойти от старого и начать ориентироваться бесконечно-значно. Прежний ‘объективный’ взгляд оказался ошибочным. Мы не можем полагаться на то, что видим. Оно не есть ‘реально’ — в кавычках. Что тогда ‘есть реально’?

Термин ‘реальный’ я нахожу поразительным. Попробуйте своим языком осмыслить ‘реальность’ ‘реальности’. Не забывайте, что в каждом из нас в этой аудитории и в тех, кто в ней отсутствует, работают определённые механизмы, и, прежде чем они начнут работать как полагается, нам следует усвоить простейшие принципы физиологии. Вся психиатрия основывается на адаптации к ‘фактам’, адаптации к ‘реальности’, поэтому, если мы не можем решить проблемы ‘фактов’ и ‘реальности’, мы идём из ниоткуда в никуда. Как европейская раса, как здравомыслящая раса мы продолжаем идти из ниоткуда в никуда и не можем ухватиться за значение ‘реальности’ или ‘факта’. Вся психиатрия и всё здравомыслие зависит от адаптации к ‘фактам’, и нам придётся исследовать, каким путём мы можем выявить ‘факты’ и ‘реальность’. Вспомните историю о той психиатрше, которая рыдала и спрашивала: «Что есть факт?», «Что есть реальность?». Вы это узнаете и вам не придётся рыдать из-за таких условий, потому что вы осознаете трудности ‘фактов’ и ‘реальностей’, с которыми, если их понять, удастся совладать.

Теперь я перейду к естественному порядку оценки — ключевому моменту ОС, который хочу, чтобы вы уяснили тщательно. Каждый в этой комнате оценивает определённым образом, например, эти лекции. Эту оценку мы осуществляем часто лично, но нам также следует оценивать безлично {беспристрастно} и смотреть на века вперёд. Просто для примера предположим, я спрошу одного студента, что он думает о лекциях, и он ответит: «Всё это обучение бесполезно». Другой товарищ сочтёт работу важной. Мы получим разные мнения. Один сказал при определённых условиях одно, другой сказал противоположное. Какое мнение нам считать правильным и как мы можем проверить это мнение? В нашей ситуации живой человек читает вам ряд лекций, о которых высказались как о «плохих» и «хороших». Кто примет окончательное решение и, спрашивается, какую человеческую ценность несёт моя работа. Решение определят эмпирические результаты и история, и здесь вы увидите, что личные мнения не имеют значения. История выступит судьёй на основании эмпирических результатов. Наши личные мнения не имеют значения. Я рассмотрел проблему оценки.

Теперь нам следует перейти к расовой оценке, - которую мы называем «наукой» - а не личной. Нравится вам это или нет, но мнение не имеет значения. История покажет ценность или бесполезность данной теории. В науке мы судим по прогнозам, проверенным фактами. Мы применяем этот метод конструктивно, но не достигаем окончательных результатов. Никакой окончательности не существует; и это я говорю окончательно (разные порядки абстракций). Никогда не говори «никогда» и никогда не говори «всегда». Окончательная ‘окончательность’ состоит в том, что ‘окончательности’ не существует, потому что в жизни, как мы её знаем, вещи происходят как в сопоставлении с прогнозируемостью всякого вида. Максимальная прогнозируемость не может следовать старой дву-значной

определённости {достоверности}, но обязательно следует максимальной вероятности.

Я представляю вам новую форму оценки. В основах нашего образования существуют проблемы оценки с тем, что я называю естественным порядком оценки. Он стоит в центре ОС и экстенсионализации. Тем, кто действительно интересуется ОС, придётся много учиться и тренироваться. Только тогда ОС начнёт работать.

Мы поговорим об отношениях. Существует много видов отношений, и здесь математика и логика сближаются. Мы разберём только один особенный вид, важнейший в наших целях. Возьмём отношение [братьев-и-сестёр].[1]

Если А приходится [братом-или-сестрой] В, то В приходится [братом-или-сестрой] А. Отношения такого вида мы называем симметрическими. Просто в силу того, что, если А есть [брат-или-сестра] В, В есть [брат-или-сестра] А; иными словами, мы можем обращать это отношение. Другой вид отношений: если А приходится отцом В, В никогда не приходится отцом А. Это отношение мы обратить не можем. Тип этого отношения мы называем асимметрическим. Мы можем обратить симметрическое отношение, но не можем обратить асимметрическое. Я иду очень медленно, потому что мы рассматриваем ключевую проблему. Передо мной сидят две девушки. Девушка один понимает больше, например, в барабанах, чем девушка два. Мы не можем обратить это отношение; значит, асимметрическое отношение. Среди математических отношений вы найдёте большинство асимметрических — основанных на больше или меньше. Если А больше В, или если В меньше А, то В никогда не может быть больше А. Это распространяется на все асимметрические отношения. Все отношения, основанные на «больше» или «меньше» мы относим к асимметрическим по определению. Следовательно, они не поддаются обращению. Обращению поддаётся симметрическое отношение. Когда вы оцениваете, вы участвуете во взаимодействии асимметрических отношений «больше» или «меньше». Именно поэтому мы придаём такую важность асимметрическим отношениям — потому что они лежат в основе всякой оценки, и мы не можем их обращать.

Мне едва ли удастся передать вам словами важность того, что асимметрические отношения не поддаются обращению, и что вся оценка зависит от асимметрических отношений; если вам нравится А больше В, вам не может нравиться В больше А. Из этого следует, что оценка зависит от асимметрических отношений, и что они не поддаются обращению. Одна из серьёзных трагедий человечества складывается на том, что мы обращаем естественный порядок оценки.

В ОС мы работаем над тем, чтобы вернуться к естественному порядку оценки, каким мы его видим в современном научном методе. Вы видели те комочки белого вещества, которыми подслащают кофе. Это не сахар, и мы не оцениваем его как пищу. Оно обладает белым цветом, даёт сладость, но не приходится пищей {для организма}. Это не есть сахар. Вы видели яблоко, но яблоко, которое вы видите проходит через вашу голову, вашу нервную систему. Вам обязательно следует индексировать, датировать и т. д. яблоко, потому что это яблоко через месяц может оказаться сгнившим. Здесь нас интересует применение индексов и дат. Представьте, что я бы мог сделать искусственное ‘яблоко’, которое бы выглядело, давало вкус и пахло как яблоко, но не являлось яблоком. Представьте, что вы проголодались, и я даю вам это искусственное ‘яблоко’, которое полностью соответствует вашему определению яблока; ваш желудок это ‘яблоко’ не захочет. Он хочет ‘настоящее’ яблоко — физико-химический процесс. Запомните, желудок, а не ваше видение или обоняние. Искусственное ‘яблоко’ желудок не удовлетворит, потому что он хочет процесс, а не абстрагированный ‘объект’. При естественном порядке оценки мы придаём больше важности процессу, чем объекту, абстрагированному нашей нервной системой. Процесс играет роль важнее, чем так называемый ‘объект’. Иными словами, то, что мы абстрагировали своими ‘чувствами’ не есть то, в чём мы нуждаемся или чего хотим. Мы хотим и нуждаемся в пище и т. д., а не в том, что выглядит как сахар и т. д.

Я привёл пример с яблоком для наглядности, но этот анализ получится применить общим образом и к чему угодно. Естественный порядок оценки становится ясен; на

1. {В оригинале употребляется слово „siblings“ — дети одних родителей; родные братья или сёстры.}

деле мы нуждаемся в физико-химическом процессе, а не в нервных абстракциях, которые называем ‘объектом’. То, что вы видите как ‘яблоко’, относится только к ‘объекту’ — только к ‘чувственному восприятию’, а не к ‘реальности’ вне нашей кожи. Даже если вы в кого-то влюбились, значение имеет не объект-парень {или девушка}, не ‘человек’ как мы его видим, а живущий процесс. В общем, физико-химические процессы мы считаем важнее так называемых объектов.

Процесс, как и оценка, происходят в связи с асимметрическими отношениями.

Мы сделали один шаг в иерархии естественного порядка. Событие, электронные танцы, или физико-химический процесс играет роль важнее, чем нервная абстракция, которую мы создали абстрагированием, обобщением и т. д., и неврологическим построением объекта. Всегда помните об этом.

Теперь поговорим о принятии жизни как она происходит. Вы проголодались; вы хотите яблоко. Я могу подсунуть вам синтетическое ‘яблоко’, но оно не утолит ваш голод. Поэтому процессу мы придаём большую важность, чем объекту. Теперь я начинаю говорить с вами о яблоке-объекте. Разговор не утолит ваш голод. Поэтому 2) объект по важности идёт прежде, чем слова. Мы сказали, что считаем процесс более важным, чем объект — помните, что оценка всегда представляет собой асимметрическое отношение. Что оказывается более важным, когда вы проголодались, яблоко-объект или определение? Проверьте, если вы ещё не убедились.

Вы понимаете разницу между описаниями и заключениями? Из описаний мы делаем выводы, которые называем «заключениями». Я хочу донести вам, что 3) описание мы считаем более важным, чем заключение. Если от заключений низкого порядка мы переходим к заключениям высокого порядка и так далее, каждым заключением порядка ниже мы высказываемся ближе к фактам, в сравнение с заключениями порядков выше. Заключение более низкого порядка находятся ближе к фактам, чем заключение высокого порядка. Иными словами, 4) заключение низкого порядка по важности или надёжности идёт прежде, чем заключение высокого порядка.

Так мы получаем точный естественный порядок оценки, который впервые удаётся передать с помощью структурного дифференциала через все доступные и уникально важные в обучении ‘чувства’: слуховые, зрительные, осязательные и кинестетические. Таким образом:

Естественный порядок оценки

1) Физико-химический, электронный процесс, более важный, чем:
2) ‘Объект’, нервная абстракция через мозг, более важный, чем:
3) Словесные уровни или описания, более важные и надёжные, чем:
4) Заключения низкого порядка, более важные и надёжные, чем:
5) Заключения высокого порядка, и т. д., и т. д.

Стоит помнить, что простейшие и самые надёжные описания мы составляем на физико-математических языках и высказываемся ими ближе всего к ‘фактам’. Заключениями, которые мы уже относим к абстракциям высоких порядков, мы отдаляемся от ‘фактов’; чем более высокого порядка мы делаем заключения, тем менее надёжным становится каждое последующее. Так происходит в наших повседневных не научных ориентированиях, но не в современных точных науках, где выведенные {в заключения} данные считаются более важными, чем простые примитивные, антропоморфические, выдуманные (по отношению ко внешнему миру) ‘данные чувств’.

Мы констатировали базовый естественный порядок оценки, основанный на эмпирических наблюдениях ‘фактов’ жизни и НАУКИ, которая представляет ничто иное, как некоторую форму ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ и, следовательно, становится формой жизни. С этим мы подходим ко ‘время-связыванию’, при котором накопление ‘расового опыта’, называемого «наукой», в человеческой жизни становится более важным, чем личные индивидуальные мнения.

Здесь мы констатировали чётко определённый ЕСТЕСТВЕННЫЙ, экстра-невральный, экстра-личностный и т. д. порядок оценки посредством НАБЛЮДЕНИЯ ‘фактов’ действительной жизни, которая ВКЛЮЧАЕТ науку как ‘факт’ человеческого поведения и реакций. В следующей лекции я покажу вам, что при наших нынешних ориентированиях и семантических реакциях мы обращаем естественный порядок оценки. Худшим видится то, что в наших семьях, а также в школах и университетах с их методами образования нас учат этому патологическому обращённому порядку оценки, что делает достижение здравомыслия практически невозможным.

С прояснением этих вопросов, проясняется и будущие методики образования. Ради здравомыслия и адаптации мы должны обратить преобладающий обращённый порядок к ЕСТЕСТВЕННОМУ ПОРЯДКУ ОЦЕНКИ, и тем самым предотвратить так называемые ‘умственные’ заболевания у молодёжи и, в конечном счёте, помочь тем, кого они уже одолели, включая шизофрению, инфантилизм и т. д.

ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Вспомним, что наша адаптация к жизни зависит от прогнозируемости, которая зависит от схожести структуры. Я показал, что, применяя элементалистические языки к не-элементалистическим фактам, мы не можем добиться этой прогнозируемости. Теперь мы продолжим исследовать естественный порядок оценки. Мы все оцениваем вещи и людей, например, эту школу, своих друзей, себя или меня по-своему. Это относится к личной оценке. Нас интересует, на чём она основывается. Мы не знаем, поэтому давайте посмотрим. Без исследования мы не можем говорить о пригодности своей оценки. Иными словами, нам придётся поискать факторы оценки, которые мы сможем назвать более или менее её обосновывающими. Если мы называем что-то естественным порядком оценки, это следует проверить. Это означает, что мы составляем более чёткое представление о факторах оценки. Если у нас это получится, то мы чего-то добьёмся. Я хочу, чтобы вы поняли, что мы вышли на уровень естественного порядка оценки, который можем проверить, за счёт чего сможем установить чёткий ориентир.

Сегодня я покажу, что по стандарту нашей повседневной оценки мы обращаем естественный порядок оценки. Старая психотерапия – ‘излечение’ безумных – осуществляется так, потому что в ней тоже приходится иметь дело с обращённым порядком; наша задача сводится к восстановлению естественного порядка. На это, однако, требуется тратить месяцы, порой годы. Физико-химический состав искусственного яблока подпадал бы под все так называемые ‘чувственные’ восприятия и определения, но это яблоко не подошло бы нам. Мы, тем не менее, охватили бы все так называемые ‘чувственные’ восприятия. Мы бы сказали: «Это {есть} яблоко», но это яблоко не есть. Нас как живущих существ интересует вопрос, знаем ли мы, что физико-химические процессы, которые мы не видим, идут по важности прежде объектов, которые мы видим. Иными словами, мы прежде придаём важность асимметрическому отношению. Всегда помните, что асимметрические отношения не подлежат обращению, потому что, если вы их обращаете, вы сразу создаёте себе проблему. Если вы говорите, что А больше В, то В никогда не больше А. Вы не можете поменять их местами. Вы устроите беспорядок, если это сделаете. Запомните, что к асимметрическим отношениям относятся те, которые представляют для нас наибольшую важность в мире, и мы создаём проблемы, когда обращаем их. Если мы обращаем естественный порядок оценки, то не можем рассчитывать, что останемся счастливыми, адаптированными, ‘умными’ и т. д.

Я пойду по объяснениям медленно и попрошу со мной сотрудничать. Учитывая важность, с этим не следует спешить. Вы как класс когда-нибудь задумывались о том, что физико-химический процесс важнее, чем объект? Вам когда-нибудь приходилось задерживаться в своих рассуждениях на важности того, что объект не имеет значения, тогда как физико-химический процесс имеет? Как мы, остальные, оцениваем? Вам когда-нибудь говорили о важности физико-химического процесса? Что бы вы тогда знали об объекте? Разве не объект вы всегда расценивали как важнейшую для вас вещь? Я верно говорю? Нет! Разве вы не видите обращённый порядок? В вашей оценке объект остаётся важнейшим, потому что вы не знаете, как оценивать лучше. Не так ли это происходит по жизни? Как вы оцениваете своего возлюбленного; как объект или как процесс? Он в один день отличается от себя в другой день? Если бы вы осознавали процессуальный характер возлюбленного, приходилось ли бы вам так часто разочаровываться? Вы это видите? По-старому мы считали объект самым важным. Мы правильно считали? Не обращаем ли мы так естественный порядок оценки? Можем ли мы считать это разумным?

Я хочу, чтобы до вас дошло, что, когда вы говорите о своей зубной боли, ваша зубная боль, как вы её оцениваете, остаётся не-произносимой. Что бы вы ни сказали не есть зубная боль и не охватывает её. Вам следует осознать, что,

применительно к ‘ощущению’ то, что вы напрямую ‘ощущаете’ не есть то, что вы говорите. Это доходит очень тяжело. Скажем, я вам нравлюсь или не нравлюсь. Например, я сказал что-то, что вызвало у вас протест, и вы испытываете по этому поводу резкие ощущения. В жизни такое случается. Это прямое ощущение не есть то же самое, что вы говорите. Мы постоянно отождествляем. Мы отождествляем прямое ощущение со словесным выражением. Испытывая прямые ощущения, мы отождествляем уровень объекта с тем, что говорим, и на этом у нас возникают настоящие неприятности. В тему разговора о естественном порядке оценки, давайте поговорим о вашей зубной боли. Я не желаю вам ничего плохого, но мне бы хотелось, чтобы у всех вас заболели зубы, чтобы вы знали о чём я говорю. Эта зубная боль, о которой вы говорите не есть то, что вы ощущаете напрямую. Когда мы словесно выражаем прямые ощущения, мы часто отождествляем зубную боль со словами. Вы высказываетесь словесно и вам кажется, что ваши высказывания есть ваши ощущения. Доходчиво объяснять это приходится с большим трудом. Мы не отождествляем, или отождествляем редко, слово ‘стол’ вот с этим (указывает на стол). Однако зубную боль вы оцениваете не такой объективной {как стол} и, когда говорите о ней, вы отождествляете с ней слова, а слова не есть она. ‘Объективное’ {на уровне объекта} ощущение реализуется ‘зубной болью’, но под ним, как его ‘причинный’ фактор, происходит физико-химический процесс. Я хочу вам донести, что ваша действительная зубная боль носит объективный характер, но под ней происходит физико-химический процесс. Помните, что мы говорим о ‘фактах’. Я надеюсь, эта проблема до вас доходит. Когда я вам что-то говорю, и вы спешно срываетесь на слова, вы создаёте себе неприятности. Вы выговариваетесь и потом чувствуете себя ‘лучше’, — в кавычках — но вы попросту словесно оформляете ощущение. Мы не можем сделать из этого настоящее ощущение. Вы видите, что, когда мы заступаем в область прямых личных ощущений, мы полагаемся на слова и пренебрегаем тем, что на деле происходит. Мы присваиваем большее значение словесной форме ощущений, чем самим ощущениям. Прямой ответ ощущения идёт прежде по важности, чем то, что вы можете о нём сказать. Вы вздрогнули, когда я дал пощёчину девушке в рамках эксперимента, потому что заполнили себя словесными доктринами об обратном. В случае, когда вы вздрогнули, кто-то другой с другим набором доктрин не вздрогнул бы; и доктрины мы храним словесно. В повседневной жизни, не говоря о столах, стульях, яблоках и т. д., мы всегда отождествляем свои словесные формы с своими прямыми ощущениями. И здесь мы выявляем ужас ситуации, потому что автоматически мы оцениваем не прямые ощущения, а их словесные формы, которые не есть ощущения.

Иными словами, в естественном порядке оценки ощущение мы считаем более важным, чем словесное выражение о нём. Мы отождествляем то, что говорим с тем, что ощущаем. Когда мы это делаем, мы не задействуем задержанных реакций. Мы придаём словесному уровню больше важности, чем уровню объекта. Так проходит обращённый порядок. Приведите описание чего-либо; например, эта девушка сегодня оделась в красное платье. Если бы я испытывал трудности с восприятием цветов, я бы видел это платье зелёным. В этом заключается субъективный аспект описания. Каждый из вас видит вещи по-разному. В этом заключается субъективность — абстракции создаются через голову. Теперь, когда я составил некоторые описания, и начинаю выводить заключения, описание так называемого ‘факта’ остаётся более надёжным, чем заключение. Мы так или иначе имеем дело с оценкой, но описание считаем более важным и более надёжным, чем заключение. Если мы работаем с несколькими порядками заключений, заключения низкого порядка остаются более надёжными, чем заключения высокого порядка. Так идёт естественный порядок оценки. Один уровень остаётся важнее другого. Я говорил о доктринах всякого рода. Все они отличаются и относятся к заключениям высокого порядка. Мы реагируем не на описания, а, скорее, на заключения, как на основания для прямых действий. Иными словами, в личной жизни заключениям мы придаём больше важности, чем описаниям, чем полностью обращаем естественный порядок.

В научном методе мы начинаем с описаний простейшими терминами. В жизненном ориентировании мы так не делаем. Мы начинаем с заблуждений, которые нам вбивают в яслях. Мы ориентируемся по заключениям высоких порядков, совершенно ненадёжным, потому что они следуют из не-существующих описаний, выдуманных описаний и т. д. Вы можете представить себе здравость этих заключений. Трагедию наших жизней мы находим там, где живём, обращая естественный порядок оценки. Нам также следует осознать процессуальный характер ‘материи’ и коллоидный характер жизни. Мы этого не знаем, поэтому нам нечего делать в колледже. Всё это выглядит как современный детский сад, и вам следует это знать.

Я хочу вас предупредить. Мы носим большое количество знаний, которые никогда не применяем. Я скажу вам больше. Я работал со студентами, выпускниками университетов со знаниями по физике и по физиологии под стать моим, но они никогда не применяли то, что знали, а когда я пытался заставить их применить то, что они уже давно знали, они выходили из себя. Они не могли это терпеть. Они не могли терпеть применения того, что всё это время знали. Мы не испытываем нехватки знаний. Мы знаем много, но редко применяем то, что знаем. Так происходит по всей жизни. Я хочу подвести вас к полной убеждённости и осознанию естественного порядка оценки. Вам придётся его принять или отрицать. Иного выбора я вам не предлагаю. И не надо «ля-ля»; примите или отрицайте.

Я озвучу ещё раз, как проходит естественный порядок оценки. Физико-химический процесс более важен, чем объект. Затем, объект более важен, чем описание или определение; описание более важно, чем заключение; и наконец, заключения высокого порядка менее важны и менее надёжны, чем заключения низких порядков.

Большей частью мы живём по обращённому порядку. Не следует считать себя классом белых воротничков. Задумайтесь о полутора миллиардах человечества, которых вы никогда не видите и о которых не думаете. Они тоже в этом нуждаются. Они не знают ничего ни о физико-химических процессах, ни о коллоидных процессах, а только об объекте. С их точки зрения, объект является самым важным. Уровень обезьян. Вы не донесёте ОС горилле. Вы видите, что до вас это доходит с трудом, но тем временем, считаетесь европейскими людьми высокого сорта. Вы можете представить, что донести такое до гориллы не представляется возможным. Наши нервные системы произвели науку, и они примут науку. Наш мозг её принимает, но горилле не хватает способностей, чтобы принять науку. Мозг европейского человека на деле отличается по коллоидной структуре и функции от других мозгов. Я видел диаграммы с изображением васкулярности — кровеносных сосудов в мозге. У гориллы в данной части мозга может находится, например, пять кровеносных сосудов, тогда как у примитивного человека в той же части может находится гораздо больше сосудов. Из этого следует другое питание {мозга}, пища, энергия. Если сравнить европейского идиота с примитивным человеком, у первого в той же части мозга окажется больше сосудов. Если сравнить с ними взрослого европейского человека, так называемого ‘нормального’, та же часть, окажется буквально заполненной кровеносными сосудами. Это показывает количество питательных веществ, которые получает нервная система, и то как запас энергии на продуктивность отличается между типами. Это позволяет понять, о какой идиотской выдумке мы говорим, когда говорим о ‘человеке’, при том, что нервные системы настолько отличаются.

Теперь, когда мы рассмотрели естественный порядок оценки, перейдём к своего рода обобщённой форме применения того, что мы разобрали на прошедших лекциях. Мы множество раз повторили вещи, в которых вы не найдёте ничего нового; всё, что я сказал, относится к старым знаниям. Во-первых, организм работает как-целое. Мы никак не можем отделить организм, даже как-целое от некоторой среды. Следовательно, формулировки ‘организм-как-целое’ не хватает, потому что мы не включаем в неё среду. Поэтому в ОС мы стремимся обращаться не-элементалистически, шире, чем организм-как-целое. Мы прилагаем усилия, чтобы составлять формулировки, которые включают среду.

Тем, кто хочет продолжать изучение самостоятельно, я вновь рекомендую прочесть книгу {Principles of} Topological Psychology {Принципы топологической психологии} Курта Левина. Топологическим методам, несмотря на их достойный математический статус, не находили применения до этой работы. Топология основывается на отношениях между частями и целыми. Вы можете прочесть эту книгу без обучения математике. В ней не задействуется традиционная математическая техника, но вы научитесь общему методу включения частей в целое, что удастся применять ко всему человеческому, и это всё стоит на хорошем математическом методе. Говоря о применимости, эта книга делает первый шаг в сторону широчайшего применения математики и экстенсиональных методов к человеческой жизни. Так что нам следует не только учитывать, что нервная система работает как-целое, но и включать внешнюю и внутреннюю среды.

Сегодня мы узнали больше того, что лежит в основах, но скрывается за устаревшим словоблудием. Профессор Паркер из Гарварда экспериментальным путём показал, что нервные окончания производят то, что он назвал какими-то гормонами. Вы знаете о гормонах – секрете из желёз. Такое словоблудие создаёт осложнения в вопросах о нервной деятельности. Мы не можем говорить языком гормонов, или секрета желёз, о нервных окончаниях. Применяйте корректный язык к ситуации. Мы не можем правомерно говорить о гормонах на нервных окончаниях, потому что на них отсутствуют железы. Однако, что мы можем сказать о коллоидах? Нервы проводят электрические токи. Следовательно, мы могли бы выявить заряд или, скорее, чётко определённую полярность; а если имеет место полярность, и электричество проходит через нерв, то мы имеем дело с новой коллоидной конфигурацией. Она бы происходила примерно как ‘химический’ процесс, который не удалось бы изолировать, потому что она останавливается, как только вы перекрываете ток, но в данный момент она может действовать как химикат, возможно, подобно гормону. Имеются едва заметные отличия, но вы видите до какой степени они усложняются и до какой степени нам следует их рассмотреть, прежде чем мы сможем разобраться с поступающими проблемами.

В своём подходе к нервной системе, нам следует обязательно учитывать организм-как-целое. Как-целое в каждом смысле и каждой известной нам важной подробностью. Именно поэтому мы не можем пренебрегать средой как её обычно понимают. Среда включает воздух, воду и т. д. От невро-языковой и невро-семантической сред у вас тоже не получится сбежать; этим полностью пренебрегают. Можете ли вы на секунду себя представить вне невро-семантической среды? Мы не можем существовать свободно от той или иной оценки. Вся наша жизнь изобилует оценкой. Мы применяем некоторые стандарты оценки, невзирая на то, что можем этого не осознавать, потому что мы по ним совершаем поступки.

Из эмбриологии (помните, что сейчас я говорю полностью элементалистически) мы знаем, что глаз представляет собой не орган ‘чувств’. Эмбрион начинает с небольшой шишки в нервной системе; затем мы наблюдаем, что она удлиняется. Шишка удлиняется и становится глазом. Глаз не есть так называемый ‘орган’, а представляет собой непосредственную часть мозга. Вещи, которую мы называем ‘глазным нервом’ не существует – существует только зрительный тракт, который напрямую соединяет внешнюю часть мозга – глаз – с остальным мозгом. Мы, однако, не можем сказать это применимо к другим органам ‘чувств’. Именно по этой причине, среди прочих, во всех науках нашей европейской цивилизации мы осуществляем контроль глазом. Мы разрабатываем свои инструменты так, чтобы контролировать глазом. Даже имея дело со слухом, мы стараемся создавать инструменты под контроль глазом. Внешняя часть нашего действительного мозга служит глазом. Поэтому наилучшим образом обучение проходит через глаз; поэтому же так называемая ‘визуализация’ становится главным фактором в адаптации; поэтому так называемые высшие формы человеческого ‘мышления’ осуществляются зрительно – потому что зрительным представлением мы напрямую имеем дело с мозгом. Животные, например, ориентируются больше на слух, нежели на зрение. Мы – на более высоком порядке разума – чаще ориентируемся зрительно. Экстенсиональный человек ориентируется на зрение; интенсиональный на слух. Экстенсионально мы формулируем всё для глаза в рамках порядка, в рамках

обособлений частей в целом. Это означает, что мы применяем топологические методы.

С помощью индексов и дат мы охватываем процессы разделением, и за счёт этого получаем способность переходить от динамики к статике и от статики к динамике. Не забывайте, что языковые центры несомненно находятся в коре. Кора отвечает за языковые интенсиональные, статичные определения, а таламус за динамику. Между тем, я всё говорю неправильно, потому что в своей речи мне приходится их разделять, тогда как они не действуют отдельно. Если вы осознаёте ошибочность того, что я говорю, мы можем рассчитывать на некоторое понимание. Понимаете? Если бы вы приняли то, что я говорю буквально, это означало бы, что я ввёл вас в заблуждение. Организм не работает отдельными частями.

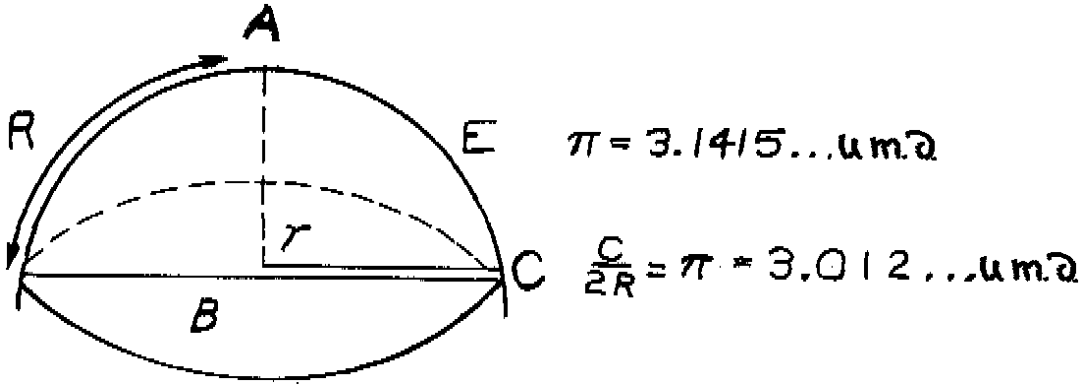
Обучая молодёжь, нам приходится подчёркивать, что старым словоблудием мы не охватываем факты, и большей частью представляем их ложно. Здесь нас выручают экстенсиональные приёмы. Мы по собственному решению и в своих целях говорим о коре, будто бы отдельной от таламуса, но мне следует предупредить вас, что мы говорим неправильно. Такое ориентирование, тем не менее, позволяет получать полезные знания. Языковые центры находятся в коре и относятся к прежней интенсии — статике. Мы составляем определение, которым пользуемся какое-то время до тех пор, пока не меняем его; оно остаётся статическим. Жизнь происходит процессом, как и кусок железа. Железо происходит медленнее жизни, и тем не менее, происходит так же процессуально. Некоторые процессы идут гораздо быстрее других. Все процессы в мире отличаются лишь своей длительностью. Всё в этом мире, каким мы его знаем сегодня, представляет собой процесс, следовательно, происходит динамически. Язык носит статический характер, но сегодня мы располагаем средствами, которыми можем примирить динамический мир со статическим языком. Экстенсионально мы можем примирить их с помощью этих средств.

Если мы по-старому применяем интенсиональный статический язык к динамическому миру, отсутствует структурная схожесть, но теперь, применяя экстенсиональные приёмы и четырёх-мерные методы, мы можем их примирить. Индексируя и датируя проходящее событие, мы получаем статическое четырёх-мерное пересечение. Запомните, мы работаем в четырёх измерениях. Процесс удаётся сделать статическим в четырёх измерениях. Пользуясь ‘стулом’ как определением, вы имеете дело со статикой, но когда вы демонстрируете его по экстенсии, вы демонстрируете вещи: стул$_1$, стул$_2$, стул$_3$ и т. д.; вы получаете любое количество стульев. Вы сделали ‘стул’ динамическим — меняющимся. Далее мы можем приспособить структуру статического языка к динамическому миру. Я считаю эти вопросы важными, а незнание о них трагичным. Позвольте задать вам вопрос. Я предлагаю любому присутствующему, включая персонал, назвать одного учёного, с мировой известностью или без, который ориентируется ‘научно^{1937}’. Я говорю серьёзно. Вы не найдёте ни одного. Даже Эйнштейн не подойдёт. Он произвёл свою великую работу, но не знает ничего о неврологии, психиатрии, ОС и т. д. Он не может работать с неврологией научно. Поэтому мы не можем назвать его ориентированным ‘научно^{1937}’. Вы, студенты, ориентируетесь более научно^{1937}, чем Эйнштейн, потому что усваиваете азы методов и ‘факты’ из всех научных дисциплин, а не из только одной.

Меня радует, что вы усвоили этот статико-динамический аспект, настолько, насколько вы его усвоили. Запомните, что таламус — динамический центр внутри нас — изобилует динамическими реакциями. Я приведу в пример фильм.

Когда плёнка движется мы имеем дело с живой сценой, которая происходит в трёх плюс одном измерениях. Мы прерываем движение (возникает четырёх-мерное статическое пересечение) и получаем статические картинки. Любовь и ненависть, которые ранее двигались мы теперь рассматриваем как статические пересечения. Мы смешиваем их с помощью движения и получаем живое событие, но, остановив плёнку, мы получаем только статические пересечения, измеримые статические сдвиги.

Измерения в этом мире играют очень важную роль просто в силу своей экстенсиональности,вот и всё. В измерениях происходят чудеса, которые вы не могли предвидеть. Например, представьте, что вы оказались плоскими, двух-мерными людьми. Если вы представите себя плоскими существами, вы можете сказать, что третье измерение ‘выходит за’ ваши ‘рамки’. Теперь я покажу, что в этом случае происходит. Вы находитесь на поверхности земли (E): в данном

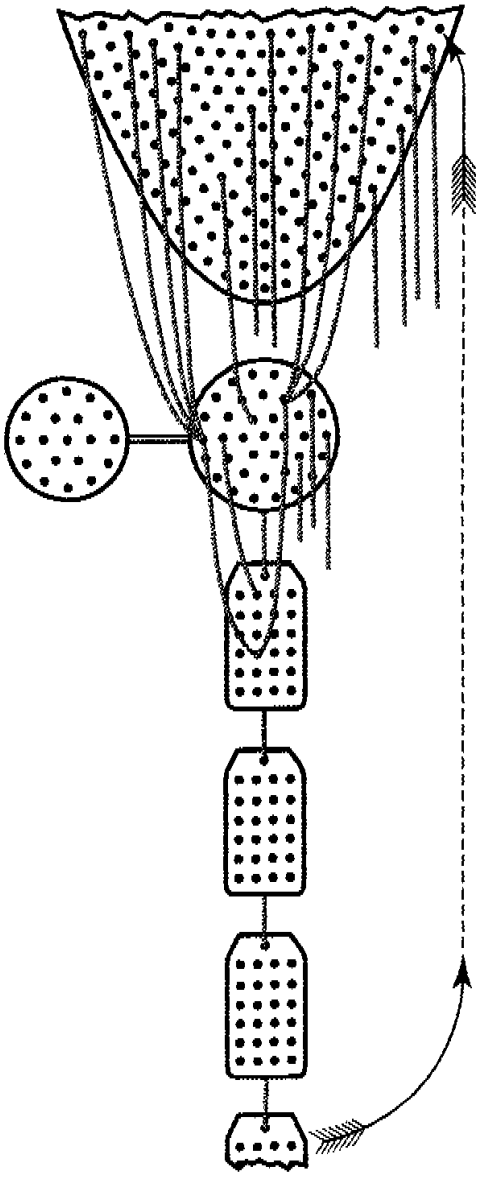


случае вы находитесь на закруглённой земле, — трёх-мерной — но из-за своей плоскости не понимаете трёх измерений, о чём правомерно говорите, что третье измерение ‘выходит за’ ваши ‘рамки’. Вы начинаете измерять и видите, что происходит. Вы чертите окружность (C) радиуса (R) на закруглённой земле, и на деле измеряете окружность закруглённой земли. Затем вы измеряете действительный радиус (R). Вы ведь знаете кое-что о символе π из геометрии? Взяв действительный замер этой окружности (C) и действительный радиус (R), вы вычисляете π: оно получится меньше, чем 3.1415 и т. д., и это значение π=3.1415… относится к плоской поверхности. Вы в данном случае не знаете, с плоской поверхностью работаете или нет, потому что сами остаётесь двух-мерными. Вы двигаетесь дальше действительно измеряя окружность (C), которую начертили на поверхности земли радиусом (R), — закруглённым, не (r) — и измеряя (R). Если ваше измерение (R) получается больше, чем (r) плоской окружности (B), то ваше новое π получится меньше, чем π=3.1415… в двух измерениях. Вы, двух-мерное существо, путём действительных замеров узнаете, что существует третье измерение, потому что ваше старое ‘пи’ получится больше нового ‘пи’ по действительному замеру (C) и (R).

Запомните, что мы совершили своего рода ‘чудо’. Одним измерением мы пришли к понятию нового измерения. Иными словами, измерение несёт уникальный потенциал открытия. Мы не сказали об этом всё, но уже ясно видим на примере, что двух-мерным существам удалось мельком увидеть третье измерение с помощью замеров, невзирая на то, что оно ‘выходит за’ их двух-мерные ‘рамки’. Так происходит, потому что мы обращаемся с чем-то экстенсионально. В этом заключается суть всего измерения, и этим мы подходим к сути чисел, к определению чисел.

По старому определению число называют «классом классов». Если мы рассматриваем ряд пар, то о ‘числе’ пока речи не идёт, как и в случае, когда мы говорим о двух яблоках, но когда мы абстрагируем из всех пар число два, мы называем это «классом классов», классом всех пар. Если вы возьмётесь исследовать мир с помощью старого «числа», иными словами, «класса классов», вы можете с тем же успехом заняться исследованиями мира с помощью «святого духа»; вы получите ответы в рамках ‘класса классов’ или ‘святого духа’ и ничего не узнаете о мире, когда попытаетесь придать ему какой-то смысл. Применяя такое определение, многого узнать не получается. Теперь представьте, что вы обращаетесь с числом как с отношением — по новому семантическому определению числа — и исследуете мир с помощью отношений, и, соответственно, получаете ответы в рамках отношений, а не ‘святых духов’. Вы получаете ответы в рамках отношений, и они становятся факторами структуры; и знать мы можем только структуру, сформулированную с помощью отношений. Вы сможете увидеть важность определённой терминологии, её важность для построения науки, исследования мира и себя.

До этого мы говорили о глазе и о нервной системе, и сказали, что глаз развивается как часть мозга. Теперь вы можете осознать, что отношение любого толка удастся визуализовать, если мы знаем как. Всякое отношение получается формулировать для глаза как визуальный предмет. Иными словами, путём переформулировки старых понятий в структурный язык, — в пучки отношений, статических или динамических — мы получаем формулировки, которые удастся преобразовать во что-то зрительное. Мы располагаем средствами для прямого влияния на кору и мозг, потому что задействуем глаз — часть мозга. Другой полезный аспект заключается в том, что некоторые вещи, которым по-старому обучать не получалось, теперь подходят для обучения. Я объясню это по диаграмме, которая называется «структурный дифференциал». Я привёл хорошую диаграмму в своей книге Наука и здравомыслие; её следует изучить. Структурным дифференциалом мы обозначаем структурные отличия и естественный порядок оценки. Многие мои друзья считают структурный дифференциал моей причудой, но некоторые из моих лучших студентов понимают, что получить полноценную пользу от экстенсионализации не представляется возможным без непосредственного взаимодействия с подобными диаграммами. Это взаимодействие служит центральным стержнем фундамента экстенсионализации, потому что им мы воздействуем как на таламус, так и на кору.



Всё проходит через таламус и, следовательно, через глаз. Поэтому работа с диаграммами играет такую важную роль. Парабола наверху модели обозначает процесс; отверстия представляют часть бесконечного числа характеристик этого процесса. В постоянно меняющемся процессе событие носит бесконечное количество характеристик. Мы смотрим на статическое представление динамического процесса — статическое пересечение нескончаемого процесса. Событие научно, после Эйнштейна-Минковского, представляет собой пересечение четырёх-мерного процесса, статического в данный момент. Физико-химический процесс продолжает всё так же происходить. Нам здесь требуется представить событие зрительно и статически, поэтому мы приписываем ему бесконечное число характеристик. На них указывают отверстия в модели.

Вы помните, что мы своей нервной системой из вращающихся лопастей абстрагируем диск. На этой модели мы видим объект, абстрагированный из события. Объект обладает конечным числом характеристик. Мы не абстрагируем всех характеристик события. Мы видим некоторые отверстия без нитей, а также некоторые нити, которые не соединяются с объектом; они обозначают ‘опущенные характеристики’ — те, что мы не абстрагировали. Наша нервная система строит объект, но мы никогда не абстрагируем все характеристики ‘объекта’. Мы всегда опускаем {упускаем} характеристики.

Затем мы вешаем на объект ярлык, как на ручную кладь; этот ярлык служит лишь названием или определением. Достигнув этого уровня ярлыка или говорения, мы можем говорить о говорении, иными словами, мы абстрагируем на порядки выше и т. д. Это мы обозначаем следующим уровнем на диаграмме, под объектом.

Таким образом, мы видим природу естественного порядка оценки, переданную через глаз. (Указывает на дифференциал.) Это мы считаем более важным, чем это,

а это более важным, чем это и т. д. Верхнюю часть модели — событие — мы считаем более важной, чем объект; объект более важным, чем описание; описание более важным, чем заключения высокого и низкого порядков и т. д. В этом заключается значение {ценность} дифференциала. Мы визуализуем естественный порядок оценки.

Возможно, вы не осознаёте, что несмотря на широкую известность этого порядка важности, его очень редко применяют, и не понимают, какое воздействие кинестетические движения оказывают на наш мозг. Поэтому, если вы хотите добиться результатов, я настоятельно советую вам пользоваться руками. Вы работаете с разными порядками абстракций, разными уровнями абстракций, научными словесными заключениями на разных уровнях. Когда вы имеете дело с объектами, — со стулом, со мной или с собой — вам следует пользоваться руками, чтобы упорядочивать индивидуумов, с которыми вы работаете. Вы чувствуете, как этими движениями приводите себя в порядок? Смит$_1$, Смит$_2$ и т. д.; это упорядочивание с помощью рук воздействует на таламус, поэтому когда вы говорите о Смите$_1$, Смите$_2$ и т. д, двигайте руками. Это поможет вам задать порядок вашей оценки. Махание руками действительно работает. Оно вам поможет.

Я показал вам упорядочивание абсолютных индивидуумов, а теперь давайте посмотрим на упорядочивание порядков абстракций. Вы задействуете двойную, четырёх-мерную стратификацию, и когда вы движениями приходите к упорядоченному ряду абстракций, вы внутренне готовитесь картировать успешную адаптацию. Вы открываете секрет ясности, и делаете это всецело не-словесно — организменно и кинестетически. Так вы доходите до стратификации в четырёх измерениях. Вы обостряете свой мозг. Вы органически вовлекаете себя в мышление, а не просто пользуетесь своим ‘мозгом’. Вы начинаете ориентироваться как-целое, не-элементалистически. Вы реализуете свой потенциал максимально, потому что подходите к себе, задействуя зрение, слух, кинестетическое ‘чувство’ и т. д., и достигаете этого благодаря экстенсиональному обучению с дифференциалом.

Никаких причуд. На настоящий момент других методов добиться этого и воздействовать на таламус не существует. Так мы передаём вам секрет ‘мудрости’ и т. д. Мы несём знание вашему мозгу не только через ухо, но и через глаз, осязание и все кинестетические ‘чувства’.

ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

Меня очень радуют результаты лекций и частных консультаций. Это означает, что экстенсионализация работает; вещи начинают приходить в порядок. Некоторые результаты я оцениваю как очень хорошие. Вспомним, что я всё это время подчёркивал схожесть структуры. Я это делал, чтобы донести прогнозируемость. Те, кто прошёл семинар и посетил частные консультации, осознают великую важность прогнозируемости. Следовательно, мы хотим создать факторы прогнозируемости. Прогнозируемость зависит от схожести структуры, а структура зависит от много-мерного порядка. Вам пока не понадобится отлично понимать много-мерность; хватит и частичного понимания. Мы подходим к окончанию семинара, поэтому я хочу передать вам не только теоретические моменты, но также их применение. Например, экстенсиональные механизмы и как их применять.

Кстати, не стоит держать меня за лектора, говорящего со студентами. Я испытываю коллоидный нервный танец в попытках воспроизвести подобные коллоидные танцы в ваших нервных системах. Всякое действие осуществляется через контакт. В своей книге я написал об этом длинную главу. Прочтите её. В нашем новом мире не существует ‘пустого пространства’. Мы живём в мире заполненности. Этим мы задаём себе совершенно иное ориентирование. Мы живём не в пустом мире. Следовательно, мы не можем говорить, например, о политической ‘изоляции’. Просматривая курсовые бюллетени рынков в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и т. д., мы продолжаем говорить об ‘изоляции’. Пришло время прекратить это. На деле мы не пребываем в изоляции. Я говорю это применительно ко всему. Если где-то совершается важное открытие, это влияет на всех нас. Разве вы не видите, что для ‘изоляции’ в человеческом мире не находится места? ‘Изоляция’ происходит от понятия ‘пустоты пространства’. В таких условиях мы больше не можем существовать, не лишаясь здравомыслия. Это означает, что сейчас нам обязательно следует взяться за научные факты, ско-ординировать их и выцедить из них методы, которыми затем выработать новые ориентирования.

Мы дошли до предпоследней лекции, поэтому если вы что-то не понимаете, попросите меня повторить. Если бы я занимался пустословием, - просто говорил для слушателей — я бы не сделал того, что сделал. Я бы вами не заинтересовался. Я бы рассказал свои россказни, вы бы их послушали и на этом мы бы закончили. Так практикуется словесный подход. По экстенсии, однако, я вами интересуюсь, вашими коллоидными танцами. Меня бы не устроило, если бы ничего не произошло. Неврологически и коллоидно ничего не получится достичь, пока вы не получите что-то от говорящего. Это стоит осознать местному преподавательскому составу. У нас постоянно возникают трудности между преподавателями и студентами. Преподаватель читает свою лекцию настолько хорошо, насколько может; он «делает свою работу». Нас интересует реакция студента на то, что он услышал. Она осуществляется индивидуально, и тем, что преподаватель сказал, а студент услышал, результат не достигается. Это не работает, и вы это знаете. Своим обучением вы настроили особые коллоидные танцы в своей нервной системе, и, если вы не можете настроить их у студента, вам не удастся ничего осуществить. Вы сможете только жаловаться на трудности образования, потому что ориентируетесь интенсионально. Экстенсионально вы приходитесь студенту не преподавателем, а неврологическим коллоидным танцем, которым преобразуете неврологические коллоидные танцы ваших студентов. Если вам не удалось этого достичь, то как преподаватель вы не достигли ничего. В этом заключается одна из великих трудностей образования, и массовое образование не достигает этой цели, потому что мы имеем дело с большими классами. Впоследствии мы оправдываемся, называя студентов дебилами, слабоумными и т. д. Мы поступаем неправильно, потому что практикуем неправильные подходы; по факту вы и студенты представляете коллоидные танцы, и образование работает, только покуда мы, работники образования, можем

преобразовать своими коллоидными танцами коллоидные танцы студентов. Вы видели коллоидный взгляд экстенсионального преподавателя, который не двигается дальше до тех пор, пока класс что-то не усвоил. Этим я в общем занимаюсь. Этот экстенсиональный метод следует сделать основой всего образования, чтобы преподаватели практиковали не-элементалистические экстенсиональные подходы. Вы видите, чем экстенсия отличается от интенсии? В связи с этим я хочу продемонстрировать весьма позорное отличие экстенсиональных подходов от интенсиональных.

Вернёмся к диаграмме счастья. По ней вам следует испытывать минимальное ожидание ‘максимальной вероятности’. Теперь я докажу вам словесно, что сформулировал самую ‘разрушительную, преступную теорию счастья’, которая разрушительно скажется на ‘цивилизации’ и т. д. Сперва давайте подойдём интенсионально. Вы уже познакомились с выражением «мастурбация слюнных желёз». Сейчас я немножко этим позанимаюсь, и хочу услышать ваше мнение. Я хочу услышать ваше мнение для различения двух разных мнений. Вам не удастся найти лазейку в интенсиональном доводе. Я ‘докажу’ разрушительность этой теории, а затем мы проведём ещё один, экстенсиональный, анализ, которым обратим всё это дело.

Ориентируясь по-новому, мы начинаем с минимального ожидания. «Ожидайте ничего». Мы можем сказать, что если мы ожидаем ничего, то мы ничего не захотим и ничего не достигнем и т. д. Мы приводим интенсиональный довод; можем ли мы считать этот словесный довод корректным? Вы не отыщите в этом доводе лазейки. Мы несём им разрушение, смерть. Вы ничего не захотите, вы ни к чему не станете стремиться и ничего искать. Обратите внимание, как далеко мы можем зайти с этим словесно. В этом заключается интенсиональная ‘преступность’ теории счастья. Словесно, по интенсии вы не найдёте лазейку в таком словесном доводе.

Я привожу несколько кратких описаний затруднений такого толка, с которыми вы столкнётесь. Я представляю вам интенсиональный довод, словесный довод, в котором вы не можете словесно найти лазейку. По интенсии, словесно вы можете объявить нашу теорию счастья непригодной.

Теперь оставим словесную мастурбацию и взглянем на экстенсиональные ‘факты’. Анализ по ‘фактам’, какие мы имеем, представляет экстенсиональный анализ. Итак, проанализируем ‘факты’. Кстати (указывает на студента), вот сидит товарищ, который может порой заморить меня голодом, но обычно он приносит мне поесть. Это вызывает улыбку, но мы имеем дело с ‘фактами’. Например, я могу пошутить, а вы рассмеётесь над шуткой, потому что каким-то образом проанализировали её экстенсионально. Вы выстроили факты. Слова в этой шутке не говорят ничего, но контраст между территорией — фактами — и картой — языком — рассмешил вас. Вы экстенсионально выстроили факты, скрытые за словами, чем вызвали у себя смех. Выстроив факты под звуками слов, мы начинаем ориентироваться в жизни. На этом примере мы видим разницу в ориентировании, по которому мы, к сожалению, экстенсионально сориентируемся на шутку, но мы так не поступим в случаях серьёзных жизненных проблем. Так происходит, потому мы в целом мало знаем о жизни. В примере с шуткой выстраивание удаётся легко. Выстраивать жизнь и приспосабливаться к ней по-новому так просто не получается.

Итак, я показал вам разрушительный характер экстенсиональной теории счастья, выдуманный посредством интенсионального анализа. Теперь посмотрим на факты. Вот живое существо (указывает на студента); помните, живое существо; он пульсирует жизнью и испытывает множество воздействий фактов среды. Мы не можем не делать этого, не превратившись в выдумку. Никто из нас не может изъять себя из среды и продолжить существовать. Если вы её не учитываете, то имеете дело с выдумкой. Живое существо не получится изъять из среды. Никто из нас также не может сбежать от семантической и языковой среды. Взгляните на это живое существо. Он испытывает воздействия среды. Пища, жидкость и т. д.; он не может от них сбежать, и помните, я имею в виду вас. Я рассматриваю этого индивидуума; вы проводите свой анализ индивидуумов — Смита$_1$, Смита$_2$ и т. д. Я

демонстрирую этого юношу классу, потому что мне требуется индивидуум, о котором я могу говорить. По интенсии я говорю обобщениями, ложными по фактам, потому что по интенсии, мы принудительно превращаем факты в заключения. Однако по экстенсии мы наблюдаем индивидуумов и затем формируем свои гипотетические ориентирования и обобщения. Теперь я покажу вам экстенсиональную теорию счастья. Интенсионально я доказал вам её ‘преступность’, разрушительность для цивилизации и т. д. Мы ожидаем минимум, но если ожидать ничего, то мы и получим ничего и т. д.

Теперь смотрим. Я научу этого паренька ожидать максимум. Если он станет ожидать максимум, то станет ожидать хорошую местную воду, но получит действительную воду, от чего разочаруется. Конечно, ожидая ‘хорошую воду’, но получая воду с железом в этом стакане, он испытывает разочарование. Однако, если он ожидает какую-нибудь грязь в этом стакане, а получает действительную воду с железом, его это более чем устроит. Запомните, что он остаётся живым фактом. Вам не нравится местная вода и мне тоже, но, если мы ожидаем кристально чистую воду и т. д., а получаем это (указывает), нас это (указывает) не устроит. Если же мы готовимся к чему-то ещё хуже, то обрадуемся этой воде. Я не шучу.

Что насчёт фактов? Меня устраивает эта действительная вода, потому что я практикую ожидание воды хуже этой. Если я испытываю внутренне, семантически ожидание воды хуже экстенсиональной воды, она меня не расстроит. Запомните, что на семинарах по ОС мы придерживаемся бескомпромиссной искренности, и, если у нас происходят какие-то глупости, мы их признаём. Я говорил о физическом ожидании той воды. Я ожидал воду хуже действительной и в этот раз (пьёт), на вкус она оказалась не такой неприятной. Я показываю вам семантические уловки в живом существе. Я, в своём роде, признаюсь. Не сомневайтесь, если бы я ожидал кристальную воду из этого стакана, я бы очень разочаровался.

Вспомните интенсиональный довод, что «минимальное ожидание губит счастье». С рождения мы никак не можем избежать каких-то учений. Мы никак не можем избежать подоплёк структуры языка. Представьте, что я с колыбели обучаю вас, что, предположительно, прихожусь вам «папой» или «мамой». Просто предположите. Я учу вас элементалистическому языку, структура которого несёт некорректную с точки зрения жизни подоплёку, что ‘тело’ и ‘разум’ удаётся разделить. Обучая вас элементалистическому языку, я прививаю вам некоторые ложные по фактам следствия, которые остаются незамеченными. Я обучаю вас зловредному интенсиональному ориентированию по словесным определениям — тому, что вещи представляют собой не индивидуумов, а обобщённости. Вы не можете избежать последствий такого интенсионального обучения. Здесь нам следует обратить внимание на структуру языка, потому что структура языка влечёт за собой и предполагает структуру. Научить чему-то одному, не научив чему-то другому не представляется возможным. Вы поймёте это позднее. Предположим, что этот парень, или вы, усвоили грамоту, а вы остаётесь неграмотным. Я учу вас какой-нибудь религии, которая автоматически влечёт за собой некоторую физику, некоторую биологию и т. д.; я учу вас чему-то структурно определённому одним только тем, что учу вас языку определённой структуры. Именно на это я хочу обратить внимание: вы не можете не учиться чему-то, когда вас учат языку определённой структуры — одному только языку. Когда я учу вас языку, я учу вас чему-то ещё помимо языка. Когда я не говорю вам, что слово «яблоки» мы употребляем в четырёх или пяти значениях, я прививаю вам спутывание, отождествления, тогда как я, предположительно, даю вам лишь урок языка. Обучение в яслях языку ложной по фактам структуры осуществляется вместе с усвоением ложных ориентирований посредством неотъемлемых подоплёк. Этого не получится избежать. Именно поэтому я говорю о семантической среде; знаете вы об этом или нет, если вы учите кого-то обычному языку, структурой этого языка, вы прививаете ребёнку ложные по фактам ориентирования в мире. Вы прививаете ложные знания, чем готовите его к дезадаптации. Теперь давайте вернёмся к теории счастья.

Я делаю это специально, чтобы вы видели на деле, как проводится экстенсиональный анализ. По интенсиональному анализу эта теория оказалась ‘дефектной и разрушительной’. Теперь давайте взглянем на оценку по экстенсии. Мы снова рассматриваем живое существо. Он только родился. Он живёт не свободно от среды. Я прихожусь ему «папой», и учу его какому-то языку. Я не веду речь о так называемом ‘официальном образовании’; мы оба относимся к людям низкого порядка из трущоб. На деле мне приходится учить его некоторому языку. По-старому я бы учил его актуальному языку — элементалистическому и интенсиональному. Я бы передавал ему ложные знания, готовил бы его к дезадаптации и т. п., потому что автоматически давал бы ему ложные знания. Когда я учу его языку элементалистической и интенсиональной структуры, я прививаю ложные знания. Помните, что ‘наука’, или ‘образование’, не имеют места в таком обучении. Я не усвоил грамоту и он не усваивает. Мы не можем иметь дело разумно ни с чем по интенсии. Это срабатывает автоматически; избежать этого на низшем уровне не получается, когда мы мы учимся языку элементалистической и интенсиональной структуры. Без индексов, дат и т. д. мы представляем факты некорректно. Такое ‘образование’ без ‘науки’ хотя бы какой-то формы может сломать жизнь. Я прививаю ему теорию счастья максимальных ожиданий. Вот здесь стоит парень крутит пальцами свою авторучку. (Продолжай, не стесняйся.) Мы не видим в этом ничего такого, но я не считаю это лучшим занятием. Я придираюсь к этому невинному занятию, потому что практикую максимальные ожидания, из-за чего разочаровываюсь и говорю: «Вы поглядите, чем он занимается. Вот те раз!» Я ожидал максимум. Я задам ему трёпку. Я поступлю как один из тех родителей, которые ждут слишком много. Я его достану. Это приведёт к шизофрении или паранойе, потому что он за себя знает, что я придираюсь к нему по своей дури, но не скажет мне об этом. Я знаю, о пустяковости его занятия, но ожидаю максимум и придираюсь к нему за это. Я выработал в нём дезадаптацию. Помните, я сейчас показываю жизнь; никаких определений. Он сделал что-то, что мы все иногда делаем, но из-за своих максимальных ожиданий я расстроился, придрался к нему и вызвал в нём болезнь.

Вы увидели, к каким последствиям приводят ожидания максимума. Я придрался к чему-то невинному, чем привёл его и свою жизнь в беспорядок. Во многих семьях максимальные ожидания родителей, страдающих неврозами, способствуют неврозам у ребёнка. Поводом для придирок в большинстве случаев служит слишком большое количество ожиданий. Мы придираемся ко всем, когда ожидаем слишком много. Теперь вернёмся к минимальным ожиданиям. Мы рассматриваем то же живое существо, того же меня и наши отношения между двумя живыми существами. Я прошу его встать перед классом. Учтите, что он проявляет некоторые слабости, и я тоже. Я ожидаю минимум. Я учу его ожидать минимум и оценивать свою среду с максимальной вероятностью и, следовательно, некоторой прогнозируемостью научного характера. Ему придётся столкнуться с экстенсиональными фактами в жизни, и как живое существо он испытает внутренние реакции на эти факты. Он оценит факты ‘лучше’ своих ожиданий; он испытает обнадёживающие реакции, нежели безнадёжные; он захочет двигаться по жизни вверх; жизнь его не напугает и т. д. Мы говорим о живом существе и обращаем теорию ожидания максимума.

По экстенсии мы всегда остаёмся ‘счастливыми’, потому следуем к фактам. Если бы у меня болела печень, я бы всё считал ‘плохим’, лишь потому что у меня болела бы печень. Так это и работает. Когда вы ожидаете максимум, всё есть ‘плохо’. Теперь взгляните, что я сделал. Я исследовал мир. Я повёл себя со своими родителями экстенсионально. Свою «мать» я видел только как «женщину, которая меня родила», не более, поэтому я не испытывал семейных проблем. Я бы помог ей, если бы у неё возникли проблемы, но не испытывал бы внутренних ‘чувств’, ‘эмоций’, ‘расстройств’ по поводу неё. Экстенсионально, не забывайте. Многие из вас испытывают проблемы именно с этим. Вы ориентируетесь интенсионально со своими «мамами» и «папами». Вы всё ещё ведёте себя инфантильно. Когда вы состоите в личностных отношениях по интенсии, вы страдаете сами и мучаете других, но, когда вы экстенсионально освобождаетесь, вам не приходится страдать. Освободившись экстенсионально, вы начинаете

поступать по своему возрасту. Немногие из вас в этой аудитории ведут себя по своему возрасту.

Вам следует чётко осознать, как мы создаём ненависть искусственно за счёт лишь этой разницы в отношении. Вы ограничиваете свои аффекты, ощущения и энергии, и, если вы испытываете только ненависть, у вас не остаётся энергии на положительные ощущения. Результаты такого затопления ненавистью мы называем шизофренией. Если вы практикуете ненависть так, что она не затопляет вас полностью, из вас получается успешный ненавистник. Если вы слишком сильно привязываетесь, вы ведёте себя инфантильно. Вы есть ‘всё’ для своих «пап» и «мам». Интенсиональными подходами мы искусственно создаём трагедии в жизни. На деле таких трагедий удаётся избежать. Я показываю механизмы, посредством которых мы создаём счастье и дезадаптацию. Чувствуя себя ‘несчастными’, мы не можем сделать ‘счастливым’ другого человека. В случаях серьёзных проблем в семье я советую студентам не говорить терминами «отец» и «мать», а называть родителей мистер Смит и миссис Смит. Во многих случаях трудности исчезают. Рассматривая себя как биологические единицы: $Смит_1$, $Смит_2$, $Смит_3$ и т. д., мы не отводим себе места под обобщённую обиду, ненависть и т. д. и ведём себя добрее и т. д.

Один мудрый человек, не помню, кто, сказал: «Много семейных проблем удалось бы избежать, если бы мы вели себя с членами своих семей так же вежливо и цивилизованно, как с незнакомцами». Мы не ведём себя так, потому что ожидаем слишком много и т. д. Мы говорим: «Этот мальчик есть моя плоть, моя кровь, а значит, что-то должно пойти так-то». Если что-то идёт не так, мы убиваемся горем. Так мы создаём множество проблем. Я хочу донести до вас экстенсиональный анализ. Я рассмотрел $Смита_1$, $Смита_2$, $Смита_3$ и т. д. и их отношения как живых существ, их реакции как живых существ, а не как определений или обобщений.

По определениям и интенсии такой анализ не получилось бы провести; только экстенсионально по ‘фактам’. То, что я объяснил не отличается чем-то новым или особенным. Этим разумным анализом удастся заинтересовать публику. Мы проводим такой анализ экстенсионально, не обманываемся словоблудием и следуем ‘фактам’ о нас как о реагирующих и действующих индивидуумах. Вся процедура приобретает другой характер. Я попытался показать вам, чем экстенсиональный анализ отличается от интенсионального. Нам требуется обратить всё интенсиональное старьё. В данном случае мы приняли во внимание индивидуумов, а не только определения «человека», или «ребёнка». Живое существо действует и реагирует как индивидуум, а не как интенсиональное определение. Я хотел показать вам, как наш старый анализ меняется за счёт изменений в методе.

Мы говорили о «схожести структуры». Я говорил вам, что организм действует как-целое, что нервная система действует и реагирует как-целое, что разделить кору и таламус удастся только функционально фиктивно, и что мы не можем разделить их на деле, а лишь говорить о них так, будто можем. Прямой процесс жизни и прямой контакт со внешним миром осуществляется преимущественно таламически; вы это помните? Проблема заключается в том, что таламус, оставаясь в прямом контакте с воздействием среды, подвергается чрезмерной стимуляции. Именно поэтому мы нервничаем и становимся невротиками — потому что не натренировали свою кору, чтобы она регулировала таламус. Чрезмерная стимуляция продолжается с детства. У маленького ребёнка контроль коры остаётся слабым; происходит чрезмерная стимуляция, результаты воздействия которой на таламус остаются перманентно; инфантильные организменные эффекты тоже могут стать перманентными. Если нервная система и организм-как-целое работают как целое, то лучшим методом обучения следует выбирать тот, которым задействуется не один нервный центр, а все доступные. Сегодня я хочу вам показать перевод наших трёх базовых положений в методы, доступные и применимые к другим нервным центрам.

Я расскажу вам наглядную и, в некотором роде, драматичную историю открытия, или изобретения, этого метода. [Где-то в 1922 году] я читал лекции в

престижном учреждении высшего образования в Нью-Йорке. В рамках учебной программы лекции вели ещё два важных учёных. Я знал, что очень многое зависело от того, как я мог защитить свою позицию, из-за чего испытывал сильное напряжение. На меня тогда со старой бредовой точки зрения смотрели как на ‘ненаучного’ ‘идеалиста’ и ‘фантазёра’. Я знал, что те учёные ориентировались интенсионально и метафизически; имели дело с определениями, а не с фактами. Я испытывал сильное напряжение, и в добавок, до этого один мой друг очень нехорошо со мной обошёлся. Из-за этого я не только напрягался, но и пребывал в подавленном настроении, и по мне удалось бы это заметить. Я хотел передать им то, что сейчас передаю вам. Я хотел передать это за два часа очень критически настроенной аудитории, и тогда я ещё не наработал технику, которой пользуюсь сейчас. Я ещё не располагал семантическими методами экстенсионализации и т. д. Под этим давлением ситуации я сделал первый набросок структурного дифференциала — визуального таламического высказывания положений — и объяснил им отличия человеческого мира от животного мира. Вот этим на модели мы обозначаем мир животного (показывает на дифференциале). Он не связывается с событием, физико-химическим процессом, потому что Файдо не ‘знает’ и не может знать, что абстрагирует лишь на несколько порядков абстракций. Я драматично воспроизвожу то, что сказал им.

Так на деле и началась ОС. Творческая работа всегда осуществляется таким образом. Сначала до вас ‘что-то доходит’, а потом вы тратите жизнь на то, чтобы преобразовать это в слова. Эти три экстенсиональные положения изначально мы формулируем отрицательными, что означает, что мы согласуем их с современной наукой, в которой что-то отрицательное, что-то, что не есть так играет роль важнее, чем ‘положительное’. Положительные теории остаются гипотетическими. Отрицательные результаты показывают ошибочность теории, и отрицательное становится положительными результатами. Вы бы назвали свет здесь положительным результатом? Да? Простите, мы ошиблись; он работает на отрицательных электронах. Этими положительно-отрицательными делами мы можем заниматься на своё усмотрение, конечно, однако, то, что бы в прежние времена принимали как положительное, оказывается отрицательным и наоборот. Как вам это нравится?

Человеческий мозг строился отрицательными реакциями ‘задержанных реакций’. Животное испытывает незамедлительный положительный ответ, или рефлекторную реакцию, и остаётся собакой, кошкой, коровой и т. д. Мозг и кора строились за счёт задержанных (‘отрицательных’) реакций. Здесь происходит обращение. Взгляните на отрицательные положения. Сегодня во всей современной науке мы знаем, что те единственные положительные теории, которыми мы располагаем, мы формулировали об отрицательном, а положительные теории остаются лишь гипотетическими. Из этого следует не только переход от ‘объективного’ антропоморфического ориентирования к процессуальному ориентированию, но также полный пересмотр. Запомните, что, когда мы смотрим в лицо ‘фактам’ и механизмам, мы можем с ними совладать. Если бы я по ОС не сомневался в сомнениях, я бы не ничего не достиг в своей работе. Возможно, тогда бы больше людей находили меня приятным в общении человеком, но успехов я добился, потому что испытывал сомнение второго порядка: я сомневался в собственных сомнениях.

Мы подходим к многопорядковости механизмов, которые так эффективно работают. Сначала вернёмся к механизмам. Во-первых, карта не есть территория. Сейчас я начну нести вам ‘детский лепет’, но говорить собираюсь о твёрдых фактах. (Показывает на дифференциал.) Это не есть это, а это, на диаграмме, не есть это и т. д. Вы принимаете это через глаз? Вы видите, что это представляет отказ от «есть» тождества? Мы констатируем через глаз, через кинестетическое чувство и т. д. факт, что это не есть это. Вы найдёте это в книге. Загляните туда, прочтите её. Иными словами, этим мы переводим первое положение через все доступные ‘чувства’.

Второе положение: карта охватывает не всю территорию. Отверстиями и свободными нитями, которые вы видите глазом на дифференциале, мы обозначаем опущенные характеристики. Этим мы передаём ‘не все’. Представляйте диаграмму зрительно и взаимодействуйте с ней. Отверстия и не присоединённые нити

представляют ‘не все’. Этой диаграммой мы доносим через зрение, прикосновение, кинестетические чувства и все доступные ‘чувства’ принципы трёх положений. И с этим мы переходим к проблеме само-рефлексивности.

Эту большую проблему мы видим ключевой в базовых трудностях жизни и науки; не во всех, — неограниченным образом — а во всех, о которых мы знаем. Я снова резюмирую проблему само-рефлексивности. Вам она может показаться слишком абстрактной. По применению вы обнаружите, как близко она согласуется с жизнью, как влияет на каждый этап вашей жизни, и что она лежит в основе большинства наших трудностей. Эта проблема разрушила основания математики, из-за чего пришлось изобрести теорию типов, чтобы их залатать. Мы не можем надеяться, что найдём способы разрешить человеческие дела, если нам не удаётся заложить надёжный фундамент для математики. Хоть в какой-то мере обоснованной экономики, социологии и т. д. не может существовать, если мы не можем построить разумный фундамент математики. Подробности вы найдёте в Науке и здравомыслии.

Помните простой пример с цирюльником? Его, кстати, придумал математик в связи с теорией математических типов. Этот пример показывает какой страшный бардак мы можем создать старым словоблудием. Я приведу ещё пример. В проблеме под названием парадокс Зенона, которая просуществовала 2300 лет, мы рассматриваем гонку черепахи против Ахиллеса. Мы о ней уже говорили. Черепахе дали фору. И вот Ахиллес и черепаха (жестикулирует). Вы уже знаете об ошибках в этой проблеме, но я вам ‘докажу’, а вы попробуйте опровергнуть. Я хочу дать вам испытать ещё шоков в связи с языком. Прежде чем Ахиллес может обогнать черепаху, ему приходится пробежать половину пути, а потом половину этой половины и так далее, и он никогда сможет догнать или перегнать черепаху. Вы не находите это трагичным? Теперь попробуйте найти лазейку в этом доводе.

Между тем, проблема само-рефлексивности представляется важнее и проще. Трудность проблемы с цирюльником заключалась, в сущности, в формулировке проблемы; в её подковырках. Однако в проблеме с Ахиллесом мы не находим никаких подковырок. Проблему с цирюльником мы можем решить довольно просто. В своей книге я объяснил её с помощью теории типов. Математики решили эту проблему с помощью теории типов. Я считаю это великим, но пока незавершённым шагом вперёд. По-старому у нас возникала проблема само-рефлексивности на том моменте, где, если цирюльник «брился», то он «не брился». Нам требовалось что-то для решения этой словесной проблемы. Решение нашлось в теории типов Бертрана Рассела. Прочтите предисловие в книге Уайтхеда и Рассела Начала математики. Многие из вас найдут его интересным. Вам следует это усвоить, потому что, если вы не осознаете опасности и ловушки языка, вы никогда не поймёте необходимость пересмотра структуры языка. В ОС мы без затруднений и сложных теорий, а лишь за счёт экстенсиональных приёмов, по экстенсии, можем справиться с этими проблемами.

Вы спрашиваете меня по интенсии: «Хотите сигарету?» Я отвечаю: «Да», по определению. Говоря «да» по интенсии, я говорю «да» по определению. Моё «да» по интенсии может означать, например, «согласие» в целом. Оно ничего не содержит.

По интенсии я выразил ‘общее согласие’, что бы ни имелось под этим в виду. Мы получили одно общее «да» без жизненного содержимого. Теперь спросите меня экстенсионально, хочу ли я сигарету по экстенсии, с жизненным содержимым. Экстенсиональное жизненное содержимое моего «да» мы находим в этой сигарете. Вы её видите. Вот это мы имеем в виду под этим «да$_1$» в жизни как экстенсиональный факт. Затем вы задаёте мне ещё один вопрос: «Хотите воды?» Я отвечаю тем же сочетанием букв: «Да». Однако теперь содержимое отличается. Таким образом, экстенсионально мы имеем дело с разными содержимыми «да», которое всегда пишем одинаково, тогда как их содержимое отличается. Следовательно, по экстенсии мы имеем дело со многими «да»: да$_1$, да$_2$ и т. д. В добавок такими терминами как «да» мы пользуемся на разных порядках. Я поговорю подробнее о многопорядковости терминов позднее. Вы видите, как мы с помощью

индексов и т. д. решаем многопорядковость, а также математическую теорию типов.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Я немного опоздал, потому что в моей электрической бритве внезапно возникли кое-какие не-аристотелевы, не-эвклидовы и не-ньютоновы проблемы.

В окончании семинара я сконцентрируюсь на последнем и, кстати, одновременно первом и последнем тезисе ОС. ОС стала результатом изучения современной науки и математики; методологического исследования, основанного на наблюдениях того, что человеческая адаптация, здравомыслие — называйте это «моралью», если угодно — в лучшем случае, постепенно приходят в упадок. По некоторым оценкам, через двести лет среди европейцев не останется ни одного здравомыслящего человека; и в этих оценках не учитывается постоянное ускорение этой тенденции. Удалось обнаружить, что инфантилизм распространяется пугающе широко, и что существующие методы образования не отвечают желаемым; вместо обучения в целях адаптации мы делаем обратное. Существующее образование не помогает адаптироваться. Вас учат фактам и подробностям, которые вас часто не интересуют, но не учат научному метода и тому, как адаптироваться к условиям этого мира. За недавнее время написали ряд книг, в которые вложили ценную информацию о том, что следует знать каждому современному человеку. Однако, тем временем, мы выбрасываем немалую часть математики и физики из школьных программ. Вместо того, чтобы давать необходимые и очень полезные физико-математические методы в детских садах и начальных школах, мы выбрасываем их даже из программ старших классов.

Если вы посмотрите на структуру каркаса и лесов для строительства подземных железнодорожных путей, на то, как при строительстве берут излишнюю землю, чтобы воспользоваться ей в каких-то других целях и т. д. и т. п., вы задумаетесь над тем, сколько людям приходится работать мозгами, чтобы разобраться со всеми нюансами этой деятельности. Мозгами приходится работать много. Однако, когда мы смотрим на завершённую работу — на тоннель с двумя или четырьмя линиями рельсов, рассказать ‘о нём всё’ сможет даже маленький ребёнок. Всё стало ‘простым’. Сложное, подробное предприятие становится очень ‘простым’ по завершению. Возьмите небоскрёб. Рассмотрите материал, металлические части, изготовленные и собранные по расчётам. Строительство идёт сложным, комплексным, трудоёмким и т. д. процессом, но завершив его, мы можем привести туда маленького ребёнка и он почувствует себя там как дома. Оказавшись внутри, он просто поймёт небоскрёб «и всё». Законченная структура оказывается простой.

Это касается науки и нас. Вы, предположительно поступаете ‘научно’. Техники науки функционируют как каркас для строительства метро, небоскрёбов и т. д. Высчитывая каркас, мы выполняем сложную задачу, но всегда получаем простой результат. Именно поэтому всё это кажется таким лёгким, и именно это нам следует понять. Результаты науки всегда оказываются простыми. Вспомните, что я вам говорил о динамической теории ‘материи’. Потребовались немереные объёмы работы и количества техник, чтобы её разработать — чтобы выявить, что ‘материя’ представляет собой не что-то ‘твёрдое’, а процесс, лишь «диск, состоящий из вращающихся лопастей». Однако понять это не составляет труда, когда факты уже выявили: нам говорят, что так происходит; не сложнее достроенного небоскрёба или метро. Строительство выполнялось сложно, выявление физических фактов потребовало сложной работы, но результаты мы всегда получаем простые.

Вы помните, что я вам рассказывал о коллоидах. Мы собрали огромные объёмы данных о коллоидах. Наблюдение за поведением коллоидов нередко озадачивает и заставляет недоумевать. Однако фундамент коллоидов, как я вам его объяснил, представляется весьма простым. Вы бы удивились, если бы узнали, сколько потребовалось проделать работы, чтобы рассказать вам столько, сколько я рассказал. Я сам удивляюсь, когда внимательно её изучаю. Я храню книги, в

которые двести ведущих учёных внесли вклад из области своих исследований коллоидов. Получилось очень много научного материала об одних только коллоидах. Однако, когда я передаю вам поведение частиц, которые отталкиваются и притягиваются двумя силами, — электрической и поверхностной энергиями — вы легко это понимаете. Коллоиды представляют мелкие взвешенные частицы, постоянно пребывающие в движении за счёт взаимодействия этих двух энергий; вы понимаете это без труда.

Я хочу обратить внимание на то, что это в первую очередь затрагивает так называемых «белых воротничков», которые хотят преподавать. Им следует извлекать из существующих наук метод, а не просто техники. Это играет важную роль для работников образования. Простому человеку специальные научные техники ничем не помогут. Одними только техниками он ничего не сделает. Ему требуется метод — результат. Вам следует знать, что этим занимаются специалисты. И не торопитесь их критиковать. Они занимаются тяжёлой работой. Когда вы имеете дело с надёжными специалистами, не критикуйте их; вы не в том положении, чтобы что-то о них говорить. Простому человеку следует избавиться от ‘личных мнений’. Их стоит считать нецивилизованными, неправомерными и пагубными. Когда вы имеете дело со специалистами, оставьте критику другим специалистам; они знают, о чём идёт речь и справятся лучше вас. Простой человек не может знать об этих вещах. Когда честный человек от науки читает вам лекцию, не говорите, что не верите ему; вы не можете ни верить, ни не верить, потому что не знаете, о чём идёт речь. В ОС нам приходится доверять специалистам, потому что они работают под научным контролем и приходят к результатам. Мы не можем полагаться на личные мнения, которые ничего не стоят; научный метод не включает ‘голосований’.

Недавно я получил рукопись от одного талантливого профессора ‘философии’ из местного крупного университета. Я рассказывал вам, что ‘философы’ не понимают язык моей книги. Этот молодой профессор, можно сказать, занимается студенческой деятельностью в рамках ОС. У него ушло два года, чтобы только начать распутывать клубок из прямых семантических реакций, ориентирований и ‘логики’ из школьных учебников. Он до сих пор не может усвоить, чем отличается аристотелева ‘логика’ и аристотелевы реакции. ‘Логику’ как таковую мы определяем как ‘законы мысли’; иными словами, правила, по которым, предположительно, осуществляется наше ‘мышление’. Когда мы говорим о ‘мышлении’ как лишь о ‘мышлении’, мы говорим элементалистически — необоснованно. Ориентируясь по-старому, не получится понять, что так называемая ‘логика’ имеет мало какое отношение к процессам в нашем мозге. Она представляет собой не более, чем ‘философскую’ грамматику языка, которым мы пользуемся. Когда я с вами говорю, мои высказывания звучат когенрентно {связно} и ‘логично’. Ваши личностные отношения с другими людьми, невзирая на недостаток знаний о ‘логике’, нередко тоже складываются когерентно. В связи с этим мы можем говорить о возможной теории когерентности. Все в этой аудитории ведут себя более или менее когерентно. В связи с этим кто-то может написать трактат о человеческой когерентности. Его пока не написали, но это стоит сделать. Такая теория когерентности представляла бы ‘законы мысли’ и включала бы раскрытие вопросов о структуре языка. Вы видите, что по-старому мы связали ‘философскую’ грамматику с ‘законами мысли’. Мы поступили глупо. Теорию когерентности пока не написали.

Мы выстраиваем новую структуру языка; новую структуру — не новый язык. Эта новая структура языка подходит структуре мира. Вспомните экстенсиональные приёмы. Мы меняем ими структуру языка, но не язык. Я хочу подчеркнуть, что экстенсиональными приёмами мы меняем структуру языка, но не язык, а экстенсионализация меняет наши внутренние реакции. Изменить язык практически не представляется возможным, но изменить структуру языка мы можем достаточно просто, если нам покажут, как это сделать. Затем благодаря новой экстенсиональной структуре языка наши ориентирования, внутренние реакции следуют по новым экстенсиональным путям. Вы и я, предположительно, не меняемся, но меняются наши ориентирования; они расширяются, становятся гибче,

за счёт чего легче адаптируются к новым требованиям науки и жизни. С новым методом мы получаем инструменты, чтобы обращаться с многообразием опытов, которые становятся всё более сложными, чем получаем ключ к адаптации и, следовательно, к здравомыслию.

Проблем, о которых я говорю, не получится избежать. Рано или поздно человечеству придётся посмотреть в лицо фактам или прекратить существовать. Кажется, что эти события произойдут далеко не скоро, но великие расы появились и исчезли всего ‘пару дней назад’, и от них осталось только несколько черепов, которые сейчас лежать по музеям. Они жили на этой земле, но как раса они исчезли, потому что не адаптировались к условиям жизни. То же касается множества рас животных, ходивших по этой земле и исчезнувших. Не стоит удивляться тому, что по статистической вероятности европейская раса может исчезнуть, оставив после себя лишь несколько черепов в музеях. Возможно, новая раса начнёт перебирать догадки о наших черепах, чтобы узнать, что может натворить больная раса. Они скажут, что мы не адаптировались, не приспособились, из-за чего исчезли. Мы приспосабливаемся к исчезновению, потому что утрачиваем здравомыслие. Чем дальше вперёд мы смотрим, тем опаснее всё это выглядит. По-видимому, за технический ‘прогресс’ мы заплатим распадом, если внутренне не адаптируемся к этому прогрессу. Мы можем направить прогресс конструктивно, если узнаем, как внутренне обращаться с полезными результатами развития науки. Как вы уже знаете, решение этих проблем всегда предполагает метод.

В эту картину также входят, например, проблемы ‘морали’. Я никогда не говорю о ‘морали’, потому что старые проповеди о ‘моральности’ и ‘моральных устоях’ не годятся для работы. Я хочу иметь дело с тем, с чем могу работать.

‘Умственно’ больной человек не может вести себя морально. ‘Умственно’ больной человек приходит к врачу и первым делом раскрывает ему факты своей жизни, некоторые из которых могут помочь раскрыть факторы его заболевания. Независимо от того, что пациент говорит врачу, подробности не впишутся ни в какое старомодное определение моральных устоев. Врач не станет ‘ругать’ пациента. Он не скажет: «Веди себя хорошо», «Веди себя морально» и т. д. Врач похлопает его по плечу и скажет: «Ничего страшного»; психиатры не читают людям проповедей. Они ищут обусловливающие факторы в лечении, а не просто копаются в не менее нежелательных симптомах. Врач занимается тем, что ищет обусловливающие факторы, за счёт чего избавляется от симптомов. В ОС мы делаем это же. Не фокусируйтесь на симптомах, даже на серьёзных, а следуйте за обусловливающими факторами. Я хочу, чтобы вы это уяснили. Социально или индивидуально мы не хотим некоторых симптомов, потому что они представляют опасность или наносят вред.

С этим мы подходим к проблеме; я пользуюсь термином «моральный», чтобы вы понимали потребность в ‘моральных устоях’ какого-то толка, пользуясь старым языком. Я подчёркиваю, что здоровый индивидуум, адаптировавшийся индивидуум, ведёт себя ‘морально’! Без каких-либо проповедей некоторые из моих студентов не поступают определённым образом, потому что такие поступки не способствуют адаптации. Проблема заключается в том, можем ли мы своими изысканиями и исследованиями помочь миру вести себя ‘морально’ работоспособным образом, общим образом. Большинство из вас уже знают по работе со мной, как мы приходим к ясности, — даже работая с темпераментами — как удаётся повысить степень адаптации в человеческих взаимоотношениях, включая наши отношения к самим себе, сделать жизнь счастливее и выработать понимание механизмов так называемых ‘моральных устоев’, только работоспособным образом.

Мир не может продолжать жить без некоторых ‘моральных устоев’, и в связи с этим нас интересует вопрос о выборе имеющихся теорий ‘морали’. Имеем ли мы дело с не-работоспособными теориями, требующими громоздкого метафизического аппарата, чтобы их реализовать, или же мы располагаем простой системой общего здравомыслия, из которой адаптация, здравомыслие и ‘мораль’ следуют?

Вы когда-нибудь видели, как человек ‘болеет’? Всегда ли он ведёт себя ‘по-доброму’? Отличается ли он, больной $Смит_1$, от него, здорового $Смита_1$? Такую позицию мы занимаем относительно ‘моральных устоев’. Здоровые, приспособленные люди ведут себя ‘морально’. Больные люди ведут себя ‘аморально’, или ‘не-морально’, учитывая не-всеобъемлемость. Проблемы ‘морали’ сегодня в этом мире приобрели небывалую важность, потому что мы избавились от старого не-работоспособного, и у нас ничего не осталось. Мы ничем не регулируем своё поведение. Нам не хватает стандартов оценки, по которым мы могли бы ориентироваться. Вы видите необходимость новой теории оценки. Она служит неотъемлемой составляющей поддержания здравомыслия в обществе. Запомните, что первую попытку, и далеко не последнюю, сформулировать современную научную оценку мы предприняли в ОС. Эта работа не остановится на прежнем уровне; мы капнули поверхность и, по меньшей мере, научились отличать старый метод от нового. Создав второй метод, мы теперь можем сравнивать, и в этом состоит основа оценки. Конечная ценность ОС не имеет значения, потому что, по меньшей мере, мы располагаем чем-то для сравнения, оценки и осознания возможности существования чего-то нового, что может оказаться более работоспособным, чем старое, с которым мы потерпели неудачи. Теперь вы, наконец, усвоили, что мы пытаемся сделать во всех науках: сформулировать набор базовых предположений, которые называем ‘постулатами’.

Я говорил вам, что, если вы чувствуете себя здесь уверенно и спокойно, вы в своей уверенности и спокойствии в значительной мере полагаетесь на слепую веру в архитектора, который построил это здание, в людей, работающих в этой школе, в то, что крыша на вас не упадёт, что пол не провалится и т. д. Вам может показаться странным, что ваша уверенность и спокойствие зависят от слепой веры, но в этом заключается факт: предположения имеют место всюду и сопровождают нас по жизни. Я хочу подчеркнуть, что в основании всего, что мы делаем, всякого взгляда и подхода, лежат предположения, большинство из которых мы не осознаём. Не верьте простаку, который говорит вам, что мы можем жить без предположений. Ваше присутствие и уверенность в этом месте зависят от множества предположений. Отнеситесь к этому со всей серьёзностью, потому что это до сих пор остаётся почти неизвестным. Вы бы съедали очень мало пищи за обедом, если бы приходилось каждый раз проводить её химический анализ. Мы так не можем. Нам приходится есть без анализа, и его нам заменяют слепая вера или предположения. Из неё следуют вера в запас пищи, в повара и т. д., а также ответственность.

Здесь мы, наконец, подходим к контролю ответственности, такой как правительственные требования к мясу и т. д. Это означает распределение контроля ответственности. Здесь нас интересует роль преподавателей, ответственность за направление; направление на основе прежних достижений, направление тех, кто в будущем контролирует образование и т. д. Эти люди отбирают проблемы и задачи, которым учат в школах. Они обобщают опыт прошлого, переваривают расовый опыт и т. д. Они постоянно отбирают то, что считают лучшим для нового поколения. Деятели образования несут великую ответственность и за это заслуживают великого уважения. Учащимся следует хорошо относится к работникам образования; хотя многие работники образования оказываются недостаточно образованными, и общество, в добавок, плохо к ним относится. Общество обращается с преподавателями как людьми по ‘найму’ и ‘увольнению’, и это ведёт к разрушению общества, и начинается это разрушение с развала образования.

Вы не можете всю жизнь ходить по библиотекам в поисках фактов; нам приходится полагаться на учёных и преподавателей, делающих это за нас, и работать с их пересмотренными и упрощёнными результатами. И вновь мы возвращаемся к проблеме ‘морали’. Я заканчиваю свои лекции, и поговорю о ‘моральных устоях’ ещё раз. ‘Моральные устои’ становятся необходимостью для нашего выживания. Однако, говоря об их работоспособности, не-работоспособности, разумности и т. д., мы выдвигаем другую пропозицию, и её следует основывать на исследовании. Исследование же следует основывать на всех формах человеческого поведения, и

математику с физикой мы учитываем как формы человеческого поведения. Их создал человек, и чем-то лучше и достойнее исследования мы не располагаем. Исследовав и проанализировав их в действии, мы обнаружим, что имеем дело с факторами ‘лучших’ человеческих проявлений. Математику и физику я вижу как самые совершенные человеческие достижения, и не испытываю в этом ни малейшего сомнения. Математика и физика строилась человеческим поведением. Какие внутренние факторы оказали влияние на людей, которые их построили? Исследовав методы, которыми они достигают результатов, мы выявим ‘лучшие’ из всех человеческих реакций. ‘Лучшее’ человеческое кристаллизовалось математикой и физикой.

Нам также следует изучать так называемых ‘безумных’. Они испытывают проблемы в оценке. Если бы они их не испытывали, то не ‘обезумели’ бы. Реакции ‘безумных’ представляют собой ‘неадекватные оценки’. Соответственно, изучением безумия, нам следует выявить факторы неадекватной оценки. Нам следует выявить факторы человеческой оценки в её худших проявлениях. Изучение лучших человеческих реакций и поступков, которыми мы пришли к лучшим наукам, и реакций на другом краю так называемых ‘безумных’ проходит вместе. Изучая эти факторы, мы можем выявить факторы, конструктивные для нового ‘морального’ кодекса, который может служить будущим поколениям путеводителем. Старое наносит вред и грозит опасностями, потому что молодёжь, молодое поколение, не примет его. Однако на настоящий момент новое остаётся в общем неизвестным.

Вы найдёте принципы этики и морали в экстенсионализации. Поработав на лекциях этого семинара и на частных консультациях, вы почувствуете пользу, которую получили. Запомните, тем не менее, что вы пока проделали очень мало работы. В этой аудитории присутствует студент, который работает над освоением дисциплины уже несколько лет. Он ещё не усвоил достаточно, и знает об этом. Чтобы что-то осуществить, требуется время и труд.

Мы живём в новом мире, хотим того или нет. Нам требуются новые ориентирования, иначе мы исчезнем. Иными словами, как простые люди без специальных научных техник, мы хотим усвоить метод науки. Метод, которым строятся науки, следует привести в работоспособную для применения к жизни форму. Нам стоит начать обращаться со своей жизнью так же бережно и разумно, как биолог обращается с крысой в своей лаборатории. Мы так не поступаем; не обращаемся с собой бережно. Мы, большей частью, не исследовали себя, не исследовали свои жизни и не общались с собой научно в той же мере, в которой биолог делает это со своими лабораторными крысами. Мы приходимся биологами сами себе. Этому я учу вас в ОС. Нам стоит относится к себе так же, как биологи относится к своим крысам, и тогда мы окажемся в лучшем мире. Я не говорю сентиментально. Людей следует привести к морали, нежели проповедовать неэффективные ‘моральные устои.’

Я предлагаю вам шок; рассмотрите его, и любой ‘моралист’ может попробовать повторить описанное в моём примере. На одном из семинаров я приметил одного юношу, у которого постоянно изо рта где-то на полсантиметра торчал язык. Я отметил в нём что-то неадекватное. Я его не знал, но не испытывал сомнений в том, что с ним происходило что-то не то. Я не поднимал вопросов о его языке. Через три недели семинара язык пропал, автоматически. На частных консультациях после семинара выяснилось, что этот молодой человек на деле представлял группу образованных студентов колледжа. Я не стану вдаваться в подробности, потому что они могут показаться слишком ужасными. Я не рассказываю о нём ничего, кроме того, что ему пришлось пережить всё известное ‘аморальное’ поведение. Я не знал этого о нём, а только заметил его язык, который проявлялся лишь как симптом. Я не читал ему проповедей о моральных устоях. Когда ушла проблема с языком, вместе с ней ушли и ‘аморальные’ импульсы. Предположим, я бы сказал ему: «Это плохо. Это ‘аморально’». Это бы не помогло. Задача заключалась в том, чтобы изменить базовые импульсы; этим мы занимаемся в психиатрии. Мы не судим о симптомах, а ищем факторы влияния, за счёт которых симптомы проявляются, и когда мы их выявляем, от симптомов часто удаётся избавиться. Трудности образовались, наслоились друг на друга из-за старых предрассудков и

невежества, представляющих не простое невежество, а ошибочное знание. Мы ‘знаем’, в кавычках, ‘всё о себе’. Те, кто приходил ко мне на частные консультации, знают, сколько они ‘знают’ о себе. То, что вы ‘знаете’ оказывается ложным по фактам. Иными словами, вы ориентируетесь по ошибочному знанию.

Представьте, что вы не знаете, что находится в этом кошельке, в моих руках. Вы не испытываете недовольства в связи с этим не-знанием. Теперь примите это лично. Предположим я, мужчина, и вы, женщина, оказались в ситуации, когда вы не знаете, что находится в этом кошельке. Вы не испытываете недовольства. Однако, если вы ‘знаете’, что здесь у меня лежит письмо от вашего возлюбленного, вы испытаете недовольство. Ошибочное знание не приносит пользы. Вы бы оказались недовольны, если бы знали, что у меня лежит такое письмо. Ошибочное знание нередко наносит вред, хотя даже простое невежество тоже причиняет боль. В том и заключается смысл. Мы не можем просто не знать о себе, а можем только знать ошибочно, и это способствует ‘безумию’. Иными словами, нам обязательно следует усвоить базовые научные знания о себе, которые уже разобрали и воплотили в ОС. ОС даёт задатки современного знания, которое противоречит старому ошибочному знанию и ведёт к здравомыслию.

Я резюмирую курс. Я начну снова с трёх новых базовых положений и подчеркну потребность в прогнозируемости. Прогнозируемость зависит от схожести структуры наших языковых ориентирований и т. д. с фактами. Структура языка может помочь или помешать внутренним ориентированиям. Мы исследовали структуру наших языков и обнаружили не-элементалистический характер фактов, тогда как наш язык носит элементалистический характер. Иными словами, мы начали строить догадки на языке, несхожем по структуре, что исключает возможность прогнозируемости.

Дальнейшими исследованиями удалось выявить, что мир во всех отношениях состоит из процессов. Железо, мы и всё остальное под солнцем, включая солнце, складывается из функционирования, динамического процесса электронов. Мы выяснили, что в четырёх-мерном процессуальном мире, с помощью метода мы можем рассматривать статические пересечения, которые называем событиями. Мы обнаружили, что в четырёх-мерном мире, в котором мы живём, каждая точка обладает датой, следовательно, отличается от самой себя в каждый момент. Мы также обнаружили, что с помощью метода можем переводить статику в динамику, и наоборот. Мы можем поступать рационально и пользоваться статическими представлениями динамического мира, что в старом мире мы делать не могли.

Мы узнали, что испытываем свои внутренние состояния на не-произносимых уровнях. Щипание себя за палец не осуществляется словесно, и не получится произнести. Даже пульсация вашего больного зуба отличается каждый отдельный момент.

Мы выявили экстенсиональный характер мира вне и под нашей кожей. По факту экстенсиональный характер мира требует экстенсионализации ориентирований. Иначе мы не можем совладать с такими внешними и внутренними мирами.

Анализом мы выявили интенсиональность структуры старых языков. Мы словесно определяем ‘стул’, ‘человека’ и прочее, и это не согласуется с действительным миром. Мы выяснили, что следует применять методы, которые долгое время работали в математике: экстенсиональные методы, которыми мы указываем сначала на индивидуума, и только потом на определения; мы не ориентируемся по словесным определениям, сходствам, пренебрегая индивидуальными отличиями. Например, определите «человека», «мужчину», «женщину» и т. д. Нам следует исследовать Смита$_1$, Смита$_2$, Смита$_3$ и т. д. эмпирически. Нам следует собирать экспериментальные данные о Смите$_1$, Смите$_2$, Смите$_3$ и т. д., полученные научным методом, исследовать данные, собранные другими, и формировать собственные обобщения.

Уясните ‘законы’ группового поведения. Горение этой спички представляет собой столкновение группового поведения электронов — сложное групповое поведение электронов. Групповое поведение отличается от индивидуального поведения. Об

этом знают даже в ‘психологии’. Каждый из нас всецело отличается от каждого другого, потому что электроны в каждом из нас группируются по-разному. Так происходит со всем. Чтобы ориентироваться хоть в какой-то мере здравомыслящим образом в таком мире, нам требуется техника экстенсионализации наших внутренних взаимодействий, схожих по структуре с экстенсиональным миром.

Мы свели старые невро-семантические и невро-языковые системы к некоторым положениям и сформулировали три положения ОС для новых систем. Вы знаете следующие положения: 1) карта не есть территория; слово не есть объект или ситуация, ‘ощущения’ и т. д. Одно всегда не есть второе. Мы обнаружили, что по-старому основывались на «есть» тождества, что мы, исследовав факты, полностью отрицаем. Вспомните рассказ о пожилом профессоре математики, который спросил меня, смог бы я отрицать, что «каждая вещь идентична {тождественна} самой себе». Я ответил ему, что смог бы отрицать, что электронные процессы, коллоидный танец и т. д. когда-либо идентичен самому себе. Он ‘знал всё об’ электронных, коллоидных и т. д. теориях, но никогда не ‘думал’ об этом и никогда не применял то, что, предположительно, ‘знал’. Закон не-тождества работает так же универсально как закон гравитации, потому что мы не можем избежать ни того, ни другого. Благодаря ОС мы можем применять научные методы, сведённые к простейшим базовым составляющим; любой простой человек может ими пользоваться. В этом заключается первое положение. Мы видим, что по интенсии отождествляем с помощью ‘есть’; по интенсии мы пользуемся определением, из-за чего основываем своё ориентирование на словесных формах; мы основываем свои внутренние оценки на своих же словесных определениях. По экстенсии мы больше этого не делаем; мы исследуем ‘факты’ и отрицаем ‘есть’ ‘тождества’.

Второе положение: «не все». Вы не можете знать ‘всё’ обо мне. Я не могу знать ‘всё’ о вас. Вы никогда не можете узнать ‘всё’ о себе или о чём-либо. Это касается всего. Определением по интенсии мы не охватываем ‘все характеристики’. Именно поэтому люди поступают догматически, категорически[1] и абсолютически; они знают ‘всё’ по словесным определениям и пишут законы на ‘все’ грядущие времена. Никогда не забывайте ослиный завет: «Не делай ничего иначе, чем делал отец. Не меняйся. Что годилось для меня, сгодится и для тебя»; и завет Шалтая-Болтая, кто прославился тем, что упал; он сказал бы: «Никогда не поступай, как поступил я. Поступай лучше». Это стоит считать человеческим заветом. По-старому мы живём в ‘ослиных’ животных условиях. Пришла пора перейти с животного на человеческий уровень. Иными словами, экстенсионализоваться.

Третье положение: само-рефлексивность, или факт, что на языке мы можем говорить о языке. Словами на одном уровне мы несём значение, отличное от того, которое несём на другом. В своей книге я написал главу о многопорядковости и само-рефлексивности. Вам стоит её прочесть. Я мог бы рассказывать вам часами о том, какой бардак мы устраиваем из-за этой трудности. Вспомните о цирюльнике. Мы не можем оставаться честными, когда нам приходится иметь дело с такими уловками в нашем языке. Помните, что мы обращаемся с немалой частью своей жизни на словесных уровнях. Однако, если мы предупреждаем эти языковые уловки, мы справляемся лучше; избегаем всех этих проблем. По случаю вы можете найти подходящее решение, но старыми методами практическое решение трудностей отыскать не получится. Поэтому мы прибегаем к экстенсионализации, чтобы поспособствовать лучшей оценке внешних событий и самих себя. Вспомните формулу: «Я не знаю, давайте посмотрим». Это означает исследование, задержанная реакция и т. д. Поразмыслите над этим. Из трёх положений первыми двумя мы полностью отрицаем старые положения, и, запомните, только с помощью них мы можем и сможем избежать споров. Если вы отрицаете одно, вам придётся отрицать все три. Решение само-рефлексивности языка на теоретических основаниях — в математической теории типов — понимается с трудом, но в ОС мы решаем эту проблему автоматически с помощью индексов, дат и т. д. Мы не нуждаемся в ‘глубокой теории’. Нас выручают экстенсиональные приёмы. Например: «Никогда$_1$ не говори никогда$_2$».

1. {„dogmatists, categorists“ — Коржибски игрой слов намекает на животный характер поведения.}

Вы помните пример, в котором спрашиваете, хочу ли я сигарету? Экстенсиональным содержимым моего «да$_1$» стала сигарета. Хочу ли я воды? Моё «да$_2$» экстенсионально означает воду. По экстенсии «да» отличаются. Как мы их отличаем? Экстенсиональными приёмами. Когда вы вовлекаетесь в споры, помните, что большинство споров происходит из-за применения одного термина в разных значениях, на разных уровнях, на разных порядках абстракций. Мы что-то высказали, а другой человек рассматривает это на другом уровне абстракций; мы что-то говорим, но не можем друг друга понять. «Общайтесь на равных». Это делается с помощью экстенсиональных приёмов. Индексируйте, датируйте и т. д., и в большинстве случаев вам больше не придётся вовлекаться в споры.

Я хочу резюмировать самые надёжные знания, которые мы получаем о самих себе за счёт применения экстенсиональных приёмов. Мы называем их многопорядковыми механизмами — самые надёжные механизмы, функционирующие в нас. Эти механизмы работают неотделимо от многопорядковых языковых терминов: «да», «нет», «истинный», «ложный», «реальность», «хороший», «плохой», «любовь», «ненависть» и т. д. Многое в наших жизнях зависит от этих механизмов и от применения этих терминов. Эти термины играют очень важную роль в жизни. Мы применяем их многопорядково, и они согласуются с многопорядковыми механизмами, из которых складывается ‘образ мышления’. Под многопорядковостью мы имеем в виду возможность применять данный термин на разных уровнях или порядках абстракций. Кто-то может высказаться о высказывании, иными словами, сделать другое высказывание, употребляя ‘те же слова’. Эти многопорядковые термины мы применяем общим образом на всех уровнях или порядках абстракций. Поэтому я называю их многопорядковыми — на каждом уровне мы несём ими разное экстенсиональное значение. Здравомыслие предполагает адаптацию к ‘фактам’ и ‘реальности’. Проблема ‘безумия’ заключается в дезадаптации. Иными словами, здравомыслия не получится достичь, не взяв под контроль многопорядковые механизмы; стоит показать некоторые применения вышесказанного; например, многопорядковый механизм «мышления о мышлении». Вы можете ‘думать’ о стуле и ‘думать об этом думании о стуле’. Наука и цивилизация стали результатом функционирования многопорядковых механизмов, которые, в конечном счёте, приводят к осознанности абстрагирования. Всю цивилизацию мы построили, задействуя многопорядковые механизмы.

Это относится к одной из конструктивных категорий многопорядковости. Теперь я покажу вам ещё один механизм, которым мы за счёт осознания многопорядковости механизмов обращаем нежелательные характеристики. Например, возьмём ‘ненависть’ первого порядка и ‘сомнение’ первого порядка. Вы можете оказаться неприятным сожителем, если испытываете сомнение первого порядка или ненависть первого порядка. Однако, когда вы переходите к сомнению или ненависти второго порядка, иными словами, если вы ненавидите ненависть или сомневаетесь в сомнении, эффекты обращаются. Когда вы сомневаетесь в своём сомнении первого порядка, вы избавляетесь от него. Вы начинаете научно осознавать механизм и проявлять внимательность. На втором порядке ненависти мы всегда ненавидим ненависть первого порядка. Так мы приближаемся к ‘любви’. Мы можем конструктивно применять это в жизни. Это относится ко второй категории многопорядковости — выявление механизмов второго порядка с целью обратить механизмы первого порядка.

Третью категорию мы находим в психологии. Например, волнение о волнении и т. д. К психиатрам нередко приводят пациентов в плохом состоянии. Они волнуются о своих волнениях и часто ‘сходят с ума’. В больницах пациентам просто объясняют разными словами, что волнение первого порядка может проявляться право-мерно, тогда как волнение второго порядка нет, и через несколько недель пациент выходит из своего состояния. Мы располагаем этими тремя категориями.

Я хочу показать вам, как мы можем применять вышеописанное к повседневной жизни. В этом фигурирует множество составляющих ‘этики’, ‘моральности’ и т. д. Я постараюсь говорить ‘вежливым языком’, и вам придётся воспользоваться своим воображением. Договорились? Говоря о ‘моральных устоях’, ‘сексуальном поведении’ и т. д. представьте, что вы злоупотребляете чем-то, что наносит вам

вред, например, вам нравится есть спички; я имею в виду намного больше чем говорю. Я говорю о ‘поедании спичек’, но имею в виду глубочайшие ‘моральные’ проблемы. Представьте, что вам нравится ‘есть спички’. Вы занимаетесь чем-то нездоровым, но вам нравится, и вы их едите. Я как не я, а Смит$_1$, проповедник, говорю вам: «Это аморально. Не хорошо. Вы не попадёте в рай», и т. д. Вы отвечаете себе и мне: «Я в это не верю. Я не верю в этот старый бред». Так вы на деле ответите, если вам нравится ‘есть спички’, а я начну читать вам проповеди о ‘моральных устоях’. Здесь мы видим проблему: если вы так ответите, то продолжите ‘есть спички’, чем насовсем откажетесь от моей ‘мудрости’. Вы откажетесь от моей помощи насовсем, и, не получив помощь, продолжите есть вредные спички. На вас это плохо скажется; вам придётся, в конечном счёте, за это заплатить. Так у нас происходит по-старому. Теперь посмотрим, как мы поступаем с учётом ОС.

ОС предполагает экстенсионализацию — знание о многопорядковых механизмах и т. д. Рассмотрим подобную ситуацию. Вам нравится ‘есть спички’, что наносит вам вред. Я знаю это, но на этот раз не как Смит$_1$, проповедник, а как человек, практикующий общую семантику. Я вами интересуюсь и говорю с вами о ‘поедании спичек’ с точки зрения нового, а не старого, с точки зрения оценки. Вы по привычке, отмахнётесь от меня тем же старым образом. Вы знаете, что я вам скажу? «Ваш недостаток оценки реализуется оценкой низкого порядка. Отмахнитесь от этого, если сможете». У вас не получится от этого отмахнуться, потому что ваш недостаток оценки представляет собой лишь оценку низкого порядка. Иными словами, у вас не получится отмахнуться от многопорядковых терминов. Это не даст вам покоя, и вам придётся рассуждать об этом. Вы можете отмахнуться от старого и забыть о нём, но от многопорядковой оценки у вас отмахнуться не получится. Вы не успокоитесь, пока не увидите, что происходит. Так мы применяем ‘оценку’; так работают многопорядковые механизмы. До вас доходит?

Среди других серьёзных и трагичных трудностей следует выделить вопрос ‘сексуальной’ дезадаптации и недопонимания ‘секса’. Вспомните 9/10 и 1/10 функционирования гонад. Мы по невро-физиологическим фактам относим их к энерго-производящим железам — они производят энергию для всего тела, включая мозг, и нам следует это учесть. Нам следует пересмотреть свои старые ориентирования по теме ‘секса’, потому что в старых рамках мы не принимали в расчёт 9/10 функционирования. На определённых уровнях биологические силы работают беспрепятственно, например, на уровне животных. С нами дела обстоят иначе. Наши биологические уровни могут подвергаться воздействию семантических уровней оценки. Спроецируйте 9/10 на 1/10, и у вас останется слишком мало энергии там, где вы в ней нуждаетесь, и слишком много энергии в 1/10, и в надлежащих ‘сексуальных функциях’. У животных так не получается, потому что они не обладают семантическими механизмами. Такое часто приводит в больницы и всегда считается ‘аморальным’. На европейском уровне нам требуется выработать новое отношение друг к другу и к самим себе. На животном уровне ‘удовольствие первого порядка’ зависит от удовольствия 1/10, но на уровне европейского человека нам следует выходить на удовольствие второго порядка — удовольствия от удовольствия. Так работает организм-как-целое. Здесь начинает фигурировать топология.

Я надеюсь, это повторение приведёт к практическим результатам и применениям. Мне, однако, стоит повторить, что экстенсионализация может занять месяцы, и только по достижению экстенсионализации мы достигаем результатов — положительных конструктивных результатов. Цель Науки и здравомыслия и ОС состоит в том, чтобы научить нас извлекать из науки факторы, которые её сформировали, и, следовательно, помочь нам выявить факторы здравомыслия. Нам не понадобится набираться обширных ‘научных знаний’ или становиться ‘великими учёными’, чтобы абстрагировать техники науки. Извлекайте методы, и, как показывает опыт, результаты последуют. В этом заключается цель ОС. Мне понравилось с вами работать. Спасибо.

ДОПОЛНЕНИЕ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ректор Бруэр попросил меня сказать несколько слов об отношении, которое формируется за счёт общей семантики, к изучению иностранных языков. Я вижу это семантически важным вопросом. Нам следует чётко отличать изучение мёртвых языков, таких как латынь и древний греческий язык, которые обязательно пригодятся некоторым будущим специалистам, но семантически важной роли не играют, от изучения современных языков, или хотя бы одного современного иностранного языка. Последнее играет важнейшую роль.

Стоит признать, что изучение иностранных языков, может даваться, по меньшей мере, с трудом. Однако для культурного развития, видится желательным путешествовать и не ограничивать знания о мире своей маленькой деревней или страной. Путешествие без владения иностранным языком, по меньшей мере французским, часто оказывается раздражающим, и не приносит полезных результатов, которых следует ожидать. Если вы говорите только по-английски или ‘по-американски’, то окажетесь привязанными к гостиницам и местам, где понимают английский или ‘американский’, и узнаете очень мало о новом типе жизни, которой живут люди в другой стране. Иными словами, вы упустите главную пользу, которую могли бы получить от путешествия, а ваши ‘личные мнения’ о другой стране и человеческих жизнях её жителей останутся на уровне глупых, а порой и вредных сплетен на деревне. Мнения глупых ‘американцев’, которые не владеют иностранными языками, но пытаются путешествовать представляются не менее нелепыми, чем мнения глупых людей, которые не говорят на английском или ‘американском’, и путешествуют, например, по Соединённым Штатам. Они, как правило, не поняв ничего о том, что увидели, возвращаются ‘домой’ ещё более предвзятыми и глупыми, чем в начале своего ‘путешествия’ в целях ‘культурного обогащения’.

Это касается практических и довольно поверхностных культурных вопросов. Серьёзные семантические полезные эффекты от изучения иностранных языков, ведут нас гораздо дальше. Они способствуют высшей цели экстенсионализации, которую я называю «осознанностью абстрагирования». Если благодаря знанию иностранного языка вы знаете, что то, что мы на английском или ‘американском’ языке называем „cane“ {«трость»}, на польском называется „laska“, или то, что мы на англо-американском называем „love“, на французском называют „amour“ и т. д., это семантически глубоко воздействует на ваши ориентирования и способствует осознанности абстрагирования. Вы чётче осознаёте, что слова не есть вещи, о которых мы говорим. Разговоры остаются разговорами, а факты, ‘вещи’ и т. д. не есть пустословие. ‘Поразмыслив’ об этом, вы приблизитесь к осознанности абстрагирования и продвинетесь по пути к экстенсионализации и, следовательно по пути к здравомыслию.

Изучение иностранных языков видится культурно и семантически очень важным, и польза от изучения, по-видимому, оправдывает его трудоёмкость.

На прощание я хочу отметить, что как класс вы проявили активное сотрудничество. Я желаю вам удачи в индивидуальной адаптации, которой вы сможете достичь достаточными усилиями, без которых вы и я попросту потратили время впустую. Что ж, удачи и спокойной ночи.

“”

‘’